

БУШИН Владимир Сергеевич

Бушин Владимир Сергеевич, род 1924 г. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Литинститут им. А.М. Горького и Московский юридический (экстерном). Автор нескольких книг прозы, публицистики и поэзии. Был «отлучен» от литературы в годы застоя. Ныне один из самых ярких публицистов русского Сопrotивления. [Далее...](#)

Бушин В.С. [«Честь и бесчестие нации»](#). Сборник лучших статей о перевертышах.

«Республика». 1999 г. 480 с.

Бушин В.С. ["Билет на лайнер"](#), О странностях любви Распутина к Солженицыну, "Завтра",

№25, 2000 г., 100000 экз., 42,0 Кб.

Бушин В.С. ["И.О. Просится в сортир НАТО. Там и будем мочить."](#) Почему Путин хотел

террористов мочить в сортире. "Завтра", №12, 2000 г., 100000 экз., 27,0 Кб.

Бушин В.С. ["И тихо так, господи, тихо..."](#), Бушин на смерть В.Кожина. "Завтра", №9, 2001 г.

100000 экз., 38,0 Кб.

Бушин В.С. ["Курск" и "Челюскин"](#), Путин не соответствует должности по моральным

критериям. "Завтра", №35, 2000 г., 100000 экз., 29,0 Кб.

Бушин В.С. ["Он все увидит, этот мальчик"](#), О Павлике Морозове, "Завтра", №2, 1998 г., 100000

экз., 40,0 Кб.

Бушин В.С. ["Семь сорок" и "Интернационал"](#), Об интеллекте Явлинского и прочих, "Завтра",

№14, 2000 г., 100000 экз., 39,0 Кб.

Бушин В.С. ["В XXI век - без Немцова и сифилиса"](#), О Немцовых и прочих сванидзах, "Завтра", №8,

2000 г., 100000 экз., 32,0 Кб.

Бушин В.С. ["Гробокопатели"](#), О наездах на мавзолей В.И.Ленина, "Завтра", №25, 1997 г., 100000

экз., 13,0 Кб.

Бушин В.С. ["Два оплеушника"](#), О Руцком и Черномырдине, "Завтра", №48, 2000 г., 100000 экз.,

20,0 Кб.

Бушин В.С. ["Единственный шанс Путина"](#), Этот шанс - немедленно Ельцина в тюрьму.,

"Завтра", №15, 1999 г., 100000 экз., 17,0 Кб.

Бушин В.С. ["Есаул Калмыков под Нарвой и в Москве"](#), Актеру М.Глузскому, который слаб в

коленках, "Завтра", №48, 1999 г., 100000 экз., 31,0 Кб.

Бушин В.С. ["Зачем взрывать синагоги?"](#), Евреи разные бывают, "Завтра", №20, 1998 г., 100000

экз., 22,0 Кб.

Бушин В.С. "*Культурки не хватает...*", *О малограмотности вождей Эрэфии*, "Завтра", №3, 2000 г., 100000 экз., 24,0 Кб.

Бушин В.С. "*Лампадным маслицем - по костерку*", *Патриарх вякнул о мавзолее В.И.Ленина*, "Завтра", №22, 1999 г., 100000 экз., 12,0 Кб.

Бушин В.С. "*Лошадь в болоте*", *О жидях Макашова и Сванидзе*, "Завтра", №41, 1998 г., 100000 экз., 11,0 Кб.

Бушин В.С. "*Менуэт президента*", *К годовщине воцарения Путина*, "Завтра", №3, 2001 г., 100000 экз., 40,0 Кб.

Бушин В.С. "*Не быть слепым*", *Отклик на письмо Тополя-Березовскому*, "Завтра", №46, 1998 г., 100000 экз., 22,0 Кб.

Бушин В.С. "*Осанка благородства*", *О брезгливости к С.Степашину*, "Завтра", №37, 1999 г., 100000 экз., 15,0 Кб.

Бушин В.С. "*Черное и красное*", *О предавших Победу Астафьевых, Киселевых и других познерах*, "Завтра", №25, 2001 г., 100000 экз., 82,0 Кб.

Бушин В.С. "*На твоём бы месте...*", *Как оппозиция допускает промашки в пропаганде*, "Завтра", №2, 1998 г., 100000 экз., 12,0 Кб.

Бушин В.С. "*Эдвард и его братья*", *Недоносок Радзинский оценивает Сталина*, "Завтра", №18, 1997 г., 100000 экз., 31,0 Кб.

--

**Весь этот мир —
от блещущей звезды
До малой птахи,
стонущей печально,
Весь этот мир
труда, любви, вражды —
Весь этот мир
трагичен изначально.
И ничего другого
здесь не жди,
А наскреби терпенье
по сусекам
И зная все,
сквозь этот ад иди
И до конца
останься человеком.**

Тов. Бушин! Стихотворение Ваше получил. Оно настолько хорошо, что у некоторых товарищей из нашей редакции возникло сомнение: действительно ли Вами написана эта вещь? Не списана ли она из какого-нибудь журнала?

Прошу прислать другие Ваши стихи и указать Ваше воинское звание.

Прошу не обижаться. С приветом.

**Капитан С.ШЕВЦОВ, П.П.01833-Р. 20 февраля 1945 г. Восточная Пруссия. Редакция
газеты “Разгромим врага”. 50-я армия.
Третий Белорусский фронт.
(После войны С.А.Шевцов несколько лет возглавлял журнал “Крокодил”)**

Глубокоуважаемый Владимир Сергеевич, нашу встречу и беседы минувшим летом в Ясной Поляне я вспоминаю с теплым дружеским чувством... А что касается портрета И. В. Сталина в моей комнате, который по нынешнему времени, как мне показалось, удивил Вас, то он здесь не случайно: этот человек вернул мне родину... С признательностью помню я и о том, что через публикацию в “Молодой гвардии” моей переписки с Н. К. Рерихом Вы дали мне возможность заработать хорошие деньги...

Вал.БУЛГАКОВ. 9 декабря 1960г. Ясная Поляна. (В. Ф. Булгаков — секретарь Л.Н. Толстого, автор книги “Л.Н.Толстой в последний год его жизни”. Долгие годы после революции прожил в эмиграции.)

Дорогой тов. Бушин, я впервые после большого перерыва прочитал свои письма Рубакину, и они мне не понравились. Умоляю Вас (если Вы намерены печатать их), сделайте кое-какие купюры. В первом письме мне показались отвратительными мои жалобы на болезнь, на бессонницу. Вообще, чем больше вы сократите их, тем лучше...

Корней ЧУКОВСКИЙ.
17.06.1962. Переделкино.

Многоуважаемый Владимир Сергеевич! Я очень признателен Вам за присылку “Подъема” №5... Эта Ваша статья кажется мне очень глубокой и серьезной — именно на том уровне написана она, на котором только и имеет смысл критическая литература... Особенно интересен и содержит много меткого раздел о “Кречетовке”... Много верного и для нашей литературы полезного в том, что Вы пишете, противопоставляя “эстетику песчинок” и “эстетику самородков”. Нам надо учиться видеть красоту обыденного... Жаль, что из-за тиража журнала статью мало кто прочтет... Брошюру Вашу я в свое время получил тоже... Такую работу — предоставьте тем, кто лишен Ваших незаурядных способностей.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН.
2 января 1964 г. Рязань.

— Твоя статья об Окуджаве — это блеск. Блеск! Я не знал, что сейчас можно так писать. Какая ирония! Я думал, что это осталось в XIX веке. Ты открылся мне с новой, совершенно неожиданной стороны.

Юрий БОНДАРЕВ.
22 ноября 1979 г. ЦДЛ, партком.

Статью об Окуджаве читал с наслаждением. Дочь сказала: “Какое великолепное исследование глупости!” Повееяло XIX веком...

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ.
Воронеж, 18 декабря 1979 г.

— Святыни задел. Бомба! Еще жив?

Виктор БОКОВ. 18 декабря 1979 г. на Пленуме правления Союза писателей в ЦДЛ.

Еле-еле разыскала журнал и статью прочла залпом. Вы дали разбор, какого Окуджавы, наверное, никогда не имел... Критик вы блестящий — этого не отнять.

Наталья СУХАНОВА.
22 февраля 1980 г. Ростов-на-Дону.

Статью вашу, беспощадную и справедливую, буквально вздох читали в гагаринском Доме творчества грузинские и русские литераторы. Отклики самые разные, но ни одного — равнодушного... Статья блестящая по сарказму, по убедительности и чисто художественной форме, достойной лучших образцов русской критики.

Юрий ПОМОЗОВ.
2 октября 1979 г. Ленинград.

— Старик, напиши обо мне такую же статью!

— Ты что? О тебе, чьи романы дарят в чемоданчиках делегатам партсъездов? Да кто ж такую статью о тебе напечатает?

— Да ты напиши только. Я все организую. Осточертела мне эта цековская пресная слава. Напиши!..

**Из разговора с П.П.
Декабрь 1979 г. Ресторан ЦДЛ.**

*Дорогой Володя Бушин!
Тебя приветствует Глазков,
Который, не пугаясь стужи,
Отчалил от материков!*

Николай ГЛАЗКОВ, великий путешественник. 22 августа 1975г. Магадан, где я купался в Охотском море.

Я вообще ценю остроумие, а когда оно сочетается со смелостью, глубиной анализа, математической точностью, — это достойно восхищения.

Твой АЛЕКСЕЙ. 12 мая 1980 г. Алушта.

Что ни слово Ваше, то истинная правда. Благодарю за то, что с поднятым забралом кинулись в бой. Вот бы всегда и всем так!

З.Я.СТЕЛЬНИК. 9 августа 1979 г. Баку.

Прочитал Вашу восхитительную статью — ироничную, умную, злую, красивую... Я обожаю процесс заслуженного развенчания идолов, о которых можно сказать: “В Одессе все так умеют, только стесняются”. Ваша статья стала для меня классическим образцом литературной критики. Бейте зуавов, выдающих себя за зулусов!

**И. ТАРНАПОЛЬСКИЙ.
30 апреля 1980 г. Харьков.**

Уважаемый Владимир Сергеевич, простите ради Бога, что с таким опозданием отвечаю на ваше столь любезное письмо. Я бы даже сказал, что это редкостный случай для нашей среды, где так принято подсиживать друг друга... Ваши замечания о моей книге “Личность Достоевского” для меня очень ценны. Большое спасибо. Надеюсь, через год-полтора у меня будет возможность послать Вам новое издание, и тогда Вы убедитесь, сколь внимательно я отнесся к Вашим замечаниям... При случае был бы рад познакомиться с Вами.

**Борис БУРСОВ.
12 февраля 1981 года. Ленинград.**

Милый Владимир Сергеевич! Простите, что не провожаю — ко мне пришла наш общий друг с М.С.Волошиной — давно не виделись. Жму руку, жду фотографии. Храни вас Бог в пути! Мой телефон: 280-84-71.

А.И.Цветаева. 18.10.83. Коктебель (написано по случаю моего отъезда из Коктебеля.)

Уважаемый Владимир Сергеевич! Может быть, Вы, умный и интеллигентный человек,

напишите мне, что сделать, чтобы поднять уровень ученых мужей и высокопоставленных сановников до уровня старух на завалинке, за которых Вы так остроумно заступились, хотя бы в нравственном смысле. Посоветуйте...

Вениамин КАВЕРИН. 16 февраля 1984г.

Ваши статьи всякий раз доставляют мне удовольствие: точные, очень убедительные оценки разбираемых произведений и при этом — культура полемики, чего в наше время явно не хватает. Мне думается, вершина Вашего творчества в этом направлении — статья “Когда сомнение уместно” в “Нашем современнике” №4 за этот год. Отлично написана! Весьма культурно разделали вы М. Шатрова и других наших очень модных перестройщиков, сняли с них налет фальшивой важности и значительности. “Короли перестройки” оказались голыми.

Леонид ИВАНОВ. 25.04.89г. Омск.

Владимир Сергеевич! Что бы потом ни писали, что ни говорили, но ничего не может быть дороже первой рецензии, первой поддержки.

С уважением, признательностью и самыми лучшими пожеланиями.

Владимир БОГОМОЛОВ. 21 июня 1959г.

В. Бушин — критик не из робкого десятка, он не заботится об академической округлости высказываний. Обычно в своих статьях он следует буквально по пятам литературных событий. Подобное “поспевание” не такое уж частое достоинство нашей критики...

**Михаил ЛОБАНОВ. Из рецензии для издательства “Советский писатель”.
20 октября 1961г.**

Работая над книгой о выдающихся деятелях мирового коммунистического движения, воссоздавая титанического наполнения образы Маркса и Энгельса, В. Бушин, безусловно, делает большое дело. Это высокая тема, труднейший жанр, но несомненны художественные достижения автора. Он рисует своих героев действительно интересно, ярко в порыве вдохновения...

**Игорь ЗОЛОТУССКИЙ, критик, член редколлегии “Литературной газеты”. Из
внутренней рецензии для издательства “Советская Россия”. Октябрь 1986г.**

— Читая твои статьи, старик, я столько раз порывался позвонить тебе, сказать доброе слово, но боялся, что после нашей распри 86-го года ты это не так поймешь...

Владимир КАРПОВ, Герой Советского Союза, бывший первый секретарь Союза писателей СССР, бывший член ЦК КПСС, бывший депутат Верховного Совета СССР, бывший чемпион Средней Азии по боксу в среднем весе, бывший разведчик, взявший в плен 79 бывших языков.

Уважаемый Владимир Сергеевич!.. Бондареву я сказал, что “прорабов перестройки” будут знать в XXI веке по сатире Бушина.

Валерий ГАНИЧЕВ. 25.8.89г.

Я за публикацию статьи В. Бушина о Сахарове. Пора открыто говорить, кто есть кто.

**Валентин РАСПУТИН, член редколлегии
“Нашего современника”. 11 октября 1989г.
Из внутренней рецензии для журнала.**

— Вы читали статью Бушина о Сахарове? Какой молодец!

**Игорь ШАФАРЕВИЧ, член редколлегии “Нашего современника” — Валентине
Кургановой, редактору издательства “Советская Россия”. Декабрь 1989 г.**

Всегда, когда читаю статьи Владимира Бушина, я хохочу, негодую, печалюсь и вообще считаю его блестящим публицистом.

**Станислав КУНЯЕВ, главный редактор “Нашего современника”. “Литературная
Россия”.
14 мая 1993 г.**

Дорогой Владимир Сергеевич! Ваши статьи произвели на меня огромное впечатление. Значит, есть еще в России люди, не потерявшие ум и совесть!

...Прочитал вашу рецензию на книгу Окуджавы. Получил огромное удовольствие как от литературного произведения. Вот в таком духе написать бы целую книгу о писателях, раздутых на Западе и навязанных России в качестве “гениев”! Я имею в виду Солженицына, Аксенова, Войновича и многих других. В конце концов должен же кто-то сказать, что все эти короли на самом деле голые... С огромным наслаждением прочитал ваши последние работы. Думаю, Ваша критика Солженицына особенно важна.

Александр ЗИНОВЬЕВ. 20 августа, 30 ноября 1990г. и 17 декабря 1991г. Мюнхен.

Сегодня у всей нашей семьи праздник — Ваша статья в “Советской России”!.. Когда Ваших статей долго не бывает, мы за Вас волнуемся: не случилось ли чего с Вами? Поэтому постарайтесь писать чаще...

**П. М. БЕЛОНОВА.
Щекино, Тульская область.**

Редколлегия учреждает ежегодную премию и называет лучших авторов газеты в 1992 году: Владимир Бушин — писатель, публицист, критик...

В. ЧИКИН, главный редактор “Советской России”. 29 декабря 1992г.

— Не так давно навестил я Леонида Максимовича. Он два раза принимался расспрашивать о Вас. Позвоните ему. Старику будет приятно. Он интересуется.

Евгений ОСЕТРОВ. 29 июня 1992 года.

— В последние годы я часто бывал у Леонова. Помогал готовить к изданию его “Пирамиду”. Всегда являлся с пачкой свежих газет. И Леонид Максимович обычно сразу осведомлялся: “Нет ли чего-нибудь новенького Бушина?” Если было, я ему непременно читал. Иногда он так

смеялся!..

**Вадим ДЕМЕНТЬЕВ. 1 октября 1994г.
Красновидово-на-Истре.**

Владимир Бушин — лучший критик современности.

Владимир КРУПИН. “Завтра” №6(62) 1996г.

Владимир Сергеевич! Как приятно знать, что ты не Бухбиндер... Спасибо за рецензию на генерала. Она войдет в число самых удачных твоих опусов. И насчет нового Репина тоже хорошо. Скажи Володя Бондаренко, чтобы выхлопотал для тебя за нее Антибукера, иначе я с ним стреляться буду. Я ведь ему не Палиевский...

Василий БЕЛОВ. 13 октября 1997г. Вологда.

Дорогой Володя!.. Я читаю и храню все твои публикации. Восхищаюсь и горжусь твоим гражданским мужеством. Приезжай в гости. Обнимаю как брата.

Сафар МАКИТОВ. 8 октября 1992г. Нальчик.

Из публицистов первое лицо — Владимир Бушин.

С.Б., коммунист. Дубна. “Завтра” №35, 1997.

Главному редактору “Советской России” В.Чикину.

Вашу газету я открываю в основном из-за него — Владимира Бушина. Его литературные работы благодаря особому дару автора изнутри “взорвать” проблему позволяют воочию увидеть действующие лица во всей их неприглядной красе.

Решил просить вас дать фото и поместить очерк о В. Бушине. Это классный мастер пера, какой-то народный мститель от Бога!

**А. СИДОРОВ, доктор экономических наук,
профессор, член-корреспондент
Академии наук. 8 июня 1993 г. Краснодар.**

Ай да Бушин! Ай да сукин сын!.. Умница и молодец!

**Вера КАЛИНИНА, социолог.
13 февраля 1991 г. Березники.**

При мне одна женщина на троллейбусной остановке читала наизусть ваше стихотворение:

Я убит в “Белом доме”.

Я стоял до конца.

Я надеюсь, как должно

Вы отпели бойца...

И. П. КУЗНЕЦОВ, Краснодар.

Я знаю таких, как Вы. Они отстреливаются до последнего патрона...

Б.И.ШИРОКОВ. Клин, Московская область.

Эй, Аллах! Дай счастья Бушину!

Наил ТАИРОВ, Тверь.

Ваши книги читало почти все наше село...

**В. И. АНТОНОВА.
Село Камышовка, Саратовская область.**

Что меня привлекает в Ваших работах? Разумеется, идейная тенденция. Это условие важное, но не самое главное. Ведь тенденцию еще надо провести, надо так подобрать слова и расставить их, чтобы текст представлял собой некую художественную цельность, чтобы он обладал известным эстетическим совершенством. У Вас это получается превосходно. Помню, к примеру, Вашу давнюю статью о господине Евтушенко. Как замечательно написана... Слой за слоем Вы снимаете румяна с очередного властителя дум демократической интеллигенции, и в итоге перед нами предстает персонаж в его подлинном облики... Вы — блестящий клиницист, сумевший глубоко и всесторонне, на обширном эмпирическом материале, описать патологию под названием "демократия". И вот за этот талант я Вас ценю. Для меня Бушина не может быть слишком много.

**Р. Л. ЛИФШИЦ, доктор философии.
6 марта 1998г. Комсомольск-на-Амуре.**

*Попал Бушину на суд —
Адвокаты не спасут!*

Сергей МИХАЛКОВ. 13 ноября 1994г.

...Прочла. Восхищена. Плачу. Рада, что есть люди, как Вы, — луч света в кромешной тьме...

**Н. И. ДРОБЫШЕВА. Краснообск,
Новосибирская область.**

Дай Бог вам силы и здоровья в наше адское время...

Л. М. БАРЫШЕВА. пос.Ноглики, Сахалин.

Мне уже 80 лет, но за это долголетие никто не вызывал у меня такого восторга и восхищения, как вы своей смелостью, справедливостью, дальновидностью и готовностью на личное ущемление ради правды. С низким поклоном.

**К. И. ДЖИОЕВ, генерал-майор артиллерии.
Владикавказ.**

— Владимир Сергеевич! Дайте что-нибудь для моей молодой газеты. Ну хоть пару страниц. Вот вам сто долларов. Хоть что-нибудь!..

**Жорж Му-му, главный редактор
газеты “Ду-ду”. 17 июня 1996г.**

Ваше слово, будьте уверены, авторитетно в народе... Тысяча спасибо за книгу. Вас на моей родине читают, любят и благодарят. Берегите себя хоть малость. Вы так нужны обманутому и униженному народу. Мысленно обнимаю.

В. Т. ШАЛАМОВ. Дмитровск-Орловский.

Я храню и перечитываю статьи Владимира Бушина, главного следователя по особо важным делам предательства Родины.

Д. ТРОФИМОВ. Москва.

Вы один из немногих, кто смело говорит правду. Ваши статьи — эликсир для души. Прошу выслать книгу “Окаянные годы” на любых условиях.

А. А. РЯЗАНОВ. Пос.Приобский, Алтай.

Моя благодарность Вам не имеет словесного эквивалента. До сих пор ничего лучшего не встречал, хотя читаю немало. Вы тот человек, который ниспослан свыше взять на себя тяжкий и великий груз — предупредить оскотинение людей. Это дело ждало Мастера. Этот Мастер — Вы. Ваши книги цены не имеют.

Е. А. СИГАЕВ. Кемерово.

Читаю все, что Вы печатаете. Обожаю Ваш сочный, ядреный язык, а главное — огромную любовь к России, к нам, русским.. Страстно желаю Вам здоровья и счастья!

Н. А. БАРХАТОВА. Асбест.

Многие у нас, ей-Богу, просто молятся на вас.

Ю. В. ДОРОДЬКО. Киев.

Буду помнить Вас, пока буду жить.

И. И. ПЕТРОВ. Кизляр, Дагестан.

Ну наконец-то, Господи, можно связаться с Вами!.. Демократическим авторам нечего противопоставить Вашему поистине золотому перу. Это глубоко русское явление.

М. Я. КОВАЛЕВ. Тихорецк.

В нашей воинской части за подшивкой с циклом Ваших статьей “Кадры решают все” занимали очередь.

А. В. СЕМЕНОВ. Камчатка.

Ваши стихи читает вся школа!

Е. Г. САРКИСОВА. Кисловодск.

От общения с Вами чувствуешь себя очищенным, вдохнувшим озона в душной атмосфере лицемерия, лжи, мимикрии. Дай Бог (если он есть) Вам здоровья, многих лет жизни. Совесть нации не Витя из Овсянки, а (...)

Л. Г. ПОГОДИН. Пермь.

Потрясло стихотворение “Двадцать восьмая могила”. Давно уже не плакал, а тут не мог сдержать слез. Спасибо, дорогой наш человек! Я счастлив!.. Нас не сломить!

Б. А. ЖУКОВ. Москва.

Я давно мысленно говорю с Вами. Я всегда ожидаю Ваши статьи...

Н. А. УГРЮМОВА. Липецк.

Ваши книги здесь ходят по рукам. У Вас огромная читательская аудитория. Зачитывают до дыр...

**В. А. СОЛОВЬЕВ.
Село Большой Сундырь, Чувашия.**

Читая Ваши книги, веришь, что жива Россия!

В. Г. ПАВЛОВА. Ростовка, Омская область.

Ваше стихотворение “Двадцать восьмая могила” мы отпечатали в форме листовки и расклеили в городе.

В. А. ИГНАТЬЕВ. Билибино, Чукотка.

Осиротели я и мои друзья после Вашего исчезновения со страниц “Советской России”, осиротели без Вашего набатного голоса... Ваши книги — энциклопедия света и тьмы, их главное свойство — вселять силу в читателя для борьбы с тьмой.

Г. И. МУРЗОВ. Тверь.

Вы создаете шедевры. Ваш голос должен звучать громко и непрерывно, несмотря на все преграды и чикинские шлагбаумы.

С. Н. ЗЕМЛЯНСКИЙ. Коломна.

Когда, открывая газету или журнал, вижу подпись “Владимир Бушин”, это для меня праздник души.

**И. Л. МАХИТАРОВ. Станица Придорожная,
Краснодарский край.**

Некоторые Ваши стихи я перепечатала в десятках экземпляров и пустила по рукам. А недавно перепечатала в 3-х экземплярах (сколько хватило бумаги) Вашу книгу “Колокола громкого боя” и два экземпляра пустила по рукам. Свою уже не дам никому больше, ее и так порядком затрепали... Беспokoит Ваше молчание. Уж не болеете ли? Не надо! Мы вас любим и

ждем новых книг.

З. НИКИТИНА. Северск.

Я всегда сожалею, что у ваших книг есть конец.

В. Г. СВЕТЛАКОВ. Пермь.

Стихи великолепны! От некоторых буквально ком в горле. Как пьешь кристально чистую воду из природного источника. Это говорит о том, что Россия не погибла, пока живут такие писатели, как Вы. Вас любят и ненавидят.

А. Ф. СМЫГИН. Ленинград.

Прочитав Ваших “Клеветников России”, я уверился, что доживу до того дня, когда вся горбачевско-ельцинская нечисть будет вздернута на фонарях.

Е. О. СМОРОДЯКОВ. Екатеринбург.

Благодарю за праздник, устроенный мне Вашими книгами. Восхищен!.. И посмеялся до слез.

В. Г. ИВАНОВ. Улан-Уде.

Вы — один из немногих писателей, чьи произведения нужны сейчас больше, чем хлеб насущный. Они нужны как воздух!

Р. Н. РЕПИНА. Москва.

Знайте, что воздействие Ваших статей на душу и сознание такое же, как сообщения ТАСС в самую глухую и беспросветную пору минувшей войны “В последний час” — о разгроме немцев под Москвой или под Сталинградом.

Б. А. РЕМИЗОВ. Москва.

Спасибо, что Вы есть, защитник униженных и оскорбленных...

П. К. КУЧЕРОВ. Пос. Тульский, Адыгея.

Стихи читаю, перечитываю и тихо плачу... Ждем газету из-за Ваших статей — глотка чистого воздуха. Сравниваю вас с Оводом... Я атеистка, но если Бог есть, я хочу, чтобы он дал Вам счастье увидеть нашу Родину очистившейся и воспрявшей...

В. С. ЗАХАРЕВСКАЯ. Сибай, Башкирия.

На месте Старовойтовой я повесилась бы после того, что Вы о ней написали...

М. Т. ЗОТОВА. Новгород.

Присылайте все, что будете издавать. Ваши книги должны читать миллионы!

Н. И. БРИТАКИНА. Самара.

Получил Ваше письмо — и радость захлестнула сердце! Мне шлет послание бог вина и любви — Вахх. Без него зачахла “Советская Россия”. Потому и не выписал ее на второе полугодие. У меня в семье читают Ваши статьи вслух. Это добрый “час хохота”. Ничего подобного

публицистика еще не знала. Как будто не злой сатир пускает ядовитые стрелы, а вот именно веселый и озорной Вахх. И пускает он золотые стрелы, но они разят насмерть...

И. А. ЗАЙЦЕВ. Новгород.

Вы поистине солнечный человек!.. Если еще и держимся, то только благодаря Вашей мощной духовной поддержке. Вы нам очень нужны!

Н. Г. ДОИЛЬНИЦИНА. Архангельск.

С Вашими книгами в дом входит радость.

Р. М. КОРОЛЬКОВА. Ярославль.

Сегодня у меня праздник — получила ваши книги. А прежние ходят по рукам. Ваше слово лечит лучше всяких лекарств. Лечит примером рыцарского мужества, образом человека, идущего с поднятым забралом “на вы”. Но все же берегите себя!.. Дивлюсь вашему умению так “сталкивать слова”, что искры высекаются...

Н. Ф. РЕЗНИКОВА. Майкоп.

Статью “Наши скорбные души над Россией парят” читал по частям, сразу не мог — сердце не выдерживало... Вы обязаны жить долго. На таких держится Отечество.

П. Ф. ТИШКИН. Новочеркасск.

От “Клеветников России” получил глубочайшее эстетическое наслаждение. Гениально просто!.. Позвольте мне, всю жизнь беспартийному, преклониться перед Вами, коммунистом...

В. С. ЛЕПИЛОВ. Астрахань.

Милый, дорогой человек, была бы в силе, убавила бы вам лет тридцать...

Н. М. ДУШАЕВА.

Село Б.Толкай, Самарская обл.

Я часто, особенно вечерами, думаю о Вас и тревожусь о Вас — за ваше открытое сердце и ясный ум. Христом Богом молю, будьте осторожны! Наемных негодяев — тысячи. И жить бы Вам — более двухсот лет!..

С. С. БУРАЧЕК. Армавир.

Ваше творчество — глас народный.

В. Н. АРТЕМЬЕВ. Иркутск.

Ждем Ваших публикаций с нетерпением, читаем в семье, даем знакомым, обсуждаем, плачем, плачем над ними, и всегда поражаемся, что не оскудела земля Русская талантами... Берегите себя!..

Е. М. КУЛЬКОВА.

Я потеряла Вас в страшном октябре 93-го года. Но, слава Богу, Вы живы!..

В. А. ДЫМОВА.
Лучегорск-1, Приморский край.

Боимся за Вас. Пусть Ваш ангел-хранитель бодрствует всегда!

М. И. СУРИКОВА. п/о Новосельское,
Новгородская область.

Товарищ Бушин! Ваши статьи в буквальном смысле помогают мне жить, спасают в это страшное время. Бесконечно благодарна Вам!

Тамара Ивановна ТРОФИМОВИЧ.
Минская область, г.Солигорск.

Я Вам очень благодарна за статьи о Павлике Морозове и в 92-м году в "Советской России", и теперь, в 98-м, в "Завтра". Вы для многих, по неведению смущавшихся клеветой на него, открыли правду об этом чистом отроке, исповеднике и мученике за Истину — одном из самых ярких алмазов земли Российской, одном из самых славных ее святых... Имя его я поминаю в молитвах с 92-го года, еще с той Вашей статьи, и пишу его в записках на Богослужении.. Спаси Вас, Господи, за Павлика Морозова, за Истину.

Раба Божья ВЕРА. Москва. 17 января 1998г.

Я всегда читаю ваши статьи, но статья о Павлике Морозове запомнится мне до конца жизни...

Александр Андреевич КОЧЕТКОВ.
Рига, февраль 1998 г.

Принцип изучения художественного слова у В.Бушина совершенно порочен. Рецепты В. Бушина отдают такой домостроевской схоластикой, что даже староверу адмиралу Шишкову показались бы анахронизмом.

ПУСТОВОЙТ П. Г., доктор филологии.
"Наш Современник" №1, 1960 г.

Осуществись пожелания В. Бушина — это привело бы к обеднению творческого многообразия советского искусства, к отказу от "борьбы против старого, отживающего". (Н. С. Хрущев).

Александр КОГАН.
"Вопросы литературы" №4, 1962г.

Статья о моем романе "Путешествие дилетантов" — это не критика, а политический бандитизм.

Булат ОКУДЖАВА. Из выступления на вечере в клубе МАИ 18 декабря 1979г.

Статью "Путешествие дилетантов" писал не Бушин, а целая бригада. Он только дал свое имя. Это не литературно-критическая статья, а политический донос, написанный по заданию редакции "Москвы".

Булат ОКУДЖАВА. Из выступления на творческом вечере в ленинградском Доме офицеров 26 декабря 1979 г.

Статья писалась группой лиц с целью отвлечь внимание от критики в "Правде" романа Пикуля, напечатанного в "Москве".

Булат ОКУДЖАВА. Из выступления на вечере в московской библиотеке №114. 24 декабря 1979 г.

Статья Бушина об Окуджаве это хулиганство.

**Александр БОРЩАГОВСКИЙ.
1979 г. Коктебель.**

На закончившемся VII съезде писателей России В. Бушин выступил с издевательским открытым письмом к "его благородию полковнику-белобилетнику, возглавляющему страну". В зале очень смеялись. Но в этот момент на трибуну поднялся Герой Социалистической Труды, лауреат Государственных премий, орденосец Виктор Астафьев. Выступление В. Бушина он назвал "диким вздором, недостойным этого собрания и всего человечества".

В. МАЛУХИН. "Известия", 16 декабря 1990г.

Статья В. Бушина о Сахарове написана непрофессионально, она убийственна для журнала, она станет катастрофой для него.

Игорь ШАФАРЕВИЧ, член редколлегии "Нашего современника". Из внутренней рецензии для журнала. Октябрь 1989 г.

Ну, знаете, читая эдакое, остается только руками развести... Надо защитить чистоту марксизма от В.Бушина.

Юрий СУРОВЦЕВ, секретарь Правления Союза писателей СССР, главный марксист страны. "Вопросы литературы" №12, 1979.

Бушин — критик-гурман и блохолов. Человек, владеющий как холодным, так и огнестрельным оружием, но не знающий таблицы умножения и азбучных истин марксизма... Кто агитировал за коммунистов до последних предвыборных дней? Неугомонный Бушин, стяжавший скандальную славу на мерзопакостных поношениях академиков А.Н.Яковлева и Д.С. Лихачева, писателей Б.Окуджавы и Г.Бакланова... Пагубное пристрастие Бушина к горячительным напиткам в нашем профессиональном кругу известно достаточно широко, как равным образом и мое полное равнодушие к ним.

Валентин ОСКОЦКИЙ, член КПСС с 1962 года, питомец Академии общественных наук при ЦК КПСС, комсорг "Литературной газеты", парторг журнала "Дружба народов", ныне безработный. Цитаты из его статьи в журнале "Литературная Грузия" №1 1980, а также из его письма от 7 сентября 1991 года в редакцию "Советской России", где В.Бушин тогда сотрудничал, и статьи в "Литературных вестях" №2, 1996.

Я получил седьмой номер “Молодой гвардии”. Здесь оскорбительные выпады В.Бушина против известных писателей Е.Евтушенко, Б.Окуджавы, М.Шатрова... Как далеко ушел от комсомольских идеалов журнал ЦК ВЛКСМ!.. Я не считаю возможным участвовать далее в работе Комиссии ЦК ВЛКСМ по премиям Ленинского комсомола.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ, главный редактор ж. “Юность”, лауреат премии Ленинского комсомола, от которой не счит возможным отказаться, ныне ушел от комсомольских идеалов еще дальше, чем “МГ” — в Израиль, где он то ли посол, то ли корреспондент НТВ.
Цитата из статьи в “Огоньке” №33, 1989.

Как только В.П.Астафьев высказал единственно приемлемое для нормального человека отношение к проханово-бондарево-варенниково-распутинскому “Слову к народу”, тут же какой-то там Бушин напечатал в “Советской России” открытое письмо против астафьевского антимиитаризма. Несомасштабность адресанта самоочевидна...

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ, начинающий критик, член Союза писателей, президент премиального фонда, “Литературная газета”, 14 августа 1991г.

ОГПУ давно нету, КГБ развалился, ЦРУ перестало интересоваться русскими писателями... Остался один только Бушин... Фанатик... Догматик... Лунатик... Что делать мне, рядовому члену партии?.. Как я любил бродить вокруг грандиозной колокольни...

Станислав КУНЯЕВ.
Литературная Россия, 14 мая 1993г.

В. Бушин — презираемый прогрессивной общественностью партийный критик.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ,
член Союза писателей, орденосеи.
“Литературная газета”, 14 августа 1991г.

Еще в 1951 году, при Сталине, я назвал Бушина фашистом.

Григорий БАКЛАНОВ. “Знамя”.

Знаешь, друг Бушин, много я читал в жизни газет, но такого наглого выражения, как ты написал в статье “Ба! Знакомые все лица!”, не встречал. Это только наглец из наглецов, дурак из дураков, проходимец из проходимцев, в общем омерзительный человек, которых надо уничтожать, мог написать так нагло.

АНОНИМ. Тверь. 27 июля 1991г.

Холуй ты пакостный, шавка ты беспардонная! Как ты посмел в статье “Ба!..” прикоснуться своими погаными лапами к фамилиям таких людей, как А.Яковлев, Шеварднадзе, Шаталин и др.?

АНОНИМ. Самара. Июль. 1991г.

Бушин продолжает врать свое. Змея!.. Змея!.. Змея!!!

Александр СОЛЖЕНИЦЫН. Из выступления на встрече с отборными интеллектуалами Омска 27 июня 1994г.

Вас убивать надо. Время грядет. Я внес тебя в список. Жди! Каждый день жди! И детишек побереги. Скоро!

АНОНИМ. Москва. 10 августа 1991г.

Это ж каким даром Божьим надо обладать, чтобы вызвать такую ярость!

П. Ф. ТИШКИН. Новочеркасск.

Уважаемый Владимир Сергеевич, прочитав вашу книгу, хочу сказать вот что. Есть ли Всевышний, я не знаю. Но если ты есть, Боже, то покарай эту черную банду предателей русского народа, нагло засевших на самом верху...

**В. С. КАМАРИЧЕВ.
Ростовская область, Шахты.**

Ваш бесстрашный смех сильного русского человека укрепляет меня. Да хранит вас Бог!...

**Т. Е. ПОТЕХИНА. Краснообск,
Новосибирская область.**

Если правда, что смех и вообще хорошее настроение продлевают жизнь, то своей статьей о Евтушенке вы уж точно продлили мне жизнь. Спасибо!!!

**А. Д. СЛЕПНЕВА. Февраль 1991г.
Пос.Заречный, Московская область.**

Я даже немного отвлеклась от тяжелого недуга. За последнее время и улыбалась-то редко, а пока читала вашу статью — хохотала. Спасибо. Да хранит вас Бог!

Виринея Лаврентьевна ФРОЛОВА, пенсионерка. 11 февраля 1991г. Костромская область, деревня Коряково.

Моя старшая сестра Мария вырезала Ваши статьи и хранила их в молитвослове. А когда в августе прошлого года умерла, я положила ей Ваши статьи в гроб. Так она просила. Ведь Ваше Слово, как и Слово отца Иоанна, Слово Распутина, помогало ей и всем нам жить в это тяжкое время...

**Анна Ивановна КАШИРСКИХ.
7 февраля 1998г. Новосибирск.**

Здравствуйте, дорогой мой Человек! Я — счастлива!.. Представьте себе, вхожу на почту, опускаю в абонементный ящик №3 газеты (я подрабатываю курьером по разноске почты), а мне кричат: "Нина Васильевна! Получите заказное письмо". Я ахнула и кричу на всю почту: "Это Владимир Бушин!" — "Кто?" — "Бушин! Вот кто. Ясно?" Послала всей почтовой службе воздушный поцелуй и понеслась с такой улыбкой на лице, что жители моего микрорайона тоже заулыбались! На работе прочитала вслух стихотворение "Двадцать восьмая могила". Вот так и буду читать все ваши потрясающие стихотворения... Пишу и улыбаюсь. Так и буду теперь с

улыбкой вставать, с улыбкой ложиться...

Н. В. ШАПОШНИКОВА.
Орехово-Зуево, Московская область.

Статьи, эссе, памфлеты, посвященные омерзительной роли так называемых интеллигентов, предавших свой народ. Н. Михалков, А. Яковлев, Е. Гайдар, Евтушенко, Бурлацкий, Собчак, Явлинский, Ельцин, Гранин, Солоухин, Разгон, Солженицын, Говорухин, Шумейко, Радзинский, Новодворская, Бурбулис - «герои» этой книги. Им даны убийственно меткие характеристики. «Помешанная букашка» - это о Радзинском. «Писатель-взяточник» - это о Чубайсе. Священник с ограниченной ответственностью - это о Якунине. «Одноразовый любимец, юный нижегородский Дизраэли, Мамай-Кириенко, компьютерный Кириенко - понятно о ком. Также понятно: «Архиумный Гайдар», «мультишустрый Немцов»...

Автор поднимает голос в защиту русских святынь: Павлика Морозова, Зои Космодемьянской, маршала Жукова. Книга написана с болью, гневом и сарказмом. В своем жанре это лучшая книга Сопротивления.

Книга удостоена Международной премии имени М. А. Шолохова в области литературы и искусства, учрежденной Международным сообществом писательских союзов в 2001 г.

Бушин В.С., [«Честь и бесчестие нации»](#), Москва, «Республика», 1999 г., 480 с, 4000 экз.

Содержание книги В.С.Бушина «Честь и бесчестие нации» (звездочкой помечены лучшие, на взгляд Линдекса, публикации)

БАРДЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Выступление на VII съезде писателей России ("ЛитРоссия", 1990, №50-52) *Письма поэту, который больше, чем поэт (о Е. Евтушенко, "СР" 1991, 30.01, 09.02)

Партсобрание в Чистый четверг (о Солоухине "СР", 1991, 20.04)

"Вундеркинды" Бурлацкого ("СР", 1991, 18.05)

Письмо ровеснику Виктору Астафьеву о нашей солдатской молодости ("СР", 1991, 07.08)

Жуликоватый патриарх (о Л.Разгоне, "СР", 1992, 25.08)

Музы лжи (о Т.Кузовлевой, "СР", 1993, 14.08)

*Орфей в аду (О А.Солженицыне. "Аль-Кодс", 1994, №23(44), июль)

Герои, пустозвоны и молчаливники (Окуджава, Бакланов, Торчинский, "Правда России", 1995. 25.05)

*Никита Михалков и папертники ("Завтра", 1996, 18.04)

ОБОРОТНИ

Лучший идеолог всех времен и кагалов (о А.Яковлеве, "Мол.Гв"., 1990, №6)

*Орденосец Александр Яковлев ("Завтра", 1995, апрель)

*Анатолий Собчак,ходец ("СР". 1991, 11.06)

Ба! Знакомые все лица... (Шеварднадзе, Яковлев, Собчак, "СР", 1991, 18.07)

*Лебединая песнь Шумейки ("СР", 1993, 03.06)

Пришельцы и самозванцы (Бурбулис, Козырев, Разгон, Новодворская, "СР" 1993, 02.10)

Юбилейные поросенки и похоронные побасёнки (причины распада СССР, "День литературы", 1998, №2)

ТИТАНЫ И ПИГМЕИ

Консенсус (о В.Сорокине, "СР", 1991, 26.10)

*Колокола громкого боя (Горбачев, адмирал Кузнецов, "СР", 1992, 19.09)

Койоты (Волкогонов и Солоухин, "Омское время", 1994, №9/86 март)

*Театр одного павлина (Радзинский, "Завтра", 1997, №14,16,18)

Сталинизмус унд мерцализмус (о полководцах-победителях и фальсификаторах, "Правда-пять", 1998, 11 06)

*Чудеса в тылу, на фронте и в чернильнице (о Сталине и его клеветниках, "Правда-пять", 1998, 24.06)

*"Он все увидит, этот мальчик..." (О Павлике Морозове, "Завтра", 1998, №2, январь)

КАИНОВА ДЕМОКРАТИЯ

*Бадья и оглобля (О Ельцине, "Народная правда", 1992, №22, июнь)

Поищите дураков в другой деревне (об адвокате Макарове, "СР", 1993, 31.08)

Генераторы ненависти (Хазанов, Астафьев, Макаров. "СР", 1993, 15.05)

*Честь нации спасена (о демократах, "Аль-Кодс", 1994, №22)

*Офицеры и клятвopеступники (о штурме Дома советов, "Аль-Кодс", 1994, №27)

Фабрикация фашистов ("Правда России", 1995, 6.04)

*Сталинградское побоище и Первомайское позорище ("Завтра", 1996, №6)

*Зачем взрывать синагоги? (о евреях, "Завтра", 1998, №20)

*Романовы и Ельцин ("Завтра", 1998, №35)

*Мертвые хоронят своих мертвецов (о демократах, "Правда", 1998, 18.09)

*Восемнадцатое брюмера и восемьдесят шестое марта Григория Явлинского ("Правда", 1998, 12,13-16, 17-18 ноября)

Обратите внимание, как после отказа "Советской России" от услуг В.Бушина в 1993 г. (и эту сомнительную принципиальность газета соблюдает до сих пор на радость врагам) выдающийся публицист вынужден был прозябать и печататься в таких изданиях, как "Аль-Кодс" (газета Палестинских эмигрантов), "Омское время"...

Стыдно-с, но так знакомо, так мелкотравчато по-русски.

Смотри также

[«Знать»](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **БИЛЕТ НА ЛАЙНЕР**

No: 25(342)

Date: 20-06-2000

*О, черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора, пора, пора
Творцу вернуть билет!*

Марина Цветаева

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ Александр Солженицын, большой пророк и, по собственной аттестации, "меч Божий", а также владелец двух огромных поместий и нескольких царских чертогов по обе стороны океана (в штате Вермонт, США, и в Троице-Лыкове, под Москвой), монашеским образом жизни скопив к восьмидесяти годам деньжат, учредил литературную премию своего собственного лучезарного имени, ежегодно героически отстегивая на это 25 заморских тысяч. Факт в мировой литературной жизни беспрецедентный.

Откуда у пророка деньжишки? Да, видимо, прежде всего это гонорары за полубессмертный "Архипелаг", клонированный всеми русофобскими издательствами мира. И вот составил жюри: первый издатель "Архипелага" известный антисоветчик и лауреат русской Государственной премии Никита Струве, живущий во Франции, последний живой пушкинист Валентин Непомнящий, критикесса "Московских новостей" Людмила Сараскина, критик "Литгазеты" Павел Басинский, ну и, конечно, супруга fundатора Наталья Светлова, неустанно работающая там под руководством своего титана, пророка и живого классика. Отменная компания! Знаменитые имена! Блистательная плеяда! Кто ж не знает хотя бы, например, эту Сараскину и ее эпохальных сочинений? По некоторым сведениям, именно она, а не кто другой, играет в жюри главную роль. Если так, то это жюри целесообразно было бы именовать "Сараскина контора".

4 мая состоялось очередное вручение Солженицынской премии. На этот раз лауреатом оказался прославленный писатель Валентин Распутин. У него немало премий да наград: два ордена Ленина, Золотая Звезда Героя, кажется, две премии России, премия Льва Толстого... И всё талантливый писатель получил, бесспорно, по заслугам. Но это государственные советские регалии, а вот теперь будет еще и частная антисоветская. Что ж, такое сочетание разнообразит жизнь, делает её многокрасочной и полифоничной. Да еще ко всему перечисленному, что надо отметить особо, Валентин Григорьевич безропотно принял от Владимира Бондаренко, Виктора Кожемяко и других чувствительных почитателей еще и титул "совесть народа", что повыше и потяжелее, чай, титула "совесть интеллигенции", коего были удостоены ранее по инициативе Старовойтовой, Чубайса и других чувствительных почитателей два ныне, увы, покойных академика — А.Сахаров и Д. Лихачев.

К послужному списку В. Распутина можно добавить, что, став в лихие времена советником Горбачева, писатель пришел от него в восторг: "Это вообще очень мудрый человек!" ("Славянский вестник" №8-9, май 1991). И это сказано было, заметьте, на седьмом году

горбачевского правления! После того, как подлинная суть самовлюбленной балаболки давно стала ясна уже всем, кому дорога Родина, и честные люди мечтали, как бы избавиться от него. Факт загадочный.

Шоу 4 мая меня не удивило отчасти по причине вышесказанного. Да и вообще, дело давно шло к тому. Распутин всегда пламенно нахваливал и оборонял пророка Александра. Так, еще в 1990 году выразил твердую уверенность в том, что "пером Солженицына водит глубинная правда, очищенная от скверны не с одной лишь стороны, чтобы скрыть другую, а выявленная полностью и издалека". Тут сразу возникал вопрос: да читал ли уважаемый почитатель сочинения своего кумира? Ведь тот давно и без обиняков объявил свое кредо: "Жизнь я всегда вижу, как луну, только с одной, с худшей стороны". Откуда же взяться у такого писателя глубинной правде, очищенной от скверны со всех как есть сторон?

А не так давно случилась такая история. В "Нашем современнике" №11-12 за 1998 год была напечатана о пророке Александре статья живущего в США русского писателя Владимира Нилова "Образованец обустроивает Россию". Нилов считает, что деятельность Солженицына — "преступление против Родины", что он "был в первых рядах легиона могильщиков нашей страны", ибо не только поздравил Ельцина в августе 1991 года с антисоветским переворотом, а потом, вслед за Окуджавой, благословил расстрел Верховного Совета, но и задолго до этого "растлевал национальное сознание народа, идеологически готовя страну к предательству Горбачева, Яковлева, Ельцина". Автор доказывал, что всю свою "известность в мире — и состояние! — Солженицын снискал бешеным антикоммунизмом, антикоммунизмом вплоть до гибели России", дошел в этом "даже до безразличия" к исходу Великой Отечественной войны. Действительно, добавим тут, в том самом "Архипелаге", шедевре патриотизма, он так рассуждал о возможности победы немцев: "Подумаешь! Висел портрет с усами, повесим с усиками. Украшали елку на Новый год, будем на Рождество..." Всего-то и делов. И можете вы представить себе в "Войне и мире" такое: "Эка беда, коли победят французы! Висел портрет русского царя с бакенбардами, повесим портрет бритого корсиканца"... Там же, в "Архипелаге", повествуя о той поре, когда у нас еще не было атомного оружия, пророк восклицал: "Будет на вас Трумэн с атомной бомбой, будет!.." А оказавшись в Америке, он молится в церкви: "Господи, просвети меня, как помочь Западу укрепиться... Дай мне средство для этого!" Такие молитвы могли бы возносить генерал Власов, ельцинский вице-премьер Кох, красотка Новодворская...

Статья Нилова ужасно не понравилась В.Распутину и еще двум членам редколлегии журнала — И.Шафаревичу и В.Бондаренко, друзьям титана. В четвертом номере за прошлый год они выступили с письмом, в котором предлагали в пику этой статье опубликовать о "крупном таланте, имя которого знает весь мир", такую статью, которая восстановила бы его репутацию. Даже по соображениям простой логики, это было крайне странно. В самом деле, ведь до этого журнал так отменно поработал на репутацию пророка! Весь 1990 год печатал солженицынское "Красное колесо".

Но это не всё. В 1988 году был большой вечер, посвященный 70-летию "писателя-подвижника", а через два года в виде напутствия или предисловия, что ли, к "Колесу" журнал напечатал пять статей, написанных ораторами этого вечера на основе их выступлений.

И вот образчики их вдохновенной элоквенции. Владимир Солоухин: "Солженицын — сын российской культуры, сын Отечества и народа, борец и рыцарь без страха и упрека, достойнейший человек... Игорь Шафаревич: "Как писатель, мыслитель, человек Солженицын

ближе к Илариону Киевскому, Нестору или Аввакуму, чем к каким-нибудь (!) поздним стилистам (!) — к Чехову или Бунину"... Владимир Крупин: "Я как писатель обязан очень многим, если не всем, Александру Исаевичу... Страдания, которые перенес Александр Исаевич, возвышают его над всеми нами"... Леонид Бородин: "Солженицын явился той опорой, которая была нам так нужна... "Архипелаг" — это реабилитация моей жизни (посвященной борьбе против советской власти. — В.Б.)... В лагерях мы считали Солженицына нашим представителем на воле". Наконец, вот что сказал и сам Валентин Распутин: "Солженицын — избранник российского неба и российской земли... Его голос раздался для жаждущих правды как гром среди ясного неба... Великий изгнанник... Пророк..." (Все цитаты из "НС" №1, 1990). За такие песнопения и я, не скупясь, отстегнул бы 25 тысяч долларов, окажись они у меня в записке от жены...

И все эти акафисты литературных звезд, как и само "Колесо", были даны тиражом в 500 тысяч. А статья неизвестного В.Нилова — 13 тысяч, то есть почти в сорок раз меньше. И, однако же, какой всплеск благородного негодования!

КАК ВОЗНИКЛА, казалось бы, очень странная близость, общность, даже любовь Распутина к Солженицыну, и какова природа сего феномена? Нам говорят: "Солженицын и Распутин объединяет самое голодное и тяжкое для них обоих послевоенное время: для первого — время экибастузского особого лагеря, для второго — время несытого сибирского детства". Пардон, но ведь это время "объединяет" миллионы, и что? Может, голод "объединил" Распутина и с Горбачевым, почти года два находившимся в оккупации? Они и по возрасту гораздо ближе. А тогда почему не "объединил", допустим, с Ярославом Смеляковым, голодавшим и в финском плену, и в наших лагерях при всех режимах? Я не знаю, каким было детство Распутина, но Солженицын за всю свою жизнь никогда не бедствовал, не голодал и не знал нужды. До войны, в школьную и студенческую пору, за спиной работающей матери он, в отличие от большинства сверстников, так благоденствовал, что едва ли не каждый год проводил каникулы в увлекательных туристских походах: то на лодке по Волге, то на велосипедах по дорогам Крыма, то пешочком по сказочным тропам Кавказа или шляхам Украины... А сверстники все каникулы обливались потом на самых черных работах, чтобы скопить денег на учебу. Ну, во время войны всем приходилось туго, и вполне возможно, что в обозной роте, а потом в военном училище, где Солженицын провел почти два первых года войны, и он затягивал ремень потуже. Однако, оказавшись весной 1943 года на фронте, он, офицер, уж, конечно, не ел конину, как приходилось нам, солдаткам, допустим, той же весной под Сухиничами, что, впрочем, тоже не было голодом. Ведь не от голодной и не от смертельно опасной жизни послал он денщика за две тысячи верст в Ростов, и тот (после войны ловкач укатил то ли в США, то ли в Израиль) по умело состряпаным фальшивым документам привез Солженицыну прямо в уютную землянку молодую жену.

О том, как будущий живой классик и меч Божий питался в неволе, он рассказывает сам: "Большинство заключенных радо было купить в лагерном ларьке сгущенное молоко, маргарин, поганых конфет." Но он никогда ни в чем не принадлежал к большинству и не покупал поганых конфет, ибо, по его словам, "в наших каторжных Особлагерях можно было получать неограниченное число посылок (их вес 8 кг. был общепочтовым ограничением)", но если другие заключенные по бедности или отсутствию родственников все-таки не получали, то Солженицын весь срок получал от жены и её родственников вначале еженедельные передачи,

потом — ежемесячные посылки. О питании в Марфинской спецтюрьме (В"Шарашке"), где Солженицын отбыл большую часть срока, его покойный собрат Лев Копелев в книге "Утоли моя печали" (М., 1991) писал, что за завтраком можно было получить добавку, например, пшенной каши; обед состоял из трех блюд: мясной суп, "именно суп", а не баланда, подчеркивал он, "густая каша" и компот или кисель, на ужин какая-нибудь запеканка. Сам Солженицын дополняет: "четыреста граммов белого хлеба, а черный лежит на столах", да еще сахар и 20-40 граммов сливочного масла ежедневно. А время-то стояло то самое, послевоенное, несытое. Имел ли всё это в своей деревне Валя Распутин? Сомнительно... Картину "солженицынского ада", как выражаются критики, никогда в жизни на нарах не спавшие, дополняет, по рассказам мужа, Н. Решетовская: "В обеденный перерыв Саня валяется во дворе на травке или спит в общежитии (каторга с мертвым часом! — В.Б.). Утром и вечером гуляет под липами. А в выходные дни проводит на воздухе 3-4 часа, играет в волейбол... До 12 часов ночи Саня читал. А в пять минут первого надевал наушники, гасил свет и слушал ночной концерт". Ну, допустим, оперу Глюка "Орфей в аду". В экибастузском лагере, надо полагать, киселей-компотов, волейбола и ночных концертов по радио не было, но и там Александр Исаевич, живя в отдельной комнате, поживая не на голых нарах, тоже отнюдь не бедствовал, о чем свидетельствует такое хотя бы письмо жене в ответ на очередную посылку: "Сухофруктов больше не надо. Особенно хочется мучного и сладкого. Всякие издания, которые вы присылаете, — объядение!" Это голос и речь, и желания не горемыки, изможденного трудом и голодом, а сытого и привередливого лакомки, имеющего отличный аппетит. Ну жена выполнила очередную просьбу насчет сладкого, и вот он сообщает: "Посасываю потихоньку третий том "Войны и мира" и вместе с ним твою шоколадку..." И все это не мешает ему до сих пор время от времени сотрясать атмосферу вскриками: "Уж мне ли не знать вкус баланды!" И ему трепетно внимают Бондаренки... Они верят, поди, и тому, что их кумир до сих пор вот уже тридцать лет твердит о себе, не моргнув глазом: "Я, всю войну провоевавший командир батареи..." ("Слово пробивает себе дорогу", М., 1998, стр. 215. Тираж 2 тыс.).

Если вспомнить Достоевского, которого так часто притягивают к Солженицыну, то, что ж, он тоже был почти доволен острожными харчами: "Арестанты уверяли, что такой нет в арестантских ротах европейской России... Впрочем, хвалясь своею пищею, арестанты говорили только про один хлеб. Щи же были очень неказисты, они слегка заправлялись крупой и были жидкие, тощие. Меня ужасало в них огромное количество тараканов. Арестанты же не обращали на это никакого внимания". Словом, у одного страдальца за щекой шоколадка, а у другого во щах насекомое шоколадного цвета, только всего и разницы. А общий итог таков: у одного — отдельная комната всего лишь с тремя соседями, кровать с матрасиком. Другой вспоминал: "Это была длинная, узкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым удушливым запахом. Не понимаю, как я выжил в ней... На нарах у меня было три доски: это было всё мое место. На этих же нарах размещалось человек тридцать... Ночью наступает нестерпимый жар и духота. Арестанты мечутся на нарах всю ночь, блохи кишат мириадами...". У одного — восьмичасовой рабочий день с послеобеденным мертвым часом, у другого — каторжный от темна до темна; у одного — 60 выходных в году, у другого — три: Пасха, Рождество да день тезоименитства государя; один после обеда из трех блюд валяется на травке или играет в волейбол, другой весь срок каторги ходит в кандалах; один наслаждается музыкой, чтением классики и сам сочинительствует; другой писал потом: "В каторге я читал

очень мало, решительно не было книг. А сколько мук я терпел оттого, что не мог в каторге писать... " А сколько мы потеряли из-за этого!

Остается добавить, что к эпилепсии Достоевский подхватил на каторге еще ревматизм, после каторги да солдатчины прожил только двадцать лет с небольшим и умер в шестьдесят лет. И опять же никакой Пушкинской или Демидовской премии. А Солженицын вот уже пятьдесят пять лет свободно сотрясает мир воплем "Мне ли не знать вкус баланды!" И на всех парах с грохотом и свистом мчится к своему 85-летию...

После долгого раздумия с горечью и досадой приходишь к мысли, что, скорей всего, основа близости Распутина с Солженицыным, конечно, не голод, которого во втором случае и не было, а, как видно, общее у них отношение к Октябрьской революции и социализму, к советской власти и коммунистам. Принципиальной разницы между коммунистами, вознесшими Родину до небесных высот, и ельцинской бандой, загнавшей её на задворки мира, Распутин, как и Солженицын, не видит: "И в 17-м, и в 91-м году к власти пришла антинациональная революционная верхушка". В выступлении на X съезде писателей России в ноябре 1999 года будущий солженицынский лауреат назвал Октябрьскую революцию "подлой" ("НС" №2`2000, с. 186). Значит, как видим, и совершили её подлецы. Мой отец, как тысячи русских офицеров, в 17-м году стал на сторону народа, на сторону революции. И вот его сыну теперь говорят: "Поручик Григорьев-Бушин, родитель ваш, сударь, подлец из подлецов!" Мерси... Забыть это невозможно. Одно такое словцо в устах двукратного ленинского орденосца и "совести народа" тянет на тысяч 10-15 заморских и, разумеется, оно привело в восторг пророка и его "Сараскину контору".

Впрочем, подлость революции и коммунистов Распутин видит гораздо глубже. Для разъяснения этой тайны писатель обращается к упомянутому выше пушкинисту: "В одной из последних статей Валентин Непомнящий сказал, что роковой ошибкой большевиков было то, что они не стерли с лица земли русскую классику и позволили ей спасти культуру XX века и тем самым спасти Россию" (там же). Поняли? Цель-то коммунистов состояла в том, чтобы истребить искусство, литературу, а идея — уничтожить Россию, но они почему-то роковым образом оплошали, промешкали, не выполнили помянутую директиву Агитпропа, и только благодаря этому позволили России спастись. Вот какой душевный консенсус у Валентина Григорьевича с Валентином Семеновичем... Полезно друзьям Валентинам, поскольку оба они оказались непомнящими, напомнить и о том, что при коммунистах все семьдесят лет, начиная с 1918 года, вопреки "директиве Агитпропа" издавались-переиздавались невиданными в истории тиражами не только русские классики и советские писатели, в том числе В.Г.Распутин, но и писатели всего мира — от Гомера до Кафки, не к ночи будь помянут.

Однако вернемся к статье В.Нилова и к протесту против нее трех членов редколлегии. По моему, редакция поступила разумно: пригласила высказаться читателей. Они живо откликнулись, их письма напечатаны в восьмом номере журнала за прошлый год. Причем в противоположность несокрушимо согласному хвалебному хору пяти литературных знаменитостей, о котором говорилось, на этот раз редакция дала возможность выразить разные точки зрения. Разумеется, у Солженицына нашлись почитатели, но, увы, доводы их оказались однообразны и неубедительны, главный из них — "патриоты бьют по патриотам".

Но в целом в подборке писем преобладали совсем иные суждения. Вот несколько выдержек. А.А.Сидоров: "Это общечеловек горбачевского типа, обладавший определенным талантом

литератора, но растерявший его в антисоветской злобе... Я лично был бы совершенно безразличен к нему, если бы он в угоду русофобам не поддержал клевету на Шолохова"... С.И. Анисимов: "Этого "художника и мыслителя" можно с полным правом назвать одним из самых заслуженных могильщиков страны... Никаких чувств, кроме ненависти, я к нему не испытываю... За то, что произошло у нас и с нами, вина его так огромна, что ему ничем её не искупить, и он не заслуживает никакого снисхождения..." Софья Авакян: "Он — враг моей Родины. Он употребил все свои силы, весь свой холодный, расчётливый фанатизм на её уничтожение, а потому он мой личный враг на самом сокровенном уровне моей души, такой же враг, как Гайдар, Чубайс, Ростропович. И я ненавижу его... Я испытываю почти физическую боль, когда пытаются прислонить его хоть каким-то бочком к Толстому..."

Казалось бы, достаточно было одного лишь напоминания о злом и самом активном участии Солженицына в травле Шолохова, чтобы опомниться. Ведь Распутин же устно и письменно многократно объяснял нам великое значение творца "Тихого Дона" в нашей литературе и твердил о своей неизменной любви к нему. А Солженицын давно исходит ненавистью даже к его внешности: "Невзрачный Шолохов... Стоял малоросток и глупо улыбался... На трибуне он выглядел еще ничтожнее". Одно это должно бы, как током, ударить руку патриота России и её литературы, если она невзначай протянулась вдруг за премией.

На веку Солженицына были два огромных исторических события — Отечественная война и ельцинская контрреволюция. И в обоих случаях, все рассчитав, взвесив, устроив, он изловчился явиться с опозданием: на фронт попал только в мае 1943 года, после Сталинградского перелома, когда всё определилось, и война была уже совсем не та, что в 41-м, да и в 42-м; и вернулся из Америки лишь после того, как всё определилось и стало для него вполне безопасно... А Шолохов всю жизнь был на переднем крае, и своими бесстрашными хлопотами в 1932 году столько земляков спас от голодной смерти, столько в 1937 году вызволил из неволи, столько великого таланта, жара души, да и собственных денежных средств отдал на благо соотечественников, что сказать о нем "палаческие руки" мог только... Предлагаю читателям самим найти здесь подходящее слово для человека, способного на это: у меня цензурных слов нет.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ состоялась в Доме русского зарубежья. "Гостей в зал набилось много, не все и сидели", — сообщает репортер. Всех их, "литературных и околотитературных", "VIP-гостей" и прониыр-безбилетников он, как ныне принято на таких церемониях в таких Домах, именуется, разумеется, господами. Едва лишь порадовались мы тому, что господа в тесноте, но не в обиде, как вдруг тут же читаем о них: "Наверное, и те и другие чувствовали себя в этом "невольном" объединении немного не в своей тарелке..." Я думаю! Вот, допустим, VIP-гость Андрей Вознесенский. Наверняка он чувствовал себя в чужой тарелке. Ведь учредитель премии сказал о нем когда-то: "Деревянное сердце! Деревянное ухо!" А он всё равно тут как тут, и еще, того гляди, стихи напишет об этом. Он уже давно не оставляет без своей рифмы ни один юбилей, ни одно награждение, ни одни похороны.

Церемония началась, естественно, речами, по выражению того же автора, "двух знаковых русских писателей". Знаковый писатель А.С. говорил длинно и возвышенно. Он, разумеется, очень хвалил знакового писателя В.Р. Но как-то очень странно. С одной стороны, назвал его прозорливцем. Прекрасно! Но, с другой, заявил: "Он не ищет слов, не подбирает их, — он

льется с ними в одном потоке". Красиво, но сомнительно. Как это "не ищет слов"? Пушкин, о чем буквально вопиют его черновики, искал. Толстой, по несколько раз переписывая романы и повести, искал. Блок искал. Маяковский божился, что изводил "единого слова ради тысячи тонн словесной руды"... Да ведь и сам оратор даже в этой речи буквально землю роет в поисках нужного словца, другое дело — всегда ли удачно. Например: "перепущен (!) срок отъезда"... "война явно при конце (!)"... "повествование просочено (!) сибирской натурой", то есть природой... "писатель натурально сжит (!) с природой", то есть натурально "сжит" с натурой... "писатель передаёт природу нутряно"... Даже о трагическом говорит так, что невольно становится смешно: "догружается неизбежность раскрыва беременности"... "Настёна утопляется (!) в Ангаре"... Я не стану это обстоятельно комментировать (о языке живого классика у нас еще будет речь), а замечу только, что в том же номере "Дня" Виктор Топоров пишет: "Сатира Ильфа и Петрова, как прежде, бьет не в бровь, а в глаз". "Инда взопрели озимые". Да разве всё, что я привел, не того же пошиба?.. Так вот, все писатели, включая оратора, ищут нужные слова, и только один-единственный Распутин не ищет их, а как только возьмет перо в руки, так оно и скачет само по бумаге: трр... трр... трр... Полно, Александр Исаич, напраслину-то на человека возводить, изображая его литературным выродком.

Но еще удивительнее то, как он нахваливает повесть "Живи и помни": "Валентин Распутин заметно выделился в 1974 году внезапностью темы — дезертирством, — до того запрещенной и замолченной, и внезапностью трактовки её". Всё тут — привычное для велосипедиста кручение колес. Никто тему дезертирства и предательства не запрещал, и вовсе не была она "замолчена". Еще в 1941-42 годах печатались в многомиллионной "Правде", в "Красной звезде", в других газетах и передавались по радио произведения, в которых были и предатели и дезертиры, — таков, например, сильный рассказ Александра Довженко "Отступник". В те же годы написана и шла во многих театрах страны пьеса Леонида Леонова "Нашествие", в которой выведена целая галерея образов предателей: городской голова Фаюнин, его прихвостень Кокорышкина, фашистский холуй Мосальский, начальник полиции Федотов... А чуть ли не за пятнадцать лет до Распутина повесть, которая так и называлась — "Дезертир", опубликовал у себя на родине, а потом в Москве замечательный писатель, участник Отечественной войны Юрий Гончаров, живущий в Воронеже. И вот при всем этом, не моргнув глазом, благим матом: "Запретили! Замолчали!.." И ведь так всегда и во всем...

А в чем же "внезапность трактовки"? А вот слушайте: "В Советском Союзе в войну дезертиров были тысячи, и даже десятки тысяч, о чем наша история сумела смолчать..." Во-первых, откуда знать велосипедисту Анике о "десятках тысяч", если в Истории Великой Отечественной войны он так безграмотен, что даже, как увидим дальше, не знает, где он сам-то воевал. Во-вторых, а с какой стати аж сама История должна заниматься хотя бы и "десятками тысяч" шкурников и трусов, оказавшихся в многомиллионной армии? У Истории есть дела поважней. И потом, уж чья бы корова мычала: сам нахваливает мастерство фашистских летчиков, афиширует бесстрашие и ловкость румынских диверсантов, а о героизме защитников Брестской крепости и Одессы, Москвы и Ленинграда, Севастополя и Сталинграда, о мужестве всей Красной Армии — не только "сумел смолчать", но и все это оболгал, уверяя, например, что в 41-м году мы бежали в панике по 120 километров в день, — да что ж тогда помешало немцам через две недели быть в Москве? И ведь сам Гитлер признавал уже в конце войны, что ни в одной капании немецкая армия не одолевала в день больше 50 километров, и притом — лишь

короткое время.

И вот венец похвалы: "В отблещенной советской литературе немислимо было вымолвить даже полслова понимающего, а тем более сочувственного к дезертири. Распутин — переступил этот запрет". И на девятом десятке не устаёт выдавать отблещенные образцы лжи. Валентин Григорьевич, да вы поняли, что он сказал публично и вам в глаза, или до вас не дошло сквозь трепет торжественной церемонии? Я всегда считал, что герой повести Андрей — это не родной брат гоголевского Андрия, сознательно предавшего своих и заслужившего смерть, что он не шкурник и трус, а лишь оступился, допустил слабость, не устоял перед соблазном, но в жестоких условиях войны и это было недопустимо, и это привело к страшной беде. Суть повести выражена уже в самом заглавии, и я толковал его так: "Что ж, война кончилась, 7 июля 45-го года была амнистия дезертирам, черт с тобой, ЖИВИ, но всю свою жизнь ПОМНИ, какой тяжкий грех на тебе, сколько зла натворил — не только предал свою армию, своих живых и убитых товарищей, но и стал причиной безмерных мучений, а затем и гибели любившей тебя жены, беременной твоим долгожданным сыном." Автор сурово осудил дезертира и справедливо наказал его, виновника таких бед. "Ничего подобного! — заявил меч Божий, — Распутин сочувствует дезертиру!" Как же вы, Валентин Григорьевич, могли проглотить это?

Увы, проглотил, принял, да еще пять раз "спасибо" сказал в ответной речи: "великое и огромное спасибо" — персонально благодетелю за саму премию, еще одно "спасибо" — ему же за "мудрое слово", в котором он раскрыл автору глаза на его собственную повесть, два подряд "больших спасибо" — членам жюри, дружно проголосовавшим за премию, и последнее пятое "спасибо" — аудитории, то есть Андрею Вознесенскому, Бэле Ахмадулиной и всем остальным.

НЕКОТОРЫЕ МЕСТА затейливо витиеватой и несколько натужной, но возвышенной лауреатской речи В.Распутина я не совсем понял. То, что оратор опять поставил рядом Октябрьскую революцию и нынешний сатанинский переворот, который, по его мнению, "сродни революции"; то, что советскую эпоху, когда он лично под тяжестью гонимых и орденов, премий и звезд безбожно благоденствовал, теперь называет "мрачным временем безбожия", — все это уже не удивляет. Озадачивает и огорчает другое. Прежде всего — дух покорства, уныния и безнадежности. Так прямо и говорит, предлагая понимать это как позицию патриотов: "Мы, кому не быть победителями... Все чаще накрывает нашу льдину, с которой мы жаждем надёжного берега... И на стенания этих чудаков, ищущих вчерашний день, никто внимания не обращает. Они умолкнут, как только искрошится под свежим солнцем их убывающая опора..." Да, стенаний у нас много. Но живые впечатления бытия не позволяют мне разделить уныние писателя, если в данном случае он представлял точку зрения патриотов. Не могу согласиться и с тем, что все наше общество "низким сделалось пропитано" (так в тексте!). Конечно, низкого, убогого кругом много, если даже не выходить за литературные пределы. И все же я не приемлю мрачного уныния, покорства и обреченности Распутина. Я вижу кругом множество прекрасных людей.

В начале своей речи лауреат опять же в весьма скорбном тоне сказал: "Чего мы ищем?.. Мы, кто напоминаем, должно быть, кучку упрямыц, сгрудившихся на льдине, невесть как занесенной ветрами в теплые воды. Мимо проходят сияющие огнями огромные комфортабельные теплоходы, звучит веселая музыка, праздная публика греется под лучами океанского солнца и наслаждается свободой нравов..." Впечатляющая картина. Но неужели

среди этой публики на одном из сияющих теплоходов не видит Распутин своего кумира? Это ж он, наслаждаясь свободой нравов, под веселую музыку обрушил на нас потоки лжи и клеветы. Это он под лучами солнца ельцинской демократии веселит и греет "уже хладеющую кровь", в частности, и такими вот церемониями.

И закончилась речь возвратом к тому же образу: "С проходящих мимо, блистающих довольством и весельем океанских лайнеров кричат нам, чтобы мы поднимались на борт и становились такими же, как они". Кому это — нам? Мне, например, не кричат. И неужели Распутин опять не слышит, что кричат ему персонально: "Герой труда! К нам, на лайнер "Новая Россия!" Да не забудь захватить орден Ленина!" И уже спущен на воду трап в 25 ступенек... Горько и больно за большой талант...

На упоминавшемся съезде писателей Распутин вдохновенно говорил о нашем языке: "Один русский язык — это неумолчное чудо в руках мастеров и в устах народа, занесенное на страницы книг, — один он, объявляющий собою всю Россию, способен был поднимать из мертвых и до сих пор поднимал". Прекрасно! Но почему же пронизательный писатель в языке Солженицына не видит того, что видят читатели? Мне уже не раз доводилось писать о текстах Солженицына, поэтому не буду повторяться, а лишь отмечу главную тенденцию.

Солженицын давно объявил: "В душе я мужик!" А некто Бернанд Левин, живущий в Англии знаток России, кажется, из Жмеринки, однажды уверял в лондонской "Таймс": глядя, мол, на Солженицына и читая его писания, "начинаешь понимать, что означало когда-то выражение "святая Русь". Вот писатель и лезет из кожи вон, чтобы показать, какой он литмужик на святой Руси. Его тексты просто кишмя кишат поговорками да прибаутками. А тут еще и глубочайшие афоризмы своего собственного изготовления. Например: "Отмываться всегда трудней, чем плюнуть". Кто оспорит? И тут же инструкция или, уместнее в данном случае сказать, директива: "Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым". Под этим девизом и прожил всю столетнюю жизнь. И ведь сей девизик ничуть не слабее чубайсовского партийного лозунга "Больше наглости!", так возмущающего Распутина. Это просто разные варианты одной и той же человеческой натуры. А сработал Солженицын свой девиз еще в ту пору, когда Толик Чубайс ходил в пионерах и возглашал: "К борьбе за дело Ленина-Сталина всегда готов!". Так что пальма первенства за Александром Исаевичем.

Естественно, что при такой натужности и вымученности частенько случаются промашки и даже, извиняюсь за выражение, анекдотические нелепости как с языком, так и с набожностью. Есть, например, простонародное крестьянское выражение "ехать на лошади охлюпкой" или "охлябь", т.е. верхом без седла. Можно найти его у Даля: "Хоть бы охлябь, да не пеши", "Хоть охлябь, да верхом". Встречается и у Шолохова в "Поднятой целине": "Ты поедешь охлюпкой, тут недалеко". Слово конечно, соблазнительное, и не устоял литмужик, сцапал — "Чем я хуже Шолохова!" — и в свой текст: "Сели на лошадей охляблью..." Ишь, какой хвостик присобачил. В чем дело? Да просто когда из Даля переписывал на фантик, то в вечной рваческой спешке и суете не так переписал...

А порой случается у Солженицына и так, что он употребляет даже не искореженные или неуместные речения, а прямо противоположные тем, что требуются по смыслу. Например, там, где надо сказать "ничком" или "ниц", т.е. лицом вниз, он пишет "навзничь", и наоборот. Или: "Офицер на зенитном пулемете выдержал поединок с тремя "мессерами". Во-первых, что значит выдержал? Сбил, что ли, всех? Или просто постреляли друг в друга и расстались? Во-

вторых, какой же это "поединок", если трое против одного. Поединок это когда Немцов и Жириновский хлещут друг другу в лицо "пепси". Это схватка Явлинского и Чубайса: "Вы уникальный лжец, дорогой Анатолий Борисович!" — "Вы уникальный бездельник, милый Григорий Алексеевич!"

Настоящий литмузик должен, конечно, еще и демонстрировать полное пренебрежение к орфографии. Разумеется, в том же изобилии есть у Солженицына и это: "приУменьшать", "на мелководьИ", "заподозрЕть", "вещи бросаются в тут же стоящИю бочку", "КишЕнев", "ТарусСа", "ТартусСкий", "КЕрилл", "ВячИслав", "Черчиль", "Ким-ир Сен", "ФилЛипс", "восСпоминания". "агГломерат". "нивелЛировать", "балЛюстрада", "карРикатура", "асС" и даже представил в ложном свете "анНальное отверстие"...

Нам могут сказать: "Ну что вы лезете! Тут живой классик, титаническая личность, а вы суете ему "анНальное отверстие". Смешно и нелепо!" Так-то оно так, но ведь мы тут всего лишь пытаемся следовать за самим титаном. Однажды он обнаружил, что некий ответственный товарищ вместо "ботинки" написал "бАтинки", и не в книге, изданной в Париже, а в служебной деловой бумаге. На дворе стояла весна 1953 года. Солженицын только что вышел из лагеря. Но даже радость свободы не могла смягчить его гнева и презрения, он запомнил эту ужасную ошибку и через двадцать с лишним лет предал её гласности в своем "Архипелаге", главной книге жизни... Но кто он был, тот ответственный товарищ — один из руководителей Союза писателей? министр? академик? секретарь обкома? Нет, это инспектор одного из райпо Джамбульской области Казахстана. Да и русский язык-то для него не родной, он казах. А ошибку он сделал не в бестселлере, изданном многотиражно чуть не во всем мире, а в ведомости по учету товаров, составленной в связи с ревизией магазина в ауле Айдарлы. Вот какого масштаба объекты избирает титан и меч Божий для беспощадного обличения и уничтожающего сарказма. А почему? Да потому только, что деятель райпо однажды досадил будущему нобелевскому лауреату. Он такие вещи помнит всю жизнь и никому не прощает ни на Пасху, ни на Рождество, ни на Прощеное воскресенье.

Ну и для выразительности картины приведу еще один примерчик, хотя тут речь идет уже и не о собственно языке, а всё о том же рвачестве и вранье. Выступая 30 июня 1975 года на митинге перед рабочими и профсоюзными деятелями США, Солженицын так вспомнил последние месяцы войны: "Мы думали, что вот мы дойдём до Европы (из азиатской Московии. — В.Б.), мы встретимся с американцами... Я был в тех войсках, которые прямо шли на Эльбу. Еще немного — и я должен был быть на Эльбе и пожать руку вашим солдатам. Меня взяли незадолго до этого в тюрьму. Тогда встреча не состоялась... И я пришел сейчас сюда вместо той встречи на Эльбе с опозданием на тридцать лет. Для меня сегодня здесь Эльба!.." Это так тронуло слушателей, что некоторые разразились рукоплесканиями, а кто-то, возможно, и прослезился. Нас удерживает от этого одно досадное обстоятельство: Солженицын на Эльбу попасть не мог, даже если бы его и не "взяли в тюрьму". Дело в том, что на Эльбе, в Торгау, 25 апреля 1945 года с американцами встретились войска 1-го Украинского фронта. А Александр Исаевич храбро командовал своей беспушечной батареей звуковой разведки в Восточной Пруссии, где, между прочим, в это время был и я. Это от Эльбы несколько далековато — поди, верст 600-700. На самом деле 48-я армия, в которой он служил, "прямо шла" на Вислу, где встречи с американцами быть не могло.

Я могу предложить поистине феноменальному заявлению Солженицына лишь такое объяснение. 48-я армия шла не на Эльбу, а на... Эльбинг. Это город недалеко от Вислинского

залива. Вероятно, в наступающих войсках часто восклицали: "Эльбинг! Эльбинг!.." Солженицын не мог этого не слышать, ну и... Слышал Ваня звон... Вероятно, в его голове, как в конце концов и в доме Облонских, всё прояснилось бы, доведись ему дойти до Эльбинга, но Ваню "взяли" 9 февраля, а Эльбинг взяли 10-го, лишь на другой день после того, как Красная Армия, увы, осталась без Александра Исаевича и продолжала воевать в одиночестве... Всё это правдоподобно, конечно, при том условии, если он не наврал лопоухим американцам сознательно.

Но вот что самое интересное: в книгах Солженицына, изданных у нас, вы всех этих ошеломительных чудес не найдете, они только в парижском и других заграничных изданиях. Как так? Дело тут в одном из несомненных преимуществ социализма перед капитализмом: у нас во всех редакциях и издательствах всегда существовали бюро проверки и корректорские отделы, они очищали рукописи от нелепостей и ошибок. А на прогрессивном Западе, во всем цивилизованном сообществе, издатели не желают тратиться на такие службы. Поэтому если у нас Солженицын появляется перед читателями в милосердно приукрашенном виде, то там — голеньким! Бесспорно, в этом есть своя прелесть, но как бы то ни было, а благодаря социализму Александру Исаевичу долгое время удавалось фигурировать в образе довольно грамотного сочинителя. За одно это ему до конца жизни молиться бы на советскую власть, а он без устали хаит да еще брюзжит: "Безграмотная эпоха!.. Образованцы..."

Цитированный выше читатель А.А.Сидоров, по-моему, совершенно прав, утверждая, что талант Солженицына уничтожила антисоветская злоба. Злоба же лишает и чувства языка, если зачатки его все-таки есть. И тут я приступаю к самым печальным строкам своего повествования...

Мне кажется, что и у Валентина Распутина тоже появились признаки этой тяжелой профессиональной болезни. Нет, еще не глухоты, но уже некоторой тугоухости. Первый раз я подумал об этом еще в тот день, когда на съезде народных депутатов СССР он с трибуны сказал: "А не выйти ли России из состава Союза?.." Я обомлел... Неужели человек не знает, что ведь поистине "вначале было слово", неужели неведома ему мистическая сакраментальная природа языка, его волшебная сила?.. Есть же слова, которые просто нельзя произносить, уж тем более на всю страну. Этого не понимают иные труженики пера, готовые до бесконечности мурыжить, например, гнусную байку насчет баварского пива, но мастер-то должен знать, что: "Солнце останавливали словом,/Словом разрушали города..." И в разрушении нашей Родины черное слово сыграло огромную роль...

Но вот дальше — цитата из Евангелия от Матфея. Хоть это ныне и замуслено, но — как возразишь? Скажут — сталинист. Лучше напомним, что такое цитирование тоже, как и высокий стиль праздничной речи, кое к чему обязывает. Оратор сказал: "В мрачные времена безбожия литература в помощь гонимой церкви теплила в народе свет упования небесного... Из книг звучали заповеди Христовы, и ликовала от восторга читательская душа: Он есмь..." То есть жив Христос. Прекрасно! Однако почему же "есмь"? Ведь это первое лицо единственного числа: аз есмь. А дальше — то: еси... естмы... есте... суть. Конечно, всем знать это вовсе не обязательно, но если ты употребляешь такие слова в помощь гонимой церкви, то должен за это отвечать... Божье милосердие безгранично, но всё же не напоминает ли "Он есмь" отчасти солженицынскую "охлябль"?

И ведь до чего это характерно ныне! Нахватаются библейско-церковных словечек "окормлять", "нестроения", "Голгофа" и ликуют: "Возрождается святая Русь!.." А часто и не понимают слова эти, как и где можно употреблять их...

Да, подобные речения требуют деликатности, ибо, как сказал Ярослав Смеляков: "Владыки и те исчезали/Мгновенно и наверняка,/Когда невзначай посягали/На русскую суть языка..."

Вот Осип Мандельштам. Уж, казалось бы, эрудит — дальше некуда, аж под завязку. Но вот что писал в своих "Стансах": "Я должен жить, дыша и большевея,/Работать речь, не слушаясь, сам-друг..." Сам-друг значит вдвоём, а ведь поэт хотел здесь сказать "один", никого не слушаясь, совершенно самостоятельно.

У Блока же в куликовском цикле читаем: "Мы, сам-друг, над степью в полночь стали". Сам-перст, сам-друг, сам-третей, сам-четвёрт... Один, вдвоем, втроем, вчетвером... И опять повторю: сейчас не обязательно всем это знать. Но Блок знал. В чем же дело? Да только в том, что молоко у матери Блока было совсем другое, чем у матери Мандельштама...

Но, к слову сказать, при всей непохожести двух поэтов невозможно представить ни того, ни другого получающим премию в долларах, заработанных на том берегу клеветой на Россию.

Я знаю, кому в будущем году Сараскина контора предложит свою премию. Человеку, под руководством и верховным редактированием которого в этом году изданы два биографических справочника о писателях-фронтовиках, живых и мертвых. Из обеих книг изъяты сведения о том, что большинство писателей — члены партии. Не было на фронте писателей-коммунистов! Одни сплошь беспартийные. Как же за это не дать премию Солженицына Ивану Андреевичу Колосу.

Автор по поводу присуждения премий Солженицына говорит о странной связи этого предателя и бесспорно болеющего за Родину писателя В.Распутина. А также поднимает вопрос о странной слепоте иных оппозиционеров по поводу деятелей нынешнего преступного режима.

Бушин В.С. "[Билет на лайнер](#)", "Завтра", №25, 2000 г., 100000экз, 42,0 кб.

Смотри также

- -

"Завтра"

Author: Владимир Бушин

Title: **И.О. ПРОСИТСЯ В СОРТИР НАТО. ТАМ И БУДЕМ МОЧИТЬ**

No: 12(329)

Date: 21-03-2000

И.О. ПРЕЗИДЕНТА... И.о. главы государства... И.о. главнокомандующего... и.о.патриота?... И. о... И.о... И.о... Это стало уже, как имя... Дочь аргосского царя Инаха тоже звали Ио. Какой-то олимпийский Пал Палыч обратил внимание на милашку самого Юпитера, громовержца и гаранта. Ио приглянулась гаранту. Он по этой части был мужик не промах. Опасаясь гнева своей супруги Юноны, Юпитер обратил Ио в корову. Надо же придумать такое! Великим мастером был громовержец в деле конспирации. Ну просто как большевик-подпольщик. Точнее говоря, трансформировал он Ио в тёлку, причем белоснежную. Попробуй теперь под такой "крышей" разглядеть возлюбленную гаранта. Это куда трудней, чем, например, обнаружить советского разведчика под "крышей" Дома советско-германской дружбы в Дрездене. Но Юнона тоже была не лыком шита. Она, заподозрив что-то в белоснежной тёлке, выцыганила её у мужа себе в подарок (возможно, дело было 8 марта), а пастухом и стражем к ней приставила великана Аргоса, известного своей неусыпной бдительностью, поскольку у него было множество глаз и спали они по очереди. Тут нет ничего фантастического, это и сейчас можно наблюдать у великана приватизации: Березовский спит — Абрамович бодрствует, Абрамович дрыхнет — Смоленский бдит и т.д. И все стерегут белоснежную корову Ио... Но Юпитер подослал к стражу хитроумного Меркурия. Тот сладкими речами и игрой на свирели усыпил Аргоса и отрубил Абрамовичу голову. Так она и покатилась с Лобного Места, как голова Олоферна, отрубленная молодой патриоткой Юдифью... Тёлка обрела свободу! Но Юнона, злобная, как Явлинский и Немцов в ненависти к коммунистам, настырная, как Хакамада и Кириенко вместе взятые, наслала на несчастную Ио овода, наглого и кровожадного, как Новодворская. Бедная тёлка бросилась наутёк, пробежала Грецию, Малую Азию, побывала на Кавказе, в зоне стратегических интересов США, и в конце концов оказалась в Египте. Только там она обрела свой человеческий облик, и египтяне спрашивали: "Ио, почему так долго ты была и. о. коровы?" Она-то знала почему, но молчала, дабы не подвести гаранта...

И вот, оставив проделки олимпийцев, читаю патриотическую газету "День литературы" № 3-4. Она открывается статьей её главного редактора. Смотрит он в упор на белоснежную тёлку и недоумевает: "С кем вы, господин Путин?" Нельзя же, мол, так: говорить с трибуны патриотические речи ("У нас, у русских, особая гордость" и т. п.) и одновременно все дотации, премии, льготы давать исключительно одному прозападническому направлению в культуре и искусстве; или: не выказав никакого внимания самому крупному в стране двухтысячному Союзу писателей России, нанести дружеский визит в мало кому известный у нас элитарный "Пен-клуб", объединяющий несколько десятков мэтров вроде Поженяна ("Мы с тобой 2 берега у одной реки..."). Или: Союз писателей России провел выездной пленум в Чечне, в котором приняли участие ветераны Великой Отечественной войны (некоторые с Золотыми Звездами Героя Советского Союза), лауреаты Государственных премий, редакторы газет, журналов,

известнейшие артисты, художники, скульпторы; пленуму оказали содействие Министерство обороны, местные органы власти освобожденных районов, ему прислал приветствие патриарх... А белоснежная телка? Даже не распорядился, чтобы его заместительница В.И. Матвиенко по прямому долгу службы отстучала телеграммку. И по всем каналом телевидения — ни звука!.. Слово это был не форум русских художников, а сборище прокаженных идиотов... Вот редактор и восклицает изумленно: "Я отказываюсь понимать, какую культуру поддерживает Путин!".

А между тем, друг мой, давным-давно пора бы поднатужиться и понять. Думаю, что мешает тебе тут твоё все еще неизжитое почтение к антисоветчикам и коммунофобам вроде Солженицына. Ты и в этой статье именуешь проделки таких продувных бестий, как Борис Немцов, "необольшевизмом".

Может быть, помогут тебе разгадать загадку телки-оборотня напоминания о том, что когда Владимир Карпов и Валентин Распутин, Василий Лановой и народная певица Татьяна Петрова, председатель Союза художников России Валентин Сидоров и 82-летний прозаик Семен Иванович Шуртаков направлялись в Чечню, Путин был занят ужасно важным делом — выдавал в Кремле очередные премии. Кому? Да вот таким примерно деятелям искусства и литературы, как Олег Осетинский, статью которого ты преподнес читателям в этом же номере "Дня". И Валентина Матвиенко была занята до крайности — она на пару с Николаем Сванидзе, певцом и недобитком гитлерюгенда, прошибала лбом "стену молчания" о "холокосте" — об истреблении фашистами евреев в годы Второй мировой войны, — стену, которую воздвигли у нас не то Мехлис с Кагановичем, не то Жванецкий с Шендеровичем. Советских евреев, ставших жертвами фашизма, мы от наших общих жертв никогда не отделяли. Но Матвиенко очень стыдила родной народ — переживший, между прочим, пять или шесть таких "холокостов" — за то, что "холокост" неведомых ему западноевропейских евреев почему-то не ближе ему, чем свой собственный.

Кроме того, мадам Матвиенко в это время ломала голову над сложнейшей проблемой: кого назначить министром культуры? Когда формировалось правительство Примакова, и Евгений Максимович с присущей ему мудростью вытащил Валентину Ивановну из Греции, где она в качестве нашего посла созерцала всё тот же Олимп, и сделал своим заместителем по социально-культурному сектору, я написал ей письмо, в котором, видя затруднения у них с кадрами, предложил назначить министром культуры меня. В самом деле, как теперь стало модно говорить: "А почему бы и нет?" Долгое время министром культуры сидел у Ельцина литературный критик Евгений Сидоров, примечательный разве что только своей женитьбой на дочери известного Индурского, когда-то редактора "Вечерней Москвы". Чем же я плоше Сидорова? И жизненный опыт у меня поболее, и известность моя пошире, чем у него была до назначения, и не такой я жирный, и позиция потверже, уж я не стал бы, например, как он, поддакивать Ельцину в его оскорбительном для страны намерении вернуть немцам трофеи Великой Отечественной войны. Правда, жену мою звать не Циля, а Татьяна, и она не дочь барона столичной прессы, а пролетарочка вятских кровей с Чистых прудов. Это был мой единственный недостаток для министерской должности, но он-то, судя по всему, и сгубил мою карьеру. Еще не совсем пенсионного возраста вельможная мадам даже не ответила мне, а ведь из письма видно было, что пишет ветеран Отечественной войны. Хоть бы к этому снизошла. Но нет, таков их стиль работы, так преданы они своим любимым "общечеловеческим ценностям".

А ВОТ ТОВАРИЩ СТАЛИН, имя которого эти вчерашние парторги да комсомольские секретари сейчас и произнести-то не смеют, даже и в семьдесят лет отвечал на письма не только наркомов, академиков, генералов, писателей, но и безвестных комсомольцев, таких, например, как, шестнадцатилетний комсомолец М. Блохин со станции Няндомы Северной железной дороги. А то и лично звонил Иосиф Виссарионович тем, кому надо было, и если уж о писателях говорить, не только Горькому или Фадееву, партийным и беспартийным большевикам, но и Пастернаку, Булгакову, Эренбургу, — какие ж это большевики, скорее, совсем напротив... А чего стоит хотя бы история с письмом генерал-майора В.Т. Вольского! Тот буквально накануне контрнаступления под Сталинградом решительно настаивал на отмене операции из опасения её провала. Прочитав письмо, Сталин посоветовался с Василевским, а потом позвонил Вольскому, поблагодарил за прямоту, заверил, что опасения напрасны, и приказал 4-й мехкорпус генерал-лейтенанта Вольского вывести на острие атаки. Позже генерал-полковник Вольский командовал 5-й гвардейской танковой армией, был награжден двумя орденами Ленина, двумя Красного Знамени и двумя Суворова... Вспомним к слову еще и о том, как генерал Ватутин стал командующим фронтом. Он был заместителем начальника Генштаба, и однажды после очередного доклада Верховному главнокомандующему о положении дел на фронте вдруг сказал — ну, совершенно, как я!: "Товарищ Сталин, назначьте меня командующим Воронежским фронтом!" Верховный удивился, но назначил. И ведь совсем не плохим командующим оказался Николай Федорович...

А мне мадам Матвиенко не дала покомандовать ни гвардейской армией рязановых-хазановых, ни культурным фронтом от квазичеховского МХАТа до суперзахаровского Ленкома. Высокого дара удивления эти функционеры лишены от рождения и доверяют они только своим. Как потом выяснилось, в эти дни мадам уговаривала возглавить министерство культуры пианиста Николая Арнольдовича Петрова, того самого культуртрегера, который в свое время на известной тусовке вождя с худинтеллигенцией в Бетховенском зале Большого театра уговаривал его не миндальничать с противниками замечательных реформ: "Канделябрами их, Борис Николаевич! Канделябрами!" Тот подумал, видимо: уж если тонкие художники, изысканные эстеты призывают к канделябрам, то, значит можно танками. И выбрал танки... А канделябрист почему-то не захотел стать министром. Тогда назначили Егорова, как видим теперь, для временной маскировки, ибо поиски нужного человека продолжались. И при Путине, наконец, нашли именно то, что искали: да Швыдкого же, конечно, Михаила Ефимовича, солнышко ясное русской культуры. Ведь как он рьяно вместе с Сидоровым, будучи его заместителем, из кожи лез помочь Ельцину в его борьбе с Думой за возврат немцам наших трофеев! А кто смело распорядился показать по телевидению банную сцену с девочками, достоверность которой до сих пор никем не доказана? Он же, милостивец, и показал, сгорая от нетерпения помочь Волошину и Путину, темной ночью в Кремле сварганившим дрожащими и грязными руками Росинского дельце против Юрия Скуратова. Он!

Путин недавно объявил: "При назначении на должность я принимаю во внимание только деловые качества, всё остальное, в том числе национальность, не имеет для меня никакого значения. "Национальность он поставил в один ряд с физическим ростом кандидата на должность. Такой, видите ли, интернационалист. Знакомо. Например, его предшественник по КГБ Вадим Бакатин, прославившийся своей нежной заботой об американских

налогоплательщиках, признавал в свое время, что всю жизнь просто стеснялся и не смел спрашивать кого бы то ни было о национальности. Разница между ними лет в 10-12, а закваска всё та же, применительно к данному случаю можно сказать — матвиенковская...

Но откровенно говоря, простофиле Бакатину я верю, а хитроумному Путину — не могу. В самом деле, уж кем надо быть, чтобы не понимать: можно было еврея Серебрякова назначить наркомом финансов, армянина Микояна — наркомом торговли, или, как сейчас, тувинца Шойгу — главой МЧС. Но министром культуры в России должен быть русский, ибо в стране преобладает в огромной степени именно русская культура, и нерусское население, составляющее примерно 15 процентов, в большинстве своем воспитано в русской культуре, и русский язык для них — родной. Явлинский, например, прямо заявляет: "Я — человек русской культуры." Но кто у нас в Министерстве культуры? Как при Ельцине, так и теперь — сплошь чукчи! Как на телевидении: Познер, Ноткин, Шендерович, Обормоткин, Максимович... Правда, один чукча, Григорий Гурвич, недавно исчез из передачи "Старая квартира", так вместо него совершенно в неожиданном месте — погоду, видите ли, предсказывает! — тотчас выскочил другой чукча — Евгений Гурвич. Помните, у Ильфа и Петрова? Ходят они по разным незнакомым им советским учреждениям и везде просят для интереса позвать Рабиновича, будто бы приятеля, и во всех учреждениях Рабиновичи перед ними являются, порой даже несколько. Иные со словами Явлинского на устах...

Когда по настоянию Матвиенко и.о. назначил Швыдкого министром культуры, то чукчи так обрадовались, так возликовали, что буквально засыпали избранника высшей власти поздравительными телеграммами: "Ефимыч, жми!" Они очень сплоченные, эти чукчи. Швыдкому пришлось публично в прессе выразить признательность и благодарность им. Факт в своем роде единственный: ни один министр не получал столько поздравлений, и ни один министр не отвечал на них публично.

А Матвиенко, как известно, была секретарем Ленинградского обкома комсомола. Там, на комсомольском Олимпе и в его окрестностях, особенно много водилось сирен, способных песнями об "интернационализме без границ" усыпить кого требуется и отрубить сонному голову. Теперь она из Москвы вострит лыжи в Ленинград, чтобы под мелодию такой вот песенки дезавуировать в Смольном губернатора Владимира Яковлева и сесть в его кресло. Владимир Путин, разумеется, всей душой поддерживает единомышленницу, хотя еще в январе поддерживал тезку. Он уже сказал: "Матвиенко? Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!.." По данным статистики, только в январе этого года, при нынешнем огнеопасном режиме, в стране было 1215 пожаров. Ни на одном из них Матвиенко не замечена...

ОДНАКО ПОРА ОБРАТИТЬСЯ к статье упоминавшегося О.Осетинского. Она озаглавлена, разумеется, "Вставай, страна огромная!.." Читать статью с таким, до лоска замусоленным заглавием, я не стал бы, но в первых же абзацах бросилось в глаза огромное количество восклицательных знаков. Что такое? Подсчитал. 162 восклицания. Ну тогда придется...

Первое, что выясняется, автор — лютейший антисоветчик и ненавистник коммунизма. Когда-то среди таких встречались люди образованные, воспитанные, тонкие: Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Петр Струве... Имена!.. Было о чем поговорить с ними. Но с Александра Солженицына пошла новая генерация антисоветчиков — сплошь малограмотные нахрапистые бурбоны. Вот и этот Осетинский тоже: "трусливые коммуняки" ... "обезумевший сифилитик Ленин" ... Как ты

можешь печатать такое, уважаемый редактор? Ведь "трусливый коммуняка" — это, например, я, твой старый приятель, с войны вернувшийся с медалью "За отвагу", а в нынешнюю пору награжденный патриотами России и Украины орденом "Защитнику Советов", двумя орденами Сталина. Или, возможно, сей "коммуняка" — твой отец, или твой дядя — Герой Советского Союза. Он, что, Героя за трусость получил? Непостижимые вы для меня люди, патриоты-деникинцы! Ведь ничто же не вынуждает вас плодить эти гадости. Или все никак плюрализмом насладиться не можете? Неужто до сих пор еще не поняли, какая это была ловкая приманка и как нас на нее купили?

Так вот, для начала растолкуй своему Осетинскому, что сифилис, как и всякая другая болезнь, — беда, несчастье, напасть, которые могут постичь любого, в том числе и тех, кто печатается в "Дне литературы"... Тем более, что он передается не только половым путём. Так что отнюдь не исключено, что завтра твой вчера еще стерильный автор Осетинский рысью побежит искать венерологический диспансер им. В.Г.Короленко. И гонорар, который он получит за свою инфекционную статью, очень ему пригодится.

Кстати, почему Короленко? Когда-то, теперь уже давненько, в одном из своих кино-"Фитилей" Сергей Михалков лихо высмеял это: ха-ха, дескать, при чем здесь изящная словесность! Я написал ему письмо. Не к месту, мол, похохотываете вы, дорогой Сергей Владимирович. Короленко, исколесивший всю страну вдоль и поперек, хорошо знал, что за бедствие было эти болезни в царской России, которую Говорухин потерял и всё рыдает о ней на груди Эллы Памфиловой. И вот, отнюдь не будучи миллионером, как, допустим, тот же Говорухин, Владимир Галактионович на свои скромные заработки основал этот диспансер, которому потом присвоили его имя. Ну, Михалков, конечно, пожалел об опрометчивом "Фитиле" и даже прислал мне в благодарность миниатюрное издание "Дяди Степы". Широка душа русского дворянина!.. Да, было когда-то такое обыкновение среди русских писателей. Толстой, Чехов, Шолохов открывали на свои средства школы, больницы, помогали крестьянам в голодные годы; Горький не только спас в лютые годы жизнь очень многих, но, по воспоминаниям Ходасевича, еще и содержал орду нахлебников — от бродяг до великих князей, а деньги давал едва ли не первому встречному. Да, было время, были люди...

А еще, посоветуй ты этому Осетинскому, если он так интересуется, кто от чего умер, прочитать недавно вышедшие две книги "Личная жизнь Ленина" В.Е. Мельниченко, последнего директора Центрального музея В.И.Ленина, доктора исторических наук, и "Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина" академика Ю.М. Лопухина. Там приведено множество фактов, документов, свидетельств лечивших врачей, — и всё говорит о том, что умер Владимир Ильич совсем от другой болезни, от той, которая Осетинскому никогда не грозила и не грозит, у него тут врожденный иммунитет... На языке поэзии Дмитрий Кедрин дал такой диагноз этой болезни: "Десять жизней людских отработал Владимир Ильич..."

А в доказательство того, что у Осетинского действительно есть надежный иммунитет от "болезни Ильича", можно указать хотя бы на такой, несколько даже избыточно жизнерадостный, фрагмент его статьи: "Великий немецкий поэт, протестант Генрих Гейне утверждал: "Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!" Отменно... Только, во-первых, уж очень сурово: что, если я по возрасту хотя бы или нездоровью не могу каждый-то день идти на бой, а только два раза в неделю — что ж, и дышать я недостоин, придушить меня позволительно? Во-вторых, Генрих-то вышеназванный лет, почитай, до

тридцати исповедовал иудаизм, а сразу после перемены веры сделал такое примечательное заявление: "Желаю всем ренегатам настроения, подобного моему". А что касается авторства приведенного афоризма, который наш знаток мировой литературы сует в свои разные статьи, то все знают, что это вовсе не Гейне, а великий поэт неизвестной нации Осетинский...

В первых же строках статьи автор сотрясает свод небесный: "Бог наконец послал нам человека, который принял на себя тяжкое бремя трудных решений!.. Путин волею судеб возглавил восстание народа в защиту своего ДОСТОИНСТВА... Мы запрягли! Мы прозрели!.. Он — тот спаситель, который... Е...а мать! Теперь у нас есть защитник!" и т. д. Прекрасно! Но вот загадка: почему этого Божьего посланца мы получили из кровавых рук душителя России Ельцина? Почему этого спасителя Отечества так осатанело нахваливает строитель бандитского капитализма Чубайс? Почему, как когда-то Тэтчер о Горбачеве, Клинтон сказал о защитнике: "С этим человеком можно иметь дело"? И Ельцин тут же: "Путин идет правильным курсом!" Почему за него собираются голосовать и Кириенко-Дефолт, и беглый марксист Юшенков, и адвокат Резник по кличке Красавчик? Наконец, почему сам защитник и спаситель, проливая горючие слезы у гроба знаменосца демократии Собчака, объявляет его — е.... мать! — своим Учителем и клянется в верности ему, и обещает поставить памятник?

В конце статьи автор выражает твердую уверенность: "Путин быстро почистит нашу замшелую (!) родину от жадных присосок, кровососок, от нелюди и нечисти..." Очень прекрасно! Но вот во время встречи Путина с его доверенными лицами на выборах один решительный человек в папахе нетерпеливо спросил его: "Когда мы начнем мочить пиявок, присосавшихся к власти?" То есть ему ясно, что пиявок надо мочить, его интересовал только срок — когда начнем? И что же Путин? Вместо ответа на этот прямой и ясный вопрос он, не отрицая, что пиявок развелось много, пустился в рассуждения о необходимости равенства для всех пиявок, чтобы одни не имели преимущества перед другими в грабеже народа. Кого же защищает этот защитник?..

Но автор не падает духом и решительно оглашает требования к своему кумиру: "Путин, выкинь пятые колонны из тела России, удали раковую опухоль русофобства!" И что, выкинул хотя бы мерзавца Коха? Удалил хотя бы негодяйку Новодворскую? Заткнул рот хотя бы теоретику предательства Киселеву?.. *Silencium*...

И опять вопль: "Путин! Безо всяких оговорок и общения с трусливыми коммуняками — национализировать нефть и газ!.. Ничего нет дурного (!) в том, чтобы пересмотреть явно блатные итоги приватизации, вернуть справедливость!.." У него что, крыша поехала, что ли? Ведь "коммуняки" -то, при всей их "трусости", именно за пересмотр. А защитник, ниспосланный Богом, по этому самому главному вопросу тоже высказался при первом же появлении в качестве наследника предельно чётко в таком духе: "Пересмотреть итоги? Ждите, когда рак свистнет..."

И снова в экстазе: "Путь России сейчас ясен — с нами Путин!" Судя по такому восторгу, с Путиным автор "Дня литературы" хоть сей миг — прямым путём и в НАТО. Ах, с какой готовностью, даже радостью, тот в ответ на вопрос журналиста Би-Би-Си о возможности вступления России в эту "преступную организацию" (ген. Ивашов) тотчас выпалил: "А почему бы и нет?!" Словно журналист спросил его: "Не прохладиться ли нам кружечкой жигулевского?" Право, впечатление было такое, что если журналист еще и присовокупил бы: "А не стать ли России 51-м штатом США?" — то он и тут услышал бы удивленно-радостный возглас: "А почему

бы и нет?!" И нынешний афоризм "Я с трудом представляю себе НАТО в качестве врага России" немедленно был бы преобразован так: "Я легко представляю себе Россию в качестве 51-го штата USA".

Всё человечество — как прогрессивное, так и ретроградное, услышав приведенные слова и. о. главы России, схватилось за животики, как хваталось недавно при афоризмах крестного отца и. о. Раньше всех очухался генеральный секретарь НАТО Робертсон и, слава Богу, успокоил человечество, заявив: "Вопрос о приеме России в НАТО сегодня на повестке дня не стоит". Человечество вздохнуло с облегчением...

ВПОСЛЕДСТВИИ, встречаясь в Иванове с ткачихами, Путин постарался сделать вид, что то был тонкий дипломатический ход, в чем его ранее поддержали депутаты В.Лукин и Д. Рогозин, наши великие знатоки международных проблем. Он сказал: "При создании НАТО в 1949 году Советский Союз, который возглавлял тогда Иосиф Виссарионович Сталин, изъявил готовность войти в НАТО, но ему было в этом отказано..." Я оторопел... Сталин просился в НАТО?..

На этих днях самарский губернатор Титов, известный не только своей резвостью, заявил в беседе со Сванидзе: "После войны нас не взяли в план Маршалла..." Мы, дескать, рвались туда, а нас не взяли. Нет, сударь, нас очень хотели взять голыми руками и пригласили в Париж на совещание министров иностранных дел, состоявшееся 27 июня — 2 июля 1947 года. Но мы сразу раскусили кабальную суть этой американской затеи и решительно отказались в ней участвовать. Еще бы! Ведь её обязательными условиями были, например, отказ от национализации промышленности, предоставление полной свободы частному предпринимательству, одностороннее снижение таможенных тарифов на ввоз американских товаров и т.п. Разве не ясно, что если бы согласились, то весь тот кошмар, который обрушился на страну теперь, нагрянул бы лет на сорок раньше. Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство. Он всегда считал, что главная цель экономической политики — экономическая независимость... И не одни мы тогда отказались, например, Финляндия — тоже... Впрочем, какой спрос может быть с Титова? Он додумался до того, что предложил Явлинскому, хроническому кандидату в президенты, ветерану и инвалиду борьбы за Кремль, на этот раз снять свою кандидатуру. Да это же всё равно, что крокодилу предложить питаться фиалками. Но Путин-то не имеет права быть Титовым!..

О каком вступлении в НАТО могла идти речь в 1949 году, если уже четвертый год бушевала "холодная война", начатая известной речью Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года. В ней оратор предложил создать "братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке". Цель — борьба против России и мирового коммунизма. Сталин дал тогда чёткую оценку речи своего вчерашнего союзника по войне: "Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда всё будет в порядке, — в противном случае неизбежна война". И после этого проситься в НАТО?.. Североатлантический договор был подписан в Вашингтоне 4 апреля 1949 года, а еще до

этого 31 марта Советское правительство выступило с Меморандумом, в котором раскрыло агрессивный характер договора.

А товарищ Путин продолжал полоскать мозги простодушным ивановским ткачихам: "Будем считать, что мой ответ на вопрос ведущего Би-Би-Си был в определенной степени домашней заготовкой", то есть этакой хитрой ловушкой. Ну, нечто вроде знаменитого Заявления ТАСС от 13 июня 1941 года, что ли, в котором говорилось о наших добрососедских отношениях с гитлеровской Германией, на самом деле уже изготовившейся для прыжка. Но тогда у нас был договор о дружбе с Германией, и это Заявление, поскольку оно в райхе не было опубликовано, хоть и с запозданием, но выполнило свою рекогносцировочную роль: после 13 июня движение наших войск к западной границе усилилось. Но были у Заявления и отрицательные последствия: не все догадались, что это "домашняя заготовка", и кое-кого оно сбilo с толку.

А тут? Приветствовали заявление Путина, даже обрадовались ему только такие скорбные личности, как Шеварднадзе да Юшенков. Вот и пусть они под командованием Путина шагают в сортир НАТО. А как все соберутся, тогда мы их там и замочим...

Заметки известного сатирика [В.С.Бушина](#) о недотепах от оппозиции и о придурках реформаторах. Досталось Путину, Матвиенко, Сванидзе, Явлинскому и др.

Бушин В.С. "[И.О. Просится в сортир НАТО. Там и будем мочить.](#)" , "Завтра", №12, 2000 г., 100000 экз., 27,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Деградация](#)

[Враги](#)

"Завтра"

Author: Владимир Бушин

Title: **"И ТИХО, ТАК, ГОСПОДИ, ТИХО..."** (Сорок дней без Вадима КОЖИНОВА)

No: 9(378)

Date: 27-02-2001

СКОРБНАЯ ВЕСТЬ о смерти Вадима Кожинова настигла меня в тот именно день и час, когда я, листая его книги и последние газетные публикации, готовился писать о нем статью... Мы познакомились в самом конце пятидесятых. Потом, в 1966 году, встречались в кельях Высокопетровского монастыря на заседаниях Общества по охране памятников истории и культуры, куда однажды зимним вечером привел меня Петр Палиевский... И с тех, почти мифических, пор наши добрые отношения с Вадимом ничем не омрачались. Мы при встречах и по телефону нередко делились впечатлением о прочитанном, спорили о самых разных разностях, дарили друг другу книги, я, как и другие собратья, порой обращался к нему за справками по вопросам истории и литературы. Кажется, совсем недавно мне понадобилось одно ахматовское стихотворение 1940 года, а оно не оказалось под рукой, и я позвонил ему:

— Вадим, как там дальше? —

**Когда погребают эпоху,
Прощальный псалом не звучит...**

Он перезвонил через десять минут и прочитал:

**Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.**

**Крапиве, чертополоху
Украсить её предстоит...**

И только могильщики лихо

Работают. Дело не ждёт!

**И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идёт...**

...Кожинов будил мысль, и порой я дополнял, развивал его идею. Так, в одной из недавних статей я перечислил многие важные деяния, предпринятые нашей страной впервые в мире. Подобный патриотический перечень встретил у него. Я лишь расширил его в обе стороны времени и несколько разнообразил: "В 1947 году мы первыми из воевавших стран Европы отменили карточки; первыми в мире забросили свой серпастый и молоткастый герб на Луну; первыми в мире огласили Вселенную звуками нашего гимна; первыми, на двадцать лет раньше американцев, создали орбитальную космическую станцию; первыми, на десять лет раньше англичан, клонировали животное; первыми в мире, как недавно поведал Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Сергей Макарович Крамаренко, во время интервенции США в Корею сбили 1309 американских самолётов ("Досье" №8, 2000, с.5)..."

А однажды, тоже недавно, прочитав мою статью в "Завтра", Вадим позвонил и поздравил с "открытием", которое будто бы я сделал в ней, хотя, думаю, что всего лишь напомнил нашим суперпатриотам известное, но забытое: Ленин, которого они изображают евреем, да еще

антипатриотом, выдвигая лозунг поражения своего правительства в Первой империалистической войне, имел в виду достигнутое перед войной на Бернской конференции "соглашение социал-демократов разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств", "содействие друг другу революционных движений во всех воюющих странах". В связи с чем он писал о выступавшем против этого Троцком, с которым суперпатриоты здесь смыкаются, как с лучшим другом и учителем: "Вот — образец надутых фраз... Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России — значит, желать победы Германии... Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№40 "Социал-демократа") пояснила: во всех империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству". Если бы этого удалось достичь, войны могло вообще не быть или её задушили бы в самом начале. Этого не может сообразить еще и всем известный своим умом думец Борис Грызлов, выступивший 22 февраля по телевидению с теми же троцкистскими бреднями о Ленине.

Тут — не открытие. Я просто показал, что Ленин перед суперпатриотами, если сказать словами толстовского князя Курагина, "невиновен, как Христос перед жидами". Но правда и то, что ныне народ так неутомимо одурачивают, стремясь духовно разложить, что иной раз простое напоминание истины действительно оказывается открытием. Поразительна легкость, если не жадность, с которой даже старые уже люди на лету хватают и заглатывают антисоветский вздор. Словно начисто отшибло умение размышлять, сопоставлять факты, анализировать, не говоря уж о чувстве брезгливости и простой опрятности: ведь это клевета на то, к чему они сами еще вчера относились с уважением!

Кожинов сокрушил и развеял множество мнимо исторических мифов, скудоумных легенд и просто побрехушек, что вот уже столько лет обрушивают на голову народа невежественные и бесстыдные служители режима. Пожалуй, больше всего, разглагольствуя о действительных трагедиях и жестокостях Гражданской войны, они, во-первых, говорят при этом только о "красных"; во-вторых, уверяют, что всё это возможно было только в этой чудовищной России. Кожинов, обратившись к событиям Великой французской революции, с цифрами и фактами в руках показал, что тогда в этой распрекрасной цивилизованной стране жестокостей и жертв было уж никак не меньше, если не больше. А вот, например, одна из самых стойких побрехушек о том, что в 1917 году большевики разложили армию. Кожинов опровергает её словами не кого-нибудь, а генерала Деникина: "Когда говорят на каждом шагу (и ведь до сих пор! — **В.Б.**), что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие. Развалило армию военное законодательство последних месяцев". Это было сказано в присутствии Керенского, власть которого и ответственна за развал... А один известный патриот в книге, изданной на американские деньги, гневно обличал большевиков за жуткую расправу над министрами Временного правительства: "не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве". Были такие факты, но не с членами правительства, а со священниками, и не в России, а в распрекрасной Франции в дни её Великой революции. А члены Временного правительства, как документально показал Кожинов, называя конкретные имена, сперва были арестованы, но скоро отпущены на все четыре стороны. Из всех пятнадцати министров восемь остались в России и работали на довольно высоких постах вплоть до начальника снабжения Красной Армии, а семь эмигрировали. "Большинство из них прожило долгую и богатую жизнь"... Один высокий церковный иерарх, а за ним и многие суперпатриоты, твердили, что почти все

пятнадцать членов первого Советского правительства были евреи, а следовательно, и вся Октябрьская революция была затеей еврейской. Кожинов развеял и этот вздор, показав, что еврей там был только один — Троцкий, хотя, конечно, не отрицал самое энергичное и обильное их участие во властных структурах, в том числе в ЧК-ОГПУ-НКВД... Однажды старый писатель Иосиф Прут, беседуя по телевидению с известным пустозвоном Киселевым, сказал, что во время Гражданской войны служил в Красной Армии. "Как это вас угораздило!" — недоуменно и презрительно воскликнул всероссийский пустозвон, будучи уверен, что в Красной Армии никого, кроме Сталина и Буденного, не было. Так вот, по пустым головам таких болванов Кожинов бил дубиной цифр: "43 процента царских офицеров (включая генералов) предпочли служить в Красной Армии, притом каждый пятый из них сначала находился в Белой армии, а затем перешел в Красную! И еще более существен тот факт, что из военной элиты — офицеров Генерального штаба — в Красной Армии служили 46 процентов". Если обратиться к Великой Отечественной, то вспоминается, как бесновалась в сляпанном ею лживом и убогом фильме о ней Светлана Сорокина, достойная боевая подруга клеветника Киселева, по поводу того, что наше правительство не подписало известную Женевскую конвенцию 1929 года, и вот из-за этого немецкие фашисты плохо обращались с нашими пленными и плохо кормили их. Кожинов на многочисленных фактах показал, что "наивно уже само предположение, что Германия готова была соблюдать по отношению к нам какие-либо принципы". Речь шла не о плохом обращении и питании — "пленные просто уничтожались врагом". И приводит приказ от 11 мая 1943 года по 2-й танковой группе, которой командовал известный Гудериан: "При занятии населенных пунктов нужно немедленно захватить мужчин в возрасте от 15 до 65 лет и объявить им, что они впредь будут считаться военнопленными, а при попытке к бегству будут расстреливаться". Действительных и мнимых военнопленных немцы уничтожили около 4 миллионов...

Этот победный перечень разгромов Кожиновым скопища идиотов и клеветников можно продолжать долго. Но от молодых лет, от чуждого влияния остались у него и некоторые следы давнего "диссидентства" — такие, как вера в "железный занавес", осуждение девиза Горького "Если враг не сдаётся, его уничтожают" (враг же, а не оппонент в ученой дискуссии!), вера иным, по его собственному выражению, "сказочкам о Сталине", попытка оправдать клевету Солженицына на Шолохова тем, что, дескать, "мартышка к старости слаба глазами стала" и т.д.

...Из недавних разговоров с Кожиновым упомяну еще как раз тот, в котором я, прочитав в его газетной статье о "железном занавесе" в Советском Союзе, сказал ему:

— Какой занавес! Это замшелая и наглая черчиллевская чушь. Такая же, как солженицынские десятки миллионов репрессированных, которые ты не раз высмеивал... Если иметь в виду международную жизнь, то наша страна была здесь одной из самых активных: еще до войны мы имели дипломатические и торговые отношения едва ли не со всеми государствами мира; после войны СССР — один из главных создателей ООН, постоянный член Совета Безопасности, участник многих международных конференций. Где же тут занавес, Вадим? Были попытки опустить его, установить "санитарный кордон" на наших границах, но они предпринимались не нами, а Западом. Чего стоит хотя бы один только тот факт, что США официально признали СССР, вспомни-ка, лишь в 1934 году, то есть 17 лет, пытались изолировать нас! Если же взять научные, культурные, спортивные связи, то разве можно забыть, что многие наши учёные, писатели,

театральные коллективы, спортивные команды объездили весь мир. Маяковский "земной шар чуть не весь обошел"; Эренбург едва ли не полжизни прожил во Франции и тоже исколесил всю планету; академик П.Л.Капица с 1921 по 1934 годы находился в командировке в Англии. А кто подсчитает, сколько раз ездили за границу Большой театр, МХАТ, Вахтанговский, хор Пятницкого, Ансамбль красноармейской песни и пляски. И есть ли на земле страна, в которой ни побывал бы ансамбль Игоря Моисеева?.. А вспомни, как с самого начала революции обстояло дело с иностранной литературой. Еще в 18-м году Горький создал издательство "Всемирная литература", над входом в которое можно было бы выбить тогда же сказанные слова Блока:

**Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...**

Многотомные издания, не говоря уж об отдельных книгах иностранных классиков, выходили у нас космическими тиражами, невозможными на их родине. То же самое и с современной литературой. Где в мире так издавались и читались Джек Лондон, Бернард Шоу, Роллан, Уэллс, Олдингтон, Стейнбек, Хемингуэй, Фолкнер... Ну, вот, правда, с Кафкой мы поотстали от прогрессивного человечества. И что, это большая потеря?.. А кино! Я помню еще немой фильм "Кольцо Нибелунгов", который видел в самом начале тридцатых годов, помню комиков Пата и Паташона из каких-то иностранных комедий... Потом шли "Богиня джунглей", "Акула Нью-Йорка", "Королева лесов", "Багдадский вор", "Знак Зорро"... Еще позже — "Огни большого города", "Под крышами Парижа", "Маленькая мама", "Большой вальс"... Чаплин и Дуглас Фербенкс, Мэри Пикфорд и Франческа Гааль, Гарри Пиль и Жан Габен были у нас почти так же популярны, как Игорь Ильинский и Любовь Орлова, Николай Крючков и Марина Ладынина. А итальянский неореализм! Кто запрещал нам смотреть все его фильмы сразу, как только они появлялись?

— Возможно, ты прав,— сказал Кожин. — "Железный занавес" был со стороны Запада. На материале науки это убедительно показал недавно академик Алферов. А с нашей стороны был не занавес, а фильтр. Разумный, надежный фильтр, который нужен любому народу, желающему остаться самим собой. К нам приезжали Поль Робсон и Рокуэлл Кент, а наслаждаться воплями Майкла Джексона или завываниями Мадонны гражданин Лужков мог поехать в США за свой счёт.

Через несколько дней Вадим позвонил мне и сказал: "Я запомнил твой тезис "не занавес, а фильтр" и обязательно напишу об этом, сославшись на тебя". Увы...

Сейчас я мог бы это дополнить еще и тем, о чем пишет Сергей Куняев в последних главах своей содержательной работы о Павле Васильеве, — о множестве джазов у нас в стране еще в середине 30-х годов. Ведь непуганые телеидиоты постоянно твердят, что джазы были запрещены, за них судили, ссылали, сажали. С.Куняев приводит цитату из "Комсомолки" за 27 октября 1934 года с перечнем: "Джазы Утесова, Ренского, Скоморовского, Березовского, джазы (видимо, гастролировавшие) английский, чехословацкий, женский, даже джаз лилипутов..." А джаз Лундстрема! А частный джаз Цфасмана!.. Пользуясь своей популярностью, Цфасман позволял себе невероятные вещи. Тогда легче было подписать приказ об аресте маршала или члена ЦК, чем арестовать музыканта из джаза Цфасмана...".

...Когда мы разговаривали по телефону в последний раз, я сказал Вадиму, что в нашем доме "кожиновские дни": жена с удовольствием читала его "Тютчева", а я — новые публикации в газетах. Готовился писать о нем статью, в которой собирался кое в чем и поспорить...

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛИСТ Виктор Кожемяко, напечатавший в "Правде" и "Советской России" много больших, содержательных, интересных бесед с Кожиновым, сейчас пишет: "Без Вадима Кожинова нам нельзя. Нужно знать его и опираться на него в борьбе за Родину!.. Он ведь столько успел сказать! И необходимо в этом сказанном хорошо разобраться. Я буду много писать о его книгах и об этом замечательном человеке". Желаю от души неутомимому Виктору Стефановичу успеха и в этом его очередном благородном намерении. Но хорошо бы, разбираясь в оставленном наследии, поменьше брэнчать громкими фразами ("Великая, могучая, необоримая сила" и т.п.), а побольше размышлять, анализировать, сопоставлять.

А то ведь, что иной раз получается, даже не при обращении к наследию, а при живой беседе с широко известным автором. Он пытается истолковать знаменитое стихотворение Пушкина "Клеветникам России" в эротическом плане. И мы вместо недоуменных слов "Да вы, сударь мой, в своем ли уме?!", слышим от его собеседника вопли восхищения и радости: ах, как ново! ах, как тонко! ах, как глубоко!.. И чушь порнографического пушкиноведения пошла гулять по святой Руси в пушкинские дни со "знаком качества", поставленном журналистом, награжденном пушкинской медалью...

У В.Кожинова порой встречаются довольно неожиданные и удивительные для человека такого ума и эрудиции суждения о некоторых писателях и фактах литературы. Вот пишет: однажды "оказался в кафе ЦДЛ за одним столом с давним близким приятелем Евтушенко, Евгением Винокуровым, который известен написанным им в 1957 году текстом песни "В полях за Вислой сонной...", — текстом, надо сказать, странноватым". С Винокуровым в 1946 году мы вместе пришли в Литературный институт с фронта, и все студенческие годы были друзьями: состояли в одном творческом семинаре, ходили на литературные вечера и пирушки, ездили в мою деревню Рыльское, что в Тульской области близ Куликова поля, дарили друг другу книги. Винокуров умер в 1993 году... В одном стихотворении, посвященном жене, он писал, что вот наша жизнь уже давно течет спокойно и тихо, вроде бы смешно говорить о любви, "Но... ты уйдешь — и я умру". Это не было перепевом, допустим, Михаила Кузмина.

**Уйдешь — и лягу я на лавку,
И смерть скуёт уста мои!**

Нет, это был не перепев, а такое отношение к поэтическому слову, о котором писал Пастернак.

**Искусство это Рим, который
Взамен турусов и колёс
Не читки требует с актёра,
А полной гибели всерьёз.**

...Жена ушла. И он умер. Это случилось 25 января, в Татьянин день. Жену звали Татьяна. Сейчас она в Америке... Как странно, и поэт, и не понимавший его критик умерли в Татьянин день. "Это было при нас..."

Так вот, не только во имя верности почившему другу я должен сказать... Во-первых, то, о чем говорил Кожинов, это не "текст", Винокуров тексты для песен не строгал — это стихотворение.

И называется оно не "В полях за Вислой сонной", а "Москвичи". И написано не в 1957 году, а в 1953-м. Уже из этих фактов видно, что критик поспешно судил о творчестве поэта. Но главное, сказать о Винокурове, что он стал известен только благодаря названному "тексту", это примерно то же, что, допустим, сказать, что сам Кожин — благодаря исполнению в дружеском кругу старинных русских романсов.

На мой взгляд, стихотворение "Москвичи" и песня на его текст прекрасны. Но критик усмотрел здесь нечто "странноватое". Что же именно? Во-первых, говорит, "Витька с Моховой" — выдумка, ибо на этой улице "давно уже не имелось ни одного жилого дома". Убедительно? Ведь в самом деле, по фасаду этой улицы нет жилых домов. Но какое отношение имеет это к поэзии? Во-вторых, по поводу слов "одни в пустой квартире их матери не спят" критик заявил: "В Москве почти не было тогда отдельных квартир". Это не так. И тогда в отдельных квартирах жили не только большие начальники, известные ученые, крупные военные, прославленные писатели. Вспоминаю, что в отдельных квартирах жили мои, тогда отнюдь не знаменитые однокурсники: Гарольд Регистан на Арбате, Владимир Комиссаров на Никитской, Люда Шлейман в Фурманном, Андрей Марголин на Первой Мещанской в Капельском переулке, да и сам Винокуров на улице Веснина... Но какое отношение имеет это к поэзии? Главный же упрек таков: "Девчонки их подруги все замужем давно". Спрашивается, каким же образом все, если в поколении, которому было от двадцати до тридцати лет в 1946 году, имелось 15,6 млн. женщин и всего 10,8 млн. мужчин, т.е. на 4,8 млн. меньше? Проверил гармонию алгеброй... По-моему, это то же самое, что по поводу слов "Выхожу один я на дорогу" сказать, заглянув в справочник: "Спрашивается, почему же один, если в 1841 году, когда это написано, население России составляло, согласно статистическим данным (допустим), 63,7 млн.?" ...В принятом направлении можно продолжать и дальше: "Их матери не спят который год подряд? Нет, человек не может без сна столь длительное время. И наконец, почему именно "за Вислой"?"

...И невольно приходит мысль: разбираясь в наследии Кожина, хватит ли у таких аналитиков, как В.Кожемяко, при всем их оптимизме и жизнерадостности еще и мужества, чтобы поспорить хотя бы о фигурах, подобных Винокурову?.. А ведь при этом надо помнить, что сам Кожин не стеснялся вступать в спор с любым авторитетом, если речь шла о том, чтобы докопаться до истины или отстоять свою, часто совершенно неожиданную точку зрения. Иного отношения не потерпел бы он и к себе, поэтому его огорчила бы такая, например, похвала: "Возразить ему, а тем более его оспорить, никто не мог". Ведь если оспаривают Сократа и Аристотеля, Гегеля и Маркса, академиков Сахарова (совесть народа №1), Лихачева (с. н. №2), Солженицына (с. н. №3), то почему же хотя бы не возразить кое в чем и Кожину, пусть уже и его в порядке серийного производства объявили "совестью русской интеллигенции" ("Завтра" №5)? И, конечно, ему возражали не раз... Вот радостный В.Кожемяко приводит его мысль: "Я могу согласиться, что Россия — некая тюрьма народов, но при условии, что те люди, которые её так называют, честно и логично скажут: европейские страны и США представляют собой кладбище народов". Журналисту эта уступка нравится, а я решительно возражаю: для меня "равенство" на таком уровне неприемлемо, я ни при каких условиях не могу согласиться, что моя Родина — "тюрьма народов" или "империя зла", пусть даже Буш сам объявит Америку зловонным болотом, на дне которого шевелится крокодил...

В январском номере "Нашего современника", вышедшем за несколько дней до его смерти, Кожин, член редколлегии журнала, напечатал "Заметки на полях — но об очень важном". Там

он писал: "Истина рождается в спорах, и полемика важна, более того, необходима не только между далёкими друг от друга, но и близкими по своим убеждениям людьми. Поэтому читатели не должны воспринять как нечто несообразное мой спор с двумя видными авторами и одновременно членами редколлегии нашего журнала". Спорит он с Александром Казинцевым и Сергеем Семановым, "уважаемым ветераном патриотического движения". И, следуя его собственному критическому духу, хочется сказать несколько слов о споре с А. Казинцевым.

Тот считает "реформаторов", доведших страну до гибельного состояния, не бездарными неумёхами, а сознательными врагами, умными и умелыми. В.Кожинов решительно возражает: "Прямых точных доказательств этого нет... Достоверных сведений о вражеских агентах не имеется". Какие еще нужны доказательства, какие сведения, когда полстраны замерзает, горит, тонет, вымирает от недоедания и болезней, а другая половина страны поет и пляшет!.. Тут сказала давняя приверженность Кожинова к букве, к цитате, к форме. Он поверил бы, что это враги, только в том случае, если ему представили бы, допустим, изобличающие документы заговора, стенограммы тайных заседаний какого-то комитета и т.п. Да, к 1985 году страна нуждалась в переменах. И нельзя было бы подозревать во вражеских замыслах людей, которые взялись их проводить, но, видя, что ничего не получается, наоборот, становится всё хуже, через год-два, страдая вместе с народом, или изменили бы курс перемен, или ушли бы со сцены. Но ведь у нас всё не так. Да, ни Горбачев, ни Ельцин, ни Гайдар изначально не были врагами. Но, будучи людьми невежественными, самоуверенными, самовлюбленными, презирающими предшественников, они с каждым годом ухудшали положение, однако не меняли курс, не призвали других людей, не ушли, а запутались, обратились за помощью к Западу, попали к нему в полную зависимость и продолжали твердить, что иного пути нет. Наконец, настал день, когда надо было выбирать между благополучием Родины и своей шкурой. Они выбрали шкуру. Так из самовлюбленных невежд они стали предателями и врагами. Крайне странно, что Кожинов не понимал этого...

КАК У МНОГИХ ИЗ НАС, у Вадима были свои пристрастия, заблуждения, ошибки, странности, противоречия, завихрения... Это тем более понятно и простительно, если принять во внимание, с одной стороны, необычайную широту его литературных и исторических интересов, а с другой, то обстоятельство, что писал он о времени, событиях и о людях, крайне сложных, неоднозначных, порой и загадочных... Вот, допустим, пишет: "Если выразиться модной в свое время фразой "количество я": "Я долго считал своего рода дикостью и беспределом переселение народов в целом", имевшее место во время войны. Но углубленное изучение вопроса привело его к пониманию необходимости этой меры. Как обстояло дело, например, с крымскими татарами? Кожинов докопался, что даже в конце войны, в январе 1945 года, 10 тысяч их сражались вместе с немцами против Красной Армии. А всего крымских татар было до войны около 200 тысяч, мужчин, естественно, примерно, 100 тысяч, из них солдатского возраста — около 50. Значит, каждый пятый татарин, способный носить оружие, был с оккупантами. Под влиянием таких фактов, цифр, обретенных в ходе настойчивого исследования, Кожинов и обрел совершенно иной взгляд на проблему. Вот и произошел переход количества штудий вопроса в качество знания о нем, в чем Кожинов не постеснялся признаться.

...Но дело еще досто печальней, когда Кожинов, рассуждая о том, что-де после каждой революции рано или поздно приходит реставрация, пишет: во Франции после революции 1789 года реставрация наступила довольно скоро, а у нас "нечто подобное реставрации началось только в 1991 году, то есть не через четверть века, а через три четверти". Это не так. У нас было не "нечто подобное реставрации", а отказ от многих революционных крайностей, излишеств, и началось это не в 91-м году, а в июле 1934-го, т.е. через 17 лет — с решительной критики Сталиным статьи Энгельса "Внешняя политика русского царизма". Первый коммунист страны писал в том же примерно духе, как напомнил Кожинов, что и непротивленец Лев Толстой при чтении "Истории" С.М.Соловьева: сплошь негодяи да прохвосты, а кто же создал великую империю? Вслед за статьей Сталина разумно и постепенно были возвращены звания маршала (1935 г.), генерала (1940 г.), офицера (1941-42 гг.)... Впрочем, еще в начале двадцатых годов мы напевали: "Ведь с нами Ворошилов — первый красный офицер..." Уже в войну были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского (все три — в 1942 г.), орден Славы на георгиевской ленте (1943 г.), введены погоны (1943 г.), ордена Ушакова, Нахимова (оба — в 1944 г.), была поддержана церковь, избран патриарх, отменен запрет на колокольный благовест (все это в 1943 г.), Красная Армия стала Советской (вскоре после войны) и т. д., вплоть до восстановления новогодней елки (1936 г.), запрещенной, между прочим, не большевиками в 1917-м, а царским правительством в 1914-м как католическая затея. Это стояло в одном ряду с такими суперпатриотическими делами того времени, как переименование Петербурга... А что произошло в 91-м? Обкомовский алкаш в одночасье и самодурно навязал ненавистные народу старый имперский герб, власовский флаг и даже обращение "господин".

Но читаем дальше: "Относительно быстрая реставрация во Франции определялась, конечно же, её военным поражением в 1812-1814 годах, и если бы в 1941-1945-м мы не победили, а потерпели поражение, у нас произошло бы то же самое". Что, то же самое? Во Франции вернули Бурбонов, и это сделали сами французы. А у нас немцы вернули бы Романовых и весь прежний строй? Да кто же тогда сказал: "Россия должна быть уничтожена!" Со всеми её Романовыми в прошлом и большевиками в настоящем, со всеми орлами и красными знаменами. Тут Кожинов решительно противоречил самому себе...

Большую роль в жизни Вадима Кожинова сыграла встреча с М.М.Бахтиным, который был на 35 лет старше его. "Он в каком-то смысле передал мне идейную эстафету русской традиции", — уверял Кожинов. Допустим, так. Но тут нельзя не вспомнить, что "в разгар хрущевского правления" у Кожинова, как уже отмечалось, был весьма прискорбный период "радикальнейшего "диссидентства", в чем он не раз признавался: "Я безоговорочно "отрицал" всё то, что совершалось в России с 1917 года". Всё!.. Ему тогда уже перевалило за тридцать — возраст, казалось бы, уж полной зрелости. Как он замечает, сие "отрицание" тоже явилось результатом бесед с М.М.Бахтиным. Видимо, этими беседами объясняется многое, в частности, хотя бы тот, например, факт, что критик брал в кавычки слова "враги народа", "кулаки", "бедняки" или писал "так называемые кулаки", или давал такое пояснение: "бедняками" к концу 1920-х годов оказались в значительной мере те, кто не были склонны к упорному труду и питали ненависть к "крепким" хозяевам". Такой взгляд давно известен, его можно было позаимствовать не только у Бахтина, а хотя бы и у самих кулаков.

...Одно дело, когда в "Московском комсомольце" рассуждает некий Михаил Гурвич: "А чего вы удивляетесь, что какая-то часть русского народа купилась на невыполнимые обещания, на популизм чистой воды? А чего вы ждали от народа, издавна развращенного то татарским игом, то крепостным правом, то большевистской уравниловкой? От людей, давно разучившихся работать..." Предков этого Гурвича, видите ли, ни Вавилонское пленение, ни Египетское не развратили, а нас, которые свергли татарское иго, — вчистую. Поди, и не ведает, что рабство больше развращает рабовладельцев, чем рабов, и что в разлюбезной ему Америке — рабство, замешанное на расизме, привозное из-за моря, держалось дольше, чем в России, где были бесчисленные бунты и восстания против него. А что касается уравниловки, то ведь она появилась только теперь, среди этой публики: все долдонят одно и то же... Но главное-то здесь вот это: "люди, давно разучившиеся работать". И одно дело, говорю, когда мы слышим это от Гурвича, и совсем другое, когда у человека, держащего в руках "эстафету русской традиции", читаем: "Россия — такая страна, которая всегда надеялась на кого-то: на батюшку-царя, на "отца народов", на кого угодно". Даже на кого угодно! Тут явное завихрение. На кого это мы надеялись, хотя бы выходя на Куликово поле — на поляков или шведов? Или в тот год, когда дубасили Наполеона — на царя? на Англию? Или когда громили Гитлера — на США, на тот же Альбион? Ведь ход войны показал, что мы можем и без них выпустить кишки из третьего рейха... Дальше: "Именно поэтому (то есть из-за такого национального захребетничества. — **В. Б.**) у нас чрезвычайно редок тип человека, который может быть настоящим предпринимателем. Либо это человек, который ждёт, что его накормят, оденут, дадут жильё и работу, либо это тип, стремящийся вот здесь и сейчас что-то урвать для себя — чтобы не работать". И это сказано не о каких-то отдельных личностях, группах или слоях, а о всем народе в целом на протяжении всей его истории. Да разве ждали, что их накормят, например, горнозаводчики Никита Демидов (1656-1725 гг.) и его дети, вышедшие из тульских кузнецов, построившие больше 50-ти металлургических заводов, которые давали стране 40% чугуна? Ждали, что их оденут Савва Морозов (1770-1863 гг.), крепостной крестьянин из села Зуево Владимирской губернии и его сыновья, создатели ткацкой мануфактуры в России? Ждал, что ему дадут работу купеческий сын Василий Кокорев (1817-1889 гг.), основоположник нашей нефтяной промышленности, о котором восторженно отзывались М.П.Погодин и И.С.Аксаков, чья личность привлекала внимание Герцена, Добролюбова, Чернышевского? Ждал ли, когда ему дадут жильё Александр Пороховщиков (1834-1914 гг.), строитель "Славянского базара" в Москве?..

Предпринимательство — это не только хозяйствование, экономика. Разве не предприниматель тверской купец Афанасий Никитин с его "Хождением за три моря" — в Персию, Индию (1471-1474 гг.), а на обратном пути еще и в Сомали, Оман, Турцию? Разве не предприниматель легендарный казачий атаман Ермак Тимофеевич, начавший завоевание Сибири и погибший в 1585 году в бою с ханом Кучумом? Разве не предприниматель землепроходец Семен Дежнев (1605 — 1673 гг.), первый из русских со товарищами добравшийся до Чукотки, где ныне губернаторствует Абрамович?.. Да, наконец, разве можно отказать в предприимчивости всем этим инженерам и рабочим, что возводили бесчисленные Магнитки, Днепрогэсы, Турксибы, запускали спутники, строили атомные крейсера? На кого они надеялись, кроме своего ума и рук? От кого они ждали пропитания, одежды и жилья? Можно ли было все это создать, построить, если они мечтали бы лишь об одном — урвать для себя, чтобы не работать?

"С приходом рынка,— продолжал Кожинов,— масштабы подобного (захребетного. — **В.Б.**) поведения приобрели просто гротескные черты... В одной Москве, например, сегодня казино больше, чем в любой другой столице мира, а "мерседесов"— больше, чем во всей Германии". И что же? Рядовой русский человек садится в свой "мерседес", едет в казино и ждет, кто его там накормит? Не гротескные черты, а поистине страшный облик всей нашей жизни придал не рынок, а живодерские "реформы", которые вот уже 15 лет проводит банда беспощадных негодяев, захвативших в стране все командные высоты. Причем же здесь русский человек, потомок таких предприимчивых людей, как Дмитрий Донской и Ермак, Курчатов и Королев?

КОЛЛЕГА И ДРУГ Кожемяко может сказать мне: "Что ж это за статья такая к сороковинам покойного? Сплошные несогласия с ним, уточнения, поправки. Разве так пишут! Вот я написал к девятому дню: "Ты, Русь, была его любовью!" Ода!.. Тут, дорогой Виктор Стефанович, мы подошли к некоторому кардинальному размежеванию. Если я подхвачу вашу аллилуйю, то мне стыдно будет взять в руки книгу Кожинова, на которой он написал мне: "Русскому воину и советскому солдату" ... Как представляется, для вас и Яковлева интересны только ваши полные единомышленники: для него, допустим, Новодворская, для вас, допустим, Зоркальцев, просверкавший недавно ослепительной статьей в четырех номерах вашей газеты, или те, кого вы сами сделали в своем воображении вашими белокрылыми единомышленниками. Так вот, мне интересны не только стопроцентные единомышленники и белокрылые ангелы, а живые люди со всеми их противоречиями, пристрастиями, завихрениями. Я твержу вслед за поэтом:

Не обвиняй меня, Всесильный.

И не карай меня, молю,

За то, что мрак земли могильный

С её страстями я люблю...

Вы будете молиться на Кожинова да причитать "Ах! Ах! Ах!", а я буду черпать из его книг идеи, факты, оценки, как черпал до сих пор. Буду и спорить с ним. Ведь его путь глубоко поучителен. Вспомните, будучи до того молодым ученым с естественным советским взглядом на вещи, он вдруг на четвертом десятке под влиянием ученых бесед становится "радикальнейшим диссидентом, отрицающим всё, что произошло в стране после революции 1917 года". Всё! Значит, и то, чему сам был свидетелем, что видел своими глазами: нашу великую Победу над фашизмом, создание первой в мире АЭС, прорыв в космос, создание сверхдержавы — всё!.. Ученые беседы, авторитет знаменитого собеседника затмили ему реальность, саму жизнь, сверкавшую и звеневшую вокруг. Невероятно!.. Однако же через несколько лет Кожинов сумел сбросить дурман учёных бесед и под влиянием действительности, а также углубленного исследования советской истории, преодолел тяжкий груз увлекательных бесед и пришел к выводу: "Революция так или иначе была делом России в целом, и потому проклинать её — значит, в конечном счёте, проклинать свою страну вообще". Он стал советским русским патриотом. Для меня он жив в своих книгах, и я буду писать о нем и спорить с ним, как с живым...

Недели через две после смерти Вадима я читал его "Судьбу России". По поводу одной мысли в ней мне тут же захотелось поговорить. Я машинально набрал знакомый номер телефона 291-67... Гудок — и тихо, гудок — и тихо, гудок —

**И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идёт...**

24 января — 23 февраля 2001г.

Заметки [В.С.Бушина](#) о Вадиме Кожинове, его взглядах, судьбе, вкладе в дешифровку хитроумных планов уничтожения русского государства под видом реформ.

Бушин В.С. "[И тихо так, господи, тихо...](#)", "Завтра", №9, 2001 г. 100000 экз., 38,0 Кб.

Смотри также

[Знать](#)

"Завтра"

Author: Владимир Бушин

Title: **"КУРСК" И "ЧЕЛЮСКИН"**

No: 35(352)

Date: 29-08-2000

**Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске.
И мои ль куряне не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
С конца копья они вскормлены!**

"Слово о полку Игореве"

— Адмирал, горит твоя эскадра!...

Адмирал и бровью не ведёт...

Юрий Кузнецов

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ, в этом году к Дню Победы Вы прислали мне, старому солдату, поздравление. Хотел ответить, но не был уверен, что Вы получите письмо. Писал я как-то одному из Ваших заместителей — как в воду камень... Может, нет у них времени для ответов даже фронтовикам? Так напомните им, что Сталин и в годы войны отвечал на письма и телефонные звонки. Например, в разгар Сталинградской битвы сам позвонил командиру мехкорпуса полковнику Вольскому в ответ на его письмо, в котором тот предлагал отменить наше контрнаступление 19 ноября 1942 года. Но сегодня я все-таки решил обратиться к Вам вот так, через газету...

Вы не можете не понимать, что трагедия "Курска" — это предельно сконцентрированная в малом времени и в малом пространстве великая трагедия всей России, вот уже десять лет гуляющая на всех её 17 миллионах квадратных километров... И Вы должны ясно видеть, что находятся люди, которые даже эту концентрацию трагедии и всенародную боль, и всенародную молитву — за истинных, а не голосованием утвержденных новомучеников — пытаются использовать в корыстных политических целях: опять и опять пинают наше великое советское время и его героев. Все ошибки и неудачи этих дней они объясняют "грузом советского прошлого". Вот полюбуйтесь, тут теперь даже Василий Аксенов, стоящий одной ногой на Брайтон-бич в Нью-Йорке, другой — на Новом Арбате в Москве; несмотря на то, что у него день рождения, как было подчеркнуто, нашел мыслитель время возникнуть вечером 20 на телеэкране и молвить веское импортное словцо все о том же о "грузе прошлого", о "ярме советского менталитета", помешавших-де в трагической обстановке действовать решительно и мудро. Он уверял нас, что во всем мире нет у России никаких недоброжелателей, что "все хотят, чтобы мы были партнерами, а не потенциальными противниками." Не очень давно такие же сладкие речи мы слышали от Григория Явлинского, по убеждению которого армада, скопище,

кагал наших доброжелателей составляет 99 процентов всех стран и всего населения земного шара. И не приходит им в светлые головы спросить хотя бы натовских доброжелателей, почему после ликвидации Варшавского договора НАТО не ликвидировалась тоже, не преобразовалась в общество книголюбов или любителей рыбной ловли, а, наоборот, наращивает военную мощь и продвигается на Восток. Из дружеских чувств к России? И почему бы этим двум русским патриотам, которых хорошо знают и привечают в США, не выступить в американском конгрессе или по тамошнему телевидению и не сказать: "Братишки и сестрички! Великие друзья России! Как у вас повернулся язык объявить Кавказ, Среднюю Азию и Прибалтику зонами своих стратегических интересов? Зачем вы раздуваете свой военный бюджет до чудовищных размеров, если по принятому русским парламентом договору ОСВ-2 Россия будет уступать НАТО по стратегическим ядерным силам в 3—4 раза, а по их компонентам морского базирования в 5—6 раз?" Нет, не задают им таких вопросов наши патриоты. Вместо этого продолжают во всем винить наше прошлое.

Дикторша Екатерина Андреева, из которой так и прет интеллект девственной нетронутости, то ли по чужому наказу, то ли по собственному почину 20 августа вспомнила Чернобыльскую катастрофу: вот, мол, и сейчас, как тогда, та же советская скрытность, нежелание принимать иностранную помощь, равнодушие к людям, попавшим в беду. И тут же для убедительности из тех лет появился на экране действительно врущий Горбачев. Но, пардон, теледамы и телегоспода, Чернобыль — это апрель 1986 года. Тогда советская власть существовала по сути лишь номинально. Державой под вопли "Больше социализма! Ускорение! Приватизация!" уже второй год верховодил этот ваш полоумный первореформатор, враг народа №1, на которого вы до сих пор молитесь: "Он дал свободу!" Господи, он и сейчас, живой, появлялся на экране с какими-то своими советами и наставлениями. Вот уж, как говорится, ни крестом, ни пестом... Как Вы могли недавно два часа своего президентского времени потратить на беседу с этим существом. Ведь за это время можно было поговорить о насущных делах государства с пятью-шестью министрами, в том числе с Главкомом ВМФ о предстоявших тогда маневрах в Баренцевом море. Конечно, Горбачев уникален, и любопытство к такой твари понять можно, вот и позвали бы его в воскресный день к себе на дачу, особенно если на участке есть горькая осина. Но принимать этого монстра в Кремле!.. А другие обитатели эфира, в частности, мелкие телехищники Трубецкой и Лусканов, вспомнили еще и гибель подлодки "Комсомолец" как результат "советского стиля" жизни и правления. Еще раз пардон, любезные, но это уже 1989-й. В стране пятый год бесчинствовала банда под идейным водительством Яковлева, врага народа №2, на которого вы тоже до сих пор смотрите как на Аристотеля. Так спросили бы у него, почему столь прогрессивный и свободолюбивый адепт гласности, он тогда молчал о катастрофе.

Сразу вспомнив о Чернобыле и "Комсомольце", что ж эти защитники свободы и открытости, не вспомнили хотя бы о тех пяти русских летчиках, оказавшихся в лапах каких-то африканских повстанцев? Они два года висели между жизнью и смертью, а шкурник Ельцин, враг народа №3, которого они тоже скоро причислят к лику святых за расстрел русских людей на Дворцовой площади (патриарх уже нарек его "Владимиром Святым наших дней"), не ударил палец о палец для вызволения соотечественников из плена. Скорее всего, вечно занятый своими бесчисленными хитрозадями "рокировочками", он и не знал о летчиках. А это были настоящие русские мужики. Не дождавшись помощи президента, они сумели в смертельно отчаянном

броске захватить самолёт и вырваться из плена. Тогда бесстыжая пьяная горилла позвала их в Кремль и навесила Звезды Героев России. Ах, как жаль, что ни один герой не решился врезать ему хотя бы так, как милая Надя Воронина в марте этого года в концертном зале "Россия" при всем честном народе врезала букетом гвоздик (пока!) по физиономии Вашему неожиданному для народа кремлевскому собеседничку.

А в разговоре о советской закрытости да об отказе от иностранной помощи им надлежало бы вспомнить, если они были бы порядочными людьми, что наш советский менталитет ничуть не мешал нам принимать эту помощь в виде и специалистов, и техники, и субсидий еще в 20-е годы при индустриализации страны, как и в пору Великой Отечественной. Я до сих пор помню появившиеся в 43-м году на фронтовых дорогах американские "доджи" и "студебеккеры". А наш великий ас Александр Покрышкин долгое время громил немцев на английском самолёте "Аэрокобра".

ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ТУПОУМИЕ и бездарность, трусость и холуйство перед Западом, шкурничество и безразличие к соотечественникам поселились в Кремле именно с приходом туда Горбачева, Яковлева, потом Ельцина. Каждый раз, когда разворачивались кровавые драмы в Алма-Ате или Фергане, в Тбилиси или Баку, в Сумгаите или Риге, в Приднестровье или в Чечне, — эти кремлевские оборотни всегда оказывались ни при чем: то они в зарубежном вояже, то принимают морские ванны в Форосе, то оперируют носовую перегородку, то просто никто не может сыскать их.

Когда в одном интервью Вы уподобили чеченское вторжение в Дагестан началу Великой Отечественной войны, а верховного главнокомандующего Ельцина — Верховному Главнокомандующему Сталину и даже, вручая в госпиталях награды раненым солдатам, стали поздравлять их от имени этого нелепого и смешного главковерха — мы, фронтовики, — Вы должны это знать — негодовали...

Когда Вы стремительно восходили по иерархической лестнице благодаря Ельцину, назначившему Вас еще и своим наследником, — мы недоумевали, но таили надежду.

Но когда потом Вам закатили такую умопомрачительно пышную и грандиозную кремлевскую инаугурацию с колокольным звоном, артиллерийским салютом, фейерверком, сиянием золотых риз, и пением ангелов демократии — словом, устроили такой спектакль (это в разоренной-то, голодной стране!), какого не знал ни один великий князь, ни один царь, ни один великий русский полководец от Александра Невского до Жукова, ни один папа римский, ни один президент за границей, — нам стало ясно, что Вы не поняли важной вещи: за Вас голосовали главным образом из отвращения и ненависти к врагу народа №3, что эта пышность очень скоро может обернуться против Вас, что и случилось ныне..

И не надо было упиваться своим президентством подобно тому, как Гайдар и Черномырдин, Кириенко и Степашин купались в своем премьерстве, как Жириновский — в своем красноречии, как Березовский — в своем богатстве, как Гусинский — в своем еврействе... Совсем необязательно было, надев пилоточку, в военном самолёте лететь на Новый год в Чечню: "Я с вами, чудо-богатыри!"; не было нужды являться на Северный флот в тельняшечке и нажимать пальчиком кнопку пуска ракеты. а так ли разумно и неотложно было облекаться в наряд самбиста и демонстрировать свое борцовское умение, и даже во имя демократии позволить однажды приложить себя... И как можно было в отрогах Уральских гор в

Челябинской области демонстрировать свое горнолыжное мастерство, когда вся страна горевала, а область обливалась слезами, предавая земле тела челябинских омовцев, погибших в Чечне... (Смотрите, какой я энергичный, смелый и простой).

Да, все это умом мы понимали, и однако же, особенно в последнее время, поддерживали Вас, ибо в сердце теплилась надежда на чудо: а вдруг столь невероятный взлет никому неведомого подполковника на пост главы великой державы, всё-таки преобразит человека, осенит его божья благодать и поймет он и положение страны, и значение своей должности, и всю свою ответственность перед народом, перед историей и перед Богом. Как и родственникам экипажа подлодки "Курск", нам не оставалось ничего другого, кроме надежды.

Мы понимали и то, что самоотставка Ельцина была незаконна: он обязан был обратиться с просьбой об отставке к Совету Федерации. Но мы закрывали на это глаза: бывают в истории дни, часы, моменты, когда во имя высших интересов нации можно и нужно пренебречь буквой закона.

Но уж коли Вы стали президентом, у Вас была полная законная возможность составить новое правительство дельных, любящих Родину мужиков. Выставить оттуда хотя бы такую осточертевшую куклу, как непотопляемый титулярный советник Починок, который публично в киселевском "Гласе народа" доказывает и обосновывает естественность и закономерность чиновных взяток. А другая долго-жительница — дебелая манекенщица, что возникает на телеэкранах перед нашими женами, донашивающими свои советские платица, каждый раз в новых сногшибательных нарядах и ужасно озабоченная составлением и внедрением государственной программы, согласно которой русский народ, переживший пять "холокостов", знал бы все обстоятельства "холокоста" еврейского. А чем так драгоценны и незаменимы, чем замечательно проявили себя министры и вице-премьеры Швыдкой, Христенко, Клебанов?.. Ну, поработали и хватит. Может, у других получится лучше — как Вы думаете? Первый из них все продолжает твердить девиз негодяев: "Дозволено всё, что не запрещено законом!" Народных обычаев, нравов, стыда, приличия, благопристойности, о чем в кодексах нет ни слова, для этой публики не существует, в чем мы убеждаемся ежедневно и ежечасно на экранах телевидения. В частности, даже в эти трагические дни, когда все страна с надеждой и страхом ожидала известий о судьбе своих сыновей, они ничуть не ослабили напора своей пошлости, вульгарности, бесстыдства. Все так же гримасничал и выламывался со своими рассказками о Наполеоне, о Талейране, о Фуше, о чем угодно лицедей Радзинский, все с тем же напором рекламировали женские прокладки, все с тем же энтузиазмом навязывали заграничную зубную пасту... Президент России должен понимать, что министром культуры в этой стране должен быть русский. Президент России, если ему нравится, может вслед за премьером Примаковым, лобзавшим на юбилее МХАТа артиста Хазанова, столь же пылко лобзать артиста Райкина, да еще и слать одну за другой поздравительные телеграммы микроскопическим стихотворцам еврейского происхождения, но как можно при этом проходить молча мимо юбилея Владимира Личутина, Вадима Кожинова, мимо трагической гибели Дмитрия Балашова?! В КГБ вроде бы должны работать сообразительные люди...

А когда разразилась трагедия, Вы, конечно, допустили ошибку, оставшись в Сочи. Да еще и упорствовали в ней: я, мол, чиновник высокого ранга, только путался бы там под ногами. Но ведь все зависит от тебя лично, от твоего поведения. Если нагряться туда, как водилось в заграничных вояжах Ельцина, с огромной свитой дармоедов и, ни черта не смысля, начать

давать указания и руководить, требуя постоянных докладов от работающих специалистов, то, конечно, будешь только мешать. Но есть же другие формы присутствия и участия — такие, чтобы люди просто видели и чувствовали, что президент не на пляже, не с академиком Велиховым философствует, а вместе с ними терзается и надеется. И дальше: "Я посчитал, что будет правильно, если все будут работать на своих местах". А ведь когда случилось землетрясение в Армении, то даже Горбачев сообразил, что не появиться там нельзя, и хоть всего на несколько часов, но примчался, отметил. Глава же правительства Н.И.Рыжков работал там долгое время. Впрочем, в Североморск, пожалуй, можно бы и не лететь, но прервать отпуск и явиться на рабочее место в Кремле президент должен был непременно.

И уж совсем излишне говорить, что "есть у нас такая старинная русская забава — поиск виновных. Кажется, что если мы сейчас найдём виноватого, то станет хорошо. Конечно же, нет." О, это одна из самых давних и самых любимых побрехушек демократов! Развалив страну, они похихатывают сыто: вот, дескать, были в русской литературе книги "Кто виноват?" Герцена, "Что делать?" Чернышевского да еще "Что делать?" Ленина, и серый народ русский, а уж особенно-то тупоумные большевики никак не могут забыть эти книги и все время ищут виновников разных преступлений, бед и несчастий своей страны. Ограбив народ, ворюги эту побрехушку любят частенько дополнять такой: "Считать деньги в чужом кармане неприлично, стыдно, недопустимо!" Это наши-то народные деньги в их воровских карманах?..

Это они, собчаки да ельцины, превратили жажду справедливости нашего народа в грязную и пошлую забаву. Поднимают великий шум ("Сенсация!"), возбуждают уголовное дело, и на этом забава кончается. За десять лет официально не названы даже виновники самых тяжких государственных преступлений, не говоря уж об убийствах частных лиц: депутата Госдумы коммуниста Мартемьянова, журналистов Холодова и Листьева, генерала Рохлина, депутата Старовойтовой и множества других... И в такое время, в такой обстановке поворачивается язык сказать "забава"! Или это заранее готовится возможность для укрытия виновных и на сей раз? Сказали бы Вы так, если бы встал вопрос о поиске того, кто виноват, допустим, в похищении кого-то из ваших родственников? А между тем, тотчас нашлись подпевалы: высокопоставленные депутаты Олег Королев и Эдуард Воробьев уже замурлыкали: "Да, да, конечно, не надо искать виновных..." Да тут и сам патриарх: "Не надо искать, не надо..." Вот уж действительно, "Адмирал, горит твоя эскадра..."

Но другой, настоящий адмирал Вячеслав Попов, командующий Северным флотом, думает о виновных иначе. В мудрой и душевной речи адмирал, обращаясь к матерям, женам и сестрам погибших моряков, сказал:

— Я хочу попросить вас, женщины, растите своих сыновей достойными отцов. Подводники выполнили свой долг до конца. Они честно служили своему Отечеству... А я постараюсь сделать всё, буду стремиться к этому всю жизнь, чтобы посмотреть в глаза тому человеку, кто организовал эту катастрофу...

Дорогой адмирал, вы очень точно сказали. Эта катастрофа произошла не случайно, не вдруг, — она была именно организована. Но вы ошибаетесь, думая, что тут орудовал какой-то один человек. Нет, их много, и орудовали они целых десять лет. Уже теперь вы можете посмотреть в глаза главным организаторам диверсии. Это Горбачев, Яковлев и Ельцин, ответственные за невежественную и гибельную политику десятилетия, все премьеры от Гайдара до Степашина, проводившие полоумные реформы по уничтожению мощи Родины, все военные министры от

Грачева до Сергеева, наблюдавшие разгром армии и флота, все секретари Совета безопасности, все председатели КГБ и директора ФСБ от Бакатина до Иванова, заботившиеся о безопасности не государства, а своих кресел... И это только главные руководители катастрофы. Пойдите и для начала посмотрите им в глаза. Хорошо, если бы Вы, президент, помогли ему в этом...

МЫСЛИТЕЛИ ВРОДЕ Василия Аксенова и телевизионные шавки вроде упоминавшегося Трубецкого или Марченко, Севастьяновой или Горбуновой в своей антисоветской остервенелости не замечают даже того, что сами себя высмеивают. Они возмущаются, негодуют, гневно иронизируют: "Груз прошлого!"... "Советская мания секретности!"... "Тайны пожирают людей!" А как же вы думали, разлюбезные? Речь идёт об оружии, о новейшей, лучшей в мире лодке, иначе говоря, об обороноспособности Родины. Она для вас что-нибудь значит? В эти дни американцы заявили, что дорого дали бы, если два их водолаза получили бы возможность побродить по "Курску" хотя бы два часочка. Но наше руководство и даже военный министр Сергеев давно деморализованы болтовней собчаков да явлинских о том, что нет на свете ничего важнее, чем священная корова гласности. И вот, имея полное право в интересах государства на контроль за информацией о трагическом событии, они жалко оправдываются: "Да какая там секретность? Какая скрытность? Да откуда? Мы пскопские, демобилизованные..."

21 августа министр Сергеев рассказал по телевидению, что министерство — ну, девичья наивность! — обратилось в штаб НАТО с вопросом: не находились ли их суда в день катастрофы "Курска" в том районе? Ответ, разумеется, был отрицательным. Но потом, сказал Сергеев, не нам, а куда-то на сторону натовцы добавили: "А если бы находились, то мы это никогда не признали бы."

Хочется спросить: "Это как же так, товарищ Аксенов? Ведь вы только что уверяли страну, что все на свете лишь и мечтают о партнерстве с нами. И вдруг?.. И чего ж вы не гвоздите натовцев за приверженность к секретности и даже за упреждающую готовность к прямой лжи заранее?.. А будучи американцем, хоть напомнил бы о том, что и у вас тонули лодки. Например, в 1963 году, когда погибла вся команда — 129 человек. В 1968 году затонул знаменитый "Скорпион" и тоже со всем экипажем — 120 человек. А вот на нашей лодке, которую саданула ваша лодка (это было еще во время визита Горбачева в США), погиб, туша пожар, только один матрос-герой, все остальные спаслись. Конечно, американцы решительно отрицали свою причастность к нашей аварии, кажется, даже на Библии клялись, но вскоре журналисты разыскали в каком-то ремонтном доке лодку-убийцу, которая тоже была повреждена. Потом даже фильм об этом появился — "Враждебные воды". Не приходилось видеть в США?.. Впрочем, беседа с Аксеновым меня не слишком интересует. Гораздо важнее, что вот даже этот открытый циничный урок, преподанный натовцами, многим не пойдет на пользу — до такой степени они деморализованы многолетней собчаковской-березовской болтовней о гласности без границ, об открытости без горизонтов. Окаменев в этом состоянии, они уже не способны рассуждать разумно.

Смешно и горько наблюдать за спятившими шавками и тогда, когда они, с одной стороны, поносят "советский стиль", вопят, что "мы не имеем права возвращаться в советское время" (А. Шохин), а с другой, жалуются, справедливо скулят, что нет у нас ныне спасательных судов, глубоководных водолазов, специального снаряжения и так далее. Так ведь всё это было в

проклятом прошлом при советском стиле жизни и работы! 22 августа в телерепортаже из Владивостока выступали Александр Шеремет и Борис Приходько, заслуженные спасатели СССР. Первый сказал, что и сейчас на Тихоокеанском флоте есть десятка два глубоководных водолазов старой выучки, но их снаряжение пришло в негодность, а новое не изготавливается. Второй поведал о том, как под его руководством в 1983 году с одной затонувшей подлодки было спасено 102 человека — весь экипаж!

Так вот, "советский стиль", "большевицкий менталитет"... В один из таких же летних дней, точнее 14 июля 1933 года, из Ленинграда, где сегодня, как во всей стране, льются потоки слез о погибших "курянах", вышел "Челюскин", пароход неледокольного типа водоизмещением в 7500 тонн. Перед ним стояла грандиозная задача: за одну навигацию пройти Северным морским путём вдоль всего побережья СССР до Владивостока. Экспедицию возглавлял Отто Юльевич Шмидт, разносторонний учёный, член партии с 1918 года, впоследствии Герой Советского Союза и вице-президент Академии наук, депутат Верховного Совета. Капитан парохода — Владимир Иванович Воронин, участник спасения экспедиции Умберто Нобиле на Северный полюс (1928 г.), ранее капитан ледокола "Сибиряков", а потом — знаменитого "Ермака". не удивлюсь, если он окажется в родстве с милой Надей Ворониной, отхлеставшей Горбачева. Вся страна, незадауроченная тогда гласностью, с великим интересом и участием следила по газетам и передачам радио за ходом экспедиции. Когда "Челюскин" находился в Карском море, неожиданно для всех на борту родилась девочка. Уж как взяли в поход беременную — Бог весть! Девочку по месту рождения назвали Кариной. И это имя стало тогда очень модным. Помню, когда в конце 50-х годов работал в газете "Литература и жизнь", там была славная сотрудница Карина, родившаяся именно в ту пору... Карское море... море Лаптевых... Восточно-сибирское... Чукотское... Когда пароход вошел в Берингов пролив, оставив позади примерно 7000 километров, случилась беда. "Челюскин" зажали дрейфующие льды и потащили его обратно в Чукотское море, где и раздавили корпус ледокола. Весь экипаж, весь состав экспедиции, а это 104 человека, в том числе десять женщин и два ребенка, сумели своевременно высадиться на льдину и прихватить с собой красное знамя Родины, провиант, снаряжение и собак. На льдине был разбит "лагерь Шмидта". Над ним развевалось наше одноцветное красное советское знамя с серпом и молотом. И началась знаменитая челюскинская эпопея — жизнь на льдине и спасение людей, оказавшихся среди моря... Полезно, товарищ президент, сравнить для ясности примерный уровень техники нынешней и той, что была шестьдесят пять лет тому назад... Не на пятый день, а немедленно была создана Правительственная комиссия, и называлась она не "по выяснению причин", а по спасению. Возглавил её известный всей стране заместитель председателя Совнаркома и член Политбюро В.В.Куйбышев, член партии с 1903 года. Вот и сопоставьте: Валериан Владимирович Куйбышев и Клебанов-Сочинский Илья Иосифович, беглый коммунист.

Тогда только что вышел фильм Григория Александрова "Веселые ребята". Над ним сейчас потешаются деревянный эстет Солженицын и чахоточно-изысканные мэтры телевидения. А это был прекрасный, глубоко правдивый по своему духу фильм, и все напевали песенку оттуда, где были и такие слова:

**Мы все добудем, пойдем и откроем —
Холодный полюс и свод голубой.**

Когда страна быть прикажет героем, Из нас героем становится любой...

И герои сразу нашлись. Вот их имена, — помните, Владимир Владимирович? — это летчики Михаил Васильевич Водопьянов, Иван Васильевич Доронин, Николай Петрович Каманин, Сигизмунд Александрович Леваневский, Анатолий Васильевич Ляпидевский, Василий Сергеевич Молоков, Маврикий Трофимович Слепнев. Вот она, наша-то великолепная семерка! Это первые Герои Советского Союза. Почти все коммунисты, иные потом стали депутатами Верховного Совета, все, кто дожил, принимали участие в Великой Отечественной войне, кое-кто дослужился до генералов. А тогда — безвестные полярные летчики. И вот в тяжелейших зимних условиях на своих утлых по нынешним понятиям машинах они совершили 24 рейса, сажали самолёты на льдины, которые могли треснуть и разойтись, забирали людей, отяжеленные взлетали, и — обратно на мыс Уэлен, на большую землю... Весь мир, затаив дыхание, следил за героической эпопеей спасения... Вы можете представить себе, президент, чтобы в те дни Любовь Орлова по радио, как ныне Лидия Шукшина по телевидению, рекламировала бы средство для похудения, а Клавдия Шульженко, как ныне Лариса Долина, нахваливала бы жвачку? Нет, это немыслимо — таков был советский стиль, таков был наш ментали-тет, наш образ жизни... 13 апреля были сняты со льдины последние челюскинцы — О. Ю.Шмидт, В.И.Воронин и собачки... 19 июня героев встречала Москва. Улица Горького утопала в цветах...

Марина Цветаева, жившая тогда в эмиграции, написала в те дни восторженное и гордое за русских людей, за советскую Россию стихотворение:

**Челюскинцы! Звук —
Как сжатые челюсти.
Мороз из них прет,
Медведь из них щерится.
И впрямь челюстями
— На славу всемирную —
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!
На льдине (не то
Что — черт его — Но'биле!)
Родили дитё,
И псов не угробили —
На льдине!.. Эол
Доносит по кабелю:
На льдов произвол
Ни пса не оставили!
И спасши — мечта
Для младшего возраста! —
И псов и дитя
Умчали по воздуху.**

**— "Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!"
Щекастый малыш
Спеленатый — полюсом!
А рядом — сердит
На громы виктории —
Второй уже Шмидт
В российской истории:
Седыми бровями
Стесненная ласковость...
Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здоровствует
Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь:
Челюскинцы — русские!**

Как вы думаете, президент, есть ли в вашем правительстве хоть один человек, который в подобном положении не бросил бы на льдине или под водой свою собачку?

[В.С. Бушин](#) - В.В.Путину: "Вы не можете не понимать, что трагедия "Курска" — это предельно сконцентрированная в малом времени и в малом пространстве великая трагедия всей России, вот уже десять лет гуляющая на всех её 17 миллионах квадратных километров... И Вы должны ясно видеть, что находятся люди, которые даже эту концентрацию трагедии и всенародную боль, и всенародную молитву — за истинных, а не голосованием утвержденных новомучеников — пытаются использовать в корыстных политических целях: опять и опять пинают наше великое советское время и его героев. Все ошибки и неудачи этих дней они объясняют "грузом советского прошлого".

Рассматривая трагедию "Курска" в сравнении с трагедией "Челюскина", автор приходит к выводу о ничтожестве нынешнего российского режима.

Бушин В.С. "Курск" и "Челюскин", "Завтра", №35, 2000 г., 100000 экз., 29,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Деградация](#)

[Враги](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **"ОН ВСЕ УВИДИТ, ЭТОТ МАЛЬЧИК..."**

No: 2(215)

Date: 13-01-98

В ИЮЛЕ ПРОШЛОГО года мне позвонила и попросила о встрече некто Беатрикс Вуд, англичанка, кинопродюсер. Я, конечно, удивился: что такое? Чем моя скромная и совершенно не киношная особа могла заинтересовать незнакомую мне дочь гордого Альбиона? Однако не ксенофоб же я, согласился на встречу: "Приходите, буду рад." А удивляться потом пришлось еще больше, и не только мне, но и госпоже Вуд.

На другой день в сопровождении своей помощницы Татьяны англичанка и припожаловала ко мне домой. Тут сразу выяснилось, что продюсер-то она продюсер, но не английской, а финской кинофирмы. Час от часу не легче! Выходит, и финнам есть до меня дело... Но уж вконец я был ошарашен, когда англо-финнка поведала, зачем я им понадобился и чего они от меня хотят. Еще в 1993 году в "Советской России" была напечатана моя статья о Павлике Морозове. И вот оказывается — вы только вообразите! — что они снимают фильм о герое моей давней статьи. Мы хотели бы, сказала Вуд, чтобы вы приняли участие в этом фильме, поделились своими мыслями об этом широко известном в вашей стране подростке. Выходит, не я их, в сущности, интересую, а мой герой. Ну, это немного легче, хотя еще удивительней.

Что ж, я охотно согласился. Моя готовность была тем более твердой, что незадолго до этого в телевизионной передаче "Один на один" известный адвокат Юрий Иванов бросил в лицо Егору Гайдару, имея в виду его предательство имени и всей жизни Аркадия Гайдара, своего знаменитого деда: "Да вы настоящий Павлик Морозов ельцинского помета!" Бросил как бранное слово, как самое тяжкое оскорбление. Я был поражен. Ведь опытейший юрист, патриот, член коммунистической фракции Госдумы, хотя и не состоит в КПРФ. Помню, как умело в 1992 году он защищал в Конституционном суде компартию Известно и о других достойных делах Иванова на юридическом поприще. Да и этот поединок с Гайдаром дорогого стоит. Как мощно, точно, а главное, пророчески он влупил этому, по-ельцинской табели об уме "очень умному собеседнику", пришедшему на дуэль с ворохом справок, газетных вырезок и каких-то резолюций: "Да что вы там шуршите бумажками, как таракан! Ваша песенка спета! В новый парламент ни вы лично, ни ваши выборосовцы уже не попадут." Как в воду глядел! Сильно умный Гайдар с тех пор обходит Охотный ряд за три версты... И вот в устах даже Иванова имя Павлика Морозова — брань...

На другой день Беатрикс — она была молода и обаятельна — пришла уже с режиссером Пекка Лето, с оператором, осветителем и со всей киноаппаратурой. Они ее установили. "Мотор!" — и я начал свой рассказ, заглядывая иногда в текст своей давней статьи:

"Третьего сентября 1932 года тихим утром два мальчика из глухой уральской деревни Герасимовка, братья Павел и Федя отправились в тайгу по клюкву. Они надумали это не сами, их настойчиво уговаривала пойти родная бабка Аксиныя. Через три дня, шестого сентября, братьев нашли в лесной чащобе убитыми..."

Беатрикс, которой Татьяна тут же быстро и точно все переводила, удивленно восторгалась.

А я продолжал:

“Участковый инспектор милиции Яков Титов составил акт осмотра трупов: “Морозов Павел лежал от дороги на расстоянии 10 метров, головою в восточную сторону. На голове надет красный мешок. Павлу был нанесен смертельный удар в брюхо. Второй удар нанесен в грудь около сердца, под которым находились рассыпанные ягоды клюквы. Около Павла стояла одна корзина, другая отброшена в сторону. Рубашка его в двух местах прорвана, на спине кровавое багровое пятно. Цвет волос — русский, лицо белое, глаза голубые, открыты, рот закрыт. В ногах две березы...”

Беатрикс хотела что-то сказать, но ее остановил режиссер Лето.

“Труп Федора Морозова находился в пятнадцати метрах от Павла в болотине и мелком осиннике. Федору был нанесен удар в левый висок палкой, правая щека испачкана кровью. Ножом нанесен смертельный удар в брюхо выше пупка, куда вышли кишки, а также разрезана рука ножом до кости...”

Беатрикс остановила съемку и подошла ко мне. Ее губы мелко дрожали то ли от страшной картины, воссозданной прочитанным текстом, то ли от неведомой мне обиды или недоумения.

— Простите, я не понимаю... Его убили?.. Их убили?.. Кто?..

Я остолбенел:

— Как? Вы снимаете о нем фильм и вам это не известно? Вы не знаете, что Павлика и его младшего брата Федю убили?

В разговор вступила Татьяна. Оказывается, работая над фильмом, съемочная группа уже побывала у нескольких авторов, когда-либо писавших или хотя бы упоминавших о Морозове, и все твердили только одно: “Это невиданный предатель! Он предал собственного отца!”.. О, я знал их, ненавистников Павла, всех наперечет! Впереди, конечно, как всегда, фигуры, подобные бесстыжему журналисту Ю. Альперовичу, “юношескому” писателю В. Амлинскому, телевизионно-газетному интеллектуалу Ф. Бурлацкому, всеохватному историку и литературоведу Н. Эйдельману, педагогу, видите ли, С. Соловейчику. За ними — профессиональный “известинский” правдолюб при любом режиме Ю. Феофанов, критик на все руки Т. Иванова и прочие сванидзы. А дальше, как водится, русские суперпатриоты, до того отягощенные своей любовью к родному народу, что не соображают, с кем они в одной компании, у кого на подхвате, — В. Солоухин, Д. Балашов, С. Куняев...

НЕДАВНО ОДИН из таких суперпатриотов и радетелей русского народа Э. Лимонов, движимый неусыпной заботой о наших детях и внуках, завел в своей газете, скромно названной им “Лимонка”, рубрику “Русской девочке делать жизнь с кого”. Важнейший вопрос! Особенно, как справедливо пишет газета, “в наше время, когда неверность, трусость, предательство стали нормой жизненного поведения миллионов женщин и мужчин”. Так с кого же призывает писатель-патриот “делать жизнь” наших дочерей: с княгини Ольги или Марфы Посадницы? С Марины Расковой или Зои Космодемьянской? Да нет! Они же русские или еще и советские, это для суперпатриотов скучно, пресно. И Лимонов объявляет: русские девочки должны взять за образец для подражания “двух Великих женщин”, возлюбленных “двух гигантов” — Еву Браун, “девушку Гитлера”, и Клару Петаччи, “девушку Муссолини”. Да, да! Ибо именно в этих гигантессах (тут же и большой пленительный портрет будто бы первой из них) “Лимонка” разглядела доселе небывалое сочетание прекраснейших качеств — агрессивность (?),

правдивость, правота (?), верность, вера, мужество, чувство истины, честь, стыд, ответственность, преданность, благородство, готовность жертвовать собой ради порядка, строя и т. п. Какой большой и ароматный букет!

Не знаю, как Муссолини, а Гитлер говорил так: "Умному человеку следовало бы иметь глупую и примитивную женщину. Вообразите, если у меня была бы женщина, которая вмешивалась бы в мои дела!" (Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996, с. 89). Надо полагать, Браун вполне соответствовала этому идеалу подруги, о чем свидетельствует та же энциклопедия: "Она с удовольствием занималась спортом, увлекалась плаванием, гимнастикой, лыжами и скалолазанием. Необычайно любила танцы, которыми занималась профессионально. Ева Браун мало интересовалась политикой, предпочитая спорт, чтение романов и кинофильмы. "Кстати, ни о какой агрессивности, если не считать агрессивностью несколько попыток самоубийства, речи нет. Наоборот, говорится, что Браун была "сдержанная", даже застенчивая", более того, "неизменно держалась в тени, отгородившись стеной молчания".

Создается впечатление, что "Лимонка" просто не знает, о ком пишет. Да и портрет-то помещен вовсе не Евы Браун, а неизвестно кого, возможно, Старовойтовой в молодости или возлюбленной самого Лимонова. Автор статьи, не долго думая, сконструировал из ярких кубиков образ и пытается подогнать под него конкретную личность. И образ, как видим, если убрать загадочную здесь бабскую агрессивность, поистине идеальный. А из этого, естественно, следует, что у таких распрекрасных дам возлюбленные не могли оказаться живодерами и убийцами миллионов, а были, конечно же, гигантами мужества, великанами чести, колоссами благородства, титанами чувства истины.

Странно, что газета не призвала наших девушек "делать жизнь" еще и с Магды Квант, преданной супруги Геббельса. Ведь она в своей "верности порядку" далеко превзошла и Еву, и Клару: не только, как те, отравилась вместе с мужем, но еще и собственноручно отправила на тот свет шестерых своих детей, которым грозила опасность из фашистского порядка оказаться в порядке человеческом. Не исключено, что в одном из ближайших номеров "Лимонки" появится призыв к нашим девушкам взять за образец и эту ведьму... Да, и до такого сифилитического патриотизма могут дойти умы, размягченные горбачевско-ельцинским плюрализмом.

Статьи о Еве и Кларе не подписаны. Кто же автор? Возможно, свет на это проливает следующее обстоятельство. Когда Ева Браун явилась в Берлин и припожаловала в фюрербункер, то Гитлер, уверяет газета, воскликнул: "Я горжусь мадемуазель Браун!" С чего бы это оголтелый немецкий расист в столь торжественный момент заговорил вдруг на языке презренных французов и вместо "фройляйн" брякнул "мадемуазель"? Не есть ли это свидетельство того, что статейку смастачил сам французский Лимонов?

Пожалуй, призывы "Лимонки" покруче даже статьи Юрия Мухина в его "Дуэли" о Гитлере как о "гении организации масс". Завидуй, Геббельс!.. Маркс, уверяет красный, как помидор, Мухин, писал бред, Энгельс — вздор, Ленин — чепуху, а Гитлер — гений. Ну правильно. Дело жизни Гитлера была война. А война, как известно, это прежде всего мастерство организации — экономики, вооруженных сил, тех самых "масс". И Гитлер сумел достичь здесь такой степени мастерства, что оказался в Париже и под Москвой. Однако нашлись мастера порасторопней, в результате чего Гитлеру пришлось срочно заняться организацией своего самоубийства. Будем справедливы: здесь он сумел-таки достичь гениального мастерства и абсолютной надежности:

сперва для проверки яда отравил любимую собаку, потом принял яд сам и, наконец, пустил пулю в свой гениальный лоб...

— Мотор!

Я продолжал:

“На первом допросе арестованный по подозрению молодой мужик Данила показал: “Кулуканов несколько раз уговаривал меня убить Павла, однако не было подходящего момента. Третьего сентября я зашел к нему и сказал, что братья ушли по ягоды. Кулуканов сказал: “Я давно договорился с Сергеем обо всем, но ему одному ничего не сделать. Возьми деньги, а когда прикончим Павла, я дам тебе золота две пригоршни”. После этого мы с дедом Сергеем решили идти в лес. Мы знали, какой дорогой Павел ходит с болота домой, и пошли ему навстречу. Ребята ничего не подозревали, подошли близко, и тогда дед внезапно ударил Павла ножом. Павел вскрикнул: “Беги, Федя!..”

Я кинулся за Федором, схватил его, дед подбежал и нанес ему несколько ударов. Убил обоих дед при моей помощи. Сделали мы это по наущению Кулуканова.”

Беатрикс подняла руку, съемка остановилась.

— Надо объяснить, — глухим, странным голосом сказала она, — кто эти люди.

Я согласно кивнул и продолжал:

“Дед Сергей внес важные поправки в показания Данилы. Признал, что замысел убийства принадлежит именно ему, так как “Павел вывел из терпения, не давал проходу, укорял за то, что он содержатель конфискованных кулацких вещей”. Но при этом заявил, однако, что “сам братьев не убивал. Только держал Федора. Зарезал же ребят внук Данила”. Тот вынужден был подтвердить эти показания и добавил некоторые подробности: “Павел не шевелился, но дед вытряхнул ягоды из мешка и сказал: “Надо надеть ему мешок на голову, а то очнется и домой приползет”. Потом я стащил Павла с тропы на правую сторону, а дед стащил Федора на левую. Федю мы убили только затем, чтобы нас не выдал. Он плакал, просил не убивать, но мы не пожалели...”

Раздался стук. Кто-то уронил на пол что-то твердое. Я взглянул на Беатрикс. Бледная, она недвижно сидела в кресле, стиснув пальцы.

“Кто же они, эти два человека, молодой и старый, с такой беспощадной жестокостью убившие двух мальчиков? Нет, это не беглые каторжники, не бродяги-душегубы, а односельчане убитых. Больше того, старик приходился не только своему сообщнику по убийству, но и обеим жертвам родным дедом, а Данила был их двоюродным старшим братом. И надо добавить, что бабка Аксинья, жена деда Сергея, знала о замысле убийц, одобряла его и сама не раз говорила внуку Даниле: “Да убей ты этого сопливого коммуниста!” Потому в то роковое утро она как соучастница так настойчиво и выпроваживала внучат в тайгу. Вот каковы были эти люди, против которых в глухой, пробуждавшейся к новой жизни деревне восстал одинокий отрок-правдолюб. И после этого его, а не их клеймят как предателя, преступившего через узы родства и крови!..”

Я попросил остановиться, чтобы промочить горло, и когда выходил в кухню за стаканом воды, услышал, как режиссер Лето сказал: “Да это просто шекспировский клубок страстей и злодеев!” Через минуту я вернулся с отпитым стаканом воды.

“Павел... Павлик Морозов... “Цвет волос русый, лицо белое, глаза голубые, открыты. В ногах

две березы"... Пожалуй, нет в нашем советском прошлом другой фигуры, которая так часто и так яростно поносила бы ныне питомцами горбачевско-яковлевского "нового мышления" и тем самым так резко и глубоко высвечивала бы всю их подлинную духовную суть. Они говорят и пишут о нем с такой злобой, ненавистью и уверенностью в своей правоте, словно не его, нежного отрока вместе с малолетним братом, предали лютой смерти здоровенные мужики, а он, вооружившись ножом, зарезал в лесу немощного старца да еще разбогател на этом или сделал карьеру. Кое-кого из этих горбачевско-яковлевских питомцев я уже перечислил. Накал их ненависти и страстной жажды опорочить несчастную жертву кровавой трагедии классовой борьбы просто изумляет".

— Вы упоминаете Горбачева, — воспользовавшись моей паузой, прервала меня Беатрикс. — Я не понимаю. Как вы к нему относитесь? У нас в Англии, в Финляндии, да и во всем мире, им так восхищаются. Он же дал свободу, гласность. Мне говорили русские друзья, что теперь у вас издается Кафка...

Мне совсем не хотелось уклоняться от темы, и я был краток:

— Наверняка больше всего им восхищаются в США. Еще бы! Это такой предатель, каких не видывал белый свет за всю историю: он предал силам зла не только свою партию, социализм, страну, союзников, — он предал цивилизацию, эпоху, надежду всего рода людского на справедливость. Нет другого человека, которого наш народ так презирал бы и ненавидел, как его. А Кафку и на Западе признали только лет десять спустя после его смерти. И у нас он издается уж лет 35..."

Беатрикс все это слушала, изумленно раскрыв большие серые глаза. Но она была человеком дела, которому дорого время, и не стала расспрашивать дальше. А я тогда еще не знал, что это болезненное ничтожество еще и выставит свою кандидатуру в президенты, а получив 1 процент голосов, займется телерекламой итальянской пиццы...

"Взять упоминавшегося Альперовича, который напакостил в полную меру своих сил на родине и укатил в США.

В 1981 году из московской молодежной газеты, в которой он работал, написал письмо Ларисе Павловне Исаковой, учительнице убитого, с просьбой ответить на множество вопросов и прислать свою фотографию того времени. Надо, мол, для большой публикации, которую готовлю. Старушка, привыкшая верить людям, а уж особенно тем, которые работают в газетах, тщательно выполнила просьбу. Однако публикация не появилась, ибо то, что она написала, никак не укладывалось в схему замысла литературного прохвоста, больше того, решительно опровергало сей замысел. Тогда Лариса Павловна стала добиваться, чтобы он хотя бы вернул фотографию, дорогую память о молодости, и тут вдруг обнаружилось нечто такое, чему старая учительница долго не могла поверить: журналист втирался к ней в доверие под чужим именем — И. М. Ачильдиева, своего коллеги по редакции! Зачем? Да ясно — грязные дела удобнее проворачивать в маске порядочных людей.

Примерно в то же время не поленился Альперович-Ачильдиев еще и поехать в Алупку к Татьяне Семеновне, матери Павла (она умерла в 1983 году). И вот представьте себе эту картину и этого человека: к восьмидесятилетней старушке в маленький городок является столичный журналист с диктофоном и ласковым голосом задает ей множество ловко сформулированных вопросов, является с единственной целью — убить еще раз ее давным-давно убитого сына. А та — простая русская душа — разве может помыслить что-нибудь дурное? Она, радуясь гостю,

говорит, не заботясь о формулировках, и мысли у нее нет, что слова ее могут быть вывернуты наизнанку, а в пасквиле под названием "Вознесение Павлика Морозова" будет сказано для достоверности: "Я встречался с матерью моего героя". Уходя, он целует сухонькие беспомощные руки, вынянчившие пятерых детей, из которых к тому времени четвертых уже схоронила, руки, за всю жизнь не знавшие ни дня покоя. "Храни вас Бог в дороге", — говорит старушка на прощание. И гость с низким поклоном исчезает. Он спешит в Москву, ему не терпится устроить за письменным столом пиршество гробокопателя...

Альперович (кроме украденного второго имени у него было и третье — красивый русский псевдоним Дружников) задумал еще доказать, что убили подростков-братьев не дед Сергей и брат Данила, а некто Карташев и Потупчик. Жаль, говорит, что уже умерли, а то бы я посадил их на скамью подсудимых. Как так? Ведь было следствие, показания многочисленных свидетелей, суд, наконец, было признание самих подсудимых. Все так, не отрицает Альперович-Ачильдиев-Дружников, но те двое, кого осудили, его не интересуют, ибо они — простые крестьяне, а эти — коммунисты. Да еще Карташев — "уполномоченный ОГПУ". И вот, мол, убийством хотели спровоцировать массовые репрессии в деревне... Правда, материалов следствия и суда Альперович в руках не держал. Таким людям некогда копаться в архивах, как три года копалась в них Вероника Кононенко, написавшая обстоятельное исследование об этой трагедии. Альперовичам лишь бы побыстрее слепить статейку или книжонку позабористей. А когда иные из них, как Солженицын или Радзинский, обращаются к документам, то бесстыдно препарируют их в соответствии со своими целями. Альперович же строил свое доказательство исключительно по наитию "нового мышления", согласно которому не было в истории людей, ужаснее коммунистов, и не существовало страны, омерзительнее Советского Союза.

Но тут-то и появилась откуда-то неугомонная журналистка Кононенко и разыскала не только все судебные материалы дела, но и самого Спиридона Никитича Карташова, оказавшегося, вопреки надеждам и расчетам Альперовича, отнюдь не вымершим коммунистом. Нашла эта дотошная Вероника и Алексея — последнего из семьи Морозовых, младшего брата Павла".

БЕАТРИКС РАДОСТНО ВСПЛЕСНУЛА РУКАМИ, ее большие серые глаза сияли, а когда оператор по какой-то технической необходимости тут же сделал паузу в съемке, она изумленно воскликнула:

— Все оказались живы — и мать, и учительница, и Карташов!

— Ничего удивительного, — ответил я. — Во-первых, все они в дни трагедии были весьма молоды. А во-вторых, не забывайте, что до ельцинско-черномырдинских реформ средняя продолжительность жизни была в стране 72 года у мужчин и 76 лет у женщин. Теперь же большинство мужчин не доживают даже до пенсии.

— А вот вы упомянули о Солженицыне, — неуверенно сказала англичанка, — ведь он всемирно известен, нобелевский лауреат...

У меня не было желания распространяться об этом, и я опять ответил кратко:

— Этот нобелиат получил то, что давно заслужил: полное безразличие читателей и оголтелые восторги Радзинского. Больше того, его книги стали предметом насмешек и даже глумления. В последнее время этим занялся, видимо, не отдавая себе отчета в производимом эффекте, весьма известный у нас телехохмач Хазанов. Вот, говорит, однажды Ростропович прислал Солженицыну раков и пиво, и это толкнуло писателя на создание великого,

бессмертного романа "Раковый корпус". А как была написана книга "Ленин в Цюрихе"? Да очень просто! Однажды картавящий Ростропович, видите ли, напомнил писателю картавящего Ленина, и он бросился к письменному столу. Что же касается многомиллионотиражного трактата Солженицына "Как нам обустроить Россию", то он зародился на даче у того же Ростроповича в размышлениях о том, как Александр Исаевич обустроил бы эту дачу, если бы она принадлежала ему...

— Это в России называется юмор? — спросила соотечественница Свифта, Бернарда Шоу и Ивлина Во.

— Да, таков у нас теперь юмор. И другого юмора не понимают и не заслуживают ни президент, ни премьер, ни министр культуры. Они сами на уровне таких особенно известных юмористов и сатириков, как Хазанов и Жванецкий, Петросян и Задорнов. Этот последний не так давно огласил по телевидению примерно такую шуточку: "В стране катастрофически падает количество изнасилований. Что стало с нашими мужчинами? Я их не узнаю..." И Ельцин, Черномырдин, Лужков, даже новый министр обороны, портативный ельцинский маршалок Сергеев, заходятся, изнемогают в хохоте. Пошляки потешают пошляков. Такова сегодняшняя Россия.

Впервые голос подал оператор:

— Хотел бы я посмотреть на этого юмориста, если бы число изнасилований возросло за счет его жены или дочери.

— А ведь я знал его отца, Николая Задорнова. Прекрасный был человек и писатель. Познакомились в Коктебеле. Позже он даже рецензировал одну мою книгу для издательства "Современник". Знал по Коктебелю и мать, ее звали, кажется, Софья Абрамовна или Павловна. Разве мог предвидеть честный русский писатель, что плодом его брака окажется юморист такого пошиба... За особые заслуги в щекотании пузатых пошляков Ельцин бесплатно предоставил Задорнову четырехкомнатную квартиру с двумя сортирами в "президентском доме" на Осенней улице, где сам имеет весь шестой этаж...

— Мотор!

"Альперович, зачислив Карташова в чекисты, объявив, что именно он убил Павлика Морозова с целью вызвать массовые репрессии, высылку местных кулаков, разумеется, врал. Карташов чекистом никогда не был, и никаких репрессий не последовало. Арестовали по подозрению в убийстве всего шестерых человек, двое из которых вскоре были отпущены. Не состоялась и "массовая высылка кулаков" из деревни, чем запоздало страдал обличитель. Алексей Морозов свидетельствует: "У нас из богатеев никто не пострадал, да и высылать было некуда — и так медвежий угол. Высылали к нам"...

Когда спрашиваешь этих писателей, историков, педагогов, как же так, за что вы люто ненавидите Павла, ведь не он же убил, а его убили, то они, бледнея от гордого негодования, отвечают, например, голосом Соломона Соловейчика: "Он нанес удар в завязи нравственности. Под анестезией жалости к убитым в сердца детей, читавших о них, вливали жуткую вакцину против совести". Какие слова! Завязь... Анестезия... Вакцина. Но позвольте, вакцина вроде бы средство против чумы, холеры, оспы. Разве совесть стоит тут в одном ряду?

Тогда они отвечают голосом Владимира Амлинского: "Павел Морозов — это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного предательства". Как это не

символ стойкости, если ему то и дело грозили расправой, не раз избивали так, что он попадал в больницу, пытались утопить, а он стоял на своем! Кто-нибудь из вас, твердокаменные, пронес свои убеждения сквозь такой кошмар, получил за свои взгляды хотя бы одну затрещину?..

Тогда они отвечают голосом известного ветерана правдолюбия Юрия Феофанова: "Меня заставляли молиться на Павлика!" Кто заставлял? Побойся Бога, старая кикимора! Это от предрасположенности зависит. Есть люди и органы печати, которые не в силах не молиться хоть на кого-нибудь. Да и лучше уж молиться на убиенного отрока, чем на грабителя Гайдара, предавшего деда, или на Чубайса, именуемого "вором в законе".

Тогда отвечают хором: "Он совершил преступление, которое неизмеримо тяжелее любого убийства!" Но разве смерть не искупает любую вину хотя бы через шестьдесят лет? Ведь вы все время твердите ныне о милосердии, сострадании, на устах у вас то Божье имя, то имя Искупителя... Но что же все-таки он совершил? И они отвечают: "Он выступил против родного отца!"

Допустим. Вы так бурно и долго негодуете, словно это единственный доселе невиданный случай не только в нашей, но и во всей истории рода людского. Словно ничего подобного вы не встречали в мировой литературе от Эврипида и Гоголя, у которых родители убивают своих детей, до Шолохова. В "Тихом Доне" сыновья убивают своего отца за то, что он изнасиловал их сестру, свою дочь Аксинью... История рода человеческого, увы, трагична, и тяжело бремя страстей человеческих.

Но ведь Павел-то не убил отца, того всего лишь на несколько лет лишили свободы, и произошло это отнюдь не в результате личных усилий сына — показания против подсудимого давали многие. Может, Трофим, отец Павла, председатель сельсовета, был ангелом во плоти и пострадал несправедливо? Вот что сказал о нем, даже спустя почти шестьдесят лет, другой его сын — Алексей: "Я про отца старался плохо не говорить. Меня вынудили, чтобы брата от позора спасти. О мертвых плохо говорить — грех". И все-таки: "Привезли ссыльных поселенцев осенью тридцатого года. Вы думаете, отец их жалел? Ничуть. Он мать нашу, сыновей своих не жалел, не то что чужих. Любил одного себя да водку. И с переселенцев за бланки с печатью три шкуры сдирал. Последнее ему отдавали: деньги, сало, мясо..." За торговлю этими бланками Трофима и посадили, вместе с пятью другими председателями сельсоветов, промышлявшими в округе тем же. Однако нам твердят: "Павел изменил кровным родственным узам, самым святым на свете. Он предал отца! Донос — это всегда донос, а уж на отца!.."

Но вот я беру свежайший номерок еженедельника "Аргументы и факты" и читаю письмо, присланное недавно одной девушкой: "Вы, наверное, подумаете, что я сумасшедшая, ведь я хочу убить своего отца... У моей матери трое детей. Когда я родилась, отца посадили за изнасилование, и моей матери пришлось воспитывать нас одной на 60 рублей в месяц да еще посылать передачи. Когда я была маленькая, очень хотела, чтобы отец вернулся, но вот это произошло, и наши мучения начались. Он пил, пил много, бил нас и мать, а когда был трезвым, его издевательства принимали еще более изощренную форму. Он то спускал на меня собак, то начинал говорить такое, что просто стыдно повторить, а когда я повзрослела, пытался изнасиловать... Вчера в два часа ночи отец ворвался ко мне с ножом, стал бить и кричать, чтобы я пошла с ним. Я упиралась, звала на помощь, но мать тоже боялась подойти, ведь у него в руках был нож. Наконец, на крик вышла соседка и пригрозила, что вызовет милицию. Это было последней каплей. Если он сегодня напьется, он будет в моих руках. Пусть ценой собственной

жизни, но я отомщу за свои и мамины страдания. Он сам сделал из меня врага".

Вот такое письмо наших распрекрасных демократических дней в многомиллионную газету... Что же молчите вы, многомудрые педагоги и вельмигласная критикесса Татьяна Иванова из "Огонька", и матерый правдолюб Феофанов из "Известий"? Почему не слышно ваших вселенских воплей: "Дочь предала отца! Донос! Измена священным узам крови!" А если девушка выполнит свою страшную угрозу, повернется ли у вас язык осудить ее и объявить чудовищем, страшнее Павлика?..

В КАМЕРЕ КОНЧИЛАСЬ ПЛЕНКА, и оператор почему-то слишком долго менял ее на новую при гробовом молчании всех присутствующих. Тишину нарушил только глоток, который Беатрикс сделала из стакана воды...

— Мотор!

"Жизнь Павла Морозова мало отличалась от жизни этой девушки эпохи Горбачева-Ельцина, а кое в чем была и пострашнее. Этот нынешний скот угодил в тюрьму за изнасилование, а жена собирала ему передачи. А тот скот бросил молодую жену с четырьмя детьми и на глазах всей деревни начал жить с другой. Городские интеллектуалы Амлинский да Бурлацкий, возросшие на асфальте, могут не понимать во всей полноте, что это такое для русской деревни шестьдесят лет тому назад, но Солоухин, выросший в такой деревне, или Балашов должны бы ясно представлять себе картину со всей обстоятельностью. Ведь здесь такой срам, что хоть в омут. Но, может быть, еще страшнее другое: как прокормить пять едоков двумя женскими руками? И начали эти едоки "ходить в куски", как говорят на Урале, то бишь побираться.

Алексей Морозов рассказывает: "История Павлика — это трагедия семьи, которую отец растоптал и предал". Да, именно так: не сын предал отца, а отец предал всю большую семью, и в том числе старшего сына. И сделал он это задолго до того, как Павел хоть что-то предпринял против него.

Но в чем же все-таки конкретно состоял поступок Павла? Может быть, послал письмо на Лубянку? Или приехал в Москву и выступил на собрании в ЦДЛ, требуя выслать отца за границу и лишиться советского гражданства, как это сделали в отношении некоторых своих братьев кое-кто из писателей, нынешних разоблачителей убиенного? Или, наконец, обратился в местные органы ОГПУ?

По одной из журналистской версии, Павел пришел в сельсовет и рассказал о проделках своего отца приехавшему из райкома партии уполномоченному по хлебозаготовкам Кучину. Это крайне сомнительно, ибо, во-первых, в сельсовете он всегда мог напороться на отца, бывшего там председателем; во-вторых, при чем здесь уполномоченный по хлебозаготовкам? По другой журналистской версии, Павел никуда не ходил, а, наоборот, к ним в избу сам зашел уполномоченный и случайно увидел оброненную Трофимом справку, а Павел сказал, что отец такими справками торгует, но фамилия уполномоченного была не Кучин, а Дымов. По третьей версии, принадлежавшей уже не приезжим журналистам, а Л. П. Исаковой, учительнице Павла, в деревне вообще не появлялись представители райкома с такими фамилиями, а был уполномоченный, имевший запоминающуюся фамилию Толстый. Однако в материалах дела нет никаких показаний уполномоченных. Есть показания участкового инспектора милиции Я. Т. Битова. Гораздо вероятнее, что Павел, пожелай он сообщить властям о каких-то непорядках, обратился бы именно к нему. Но в показаниях Битова нет ни слова о том, что Павел говорил ему

хоть что-нибудь об отце.

Но допустим на минуту самый неблагоприятный для Павла вариант: он пришел в сельсовет и сообщил приезжему человеку о злоупотреблениях отца. Но ведь, в отличие от зрелых мужей, многоопытных писателей, требовавших, например, в 1958 году лишиться гражданства своего собрата, которого они называли предателем, малограмотный тринадцатилетний мальчик ничего, кроме своей таежной глухой Герасимовки, не знавший, конечно же, не способен был предвидеть все последствия. Тем более, что на дворе стоял только 1931 год, и он, опять же в отличие от помянутых выше московских писателей, не мог учесть ничем незаменимый опыт тридцать седьмого года, которым располагали те.

Наиболее вероятным будет предположить, что Павел хотел только припугнуть отца, надеялся, что приезжий дядя всего лишь задаст тому хорошую взбучку, он образумится и вернется в семью. При всем драматизме сложившейся в доме обстановки, при всей горечи и боли, что отец причинил семье, мечта о возвращении отца могла жить в сердце мальчика и двигать его поступками. Помните, что пишет девушка, отец которой сидел в тюрьме за гнуснейшее дело: "Когда я была маленькой, очень хотела, чтобы отец вернулся". Кто докажет, что шестьдесят лет назад детские сердца были устроены иначе.

Однако напомним, никаких доказательств, что Павел сказал о служебном корыстном жульничестве отца работнику райкома или милиции, нет. И нет ни слова о доносе в материалах как суда над Трофимом Морозовым с его подельниками по обвинению их в торговле справками, так и суда над убийцами братьев, — ни в показаниях подсудимых и свидетелей, ни в других приобщенных документах.

А есть заявления такого рода: "Сергей Морозов был сердит на внука, ругал его за то, что он давал показания против отца на суде"... "На суде сын Трофима Морозова, Павел, подтвердил, что видел в доме чужие вещи"... "Мой свекор ненавидел нас с Павликом за то, что он на суде дал показания против Трофима..." и т. д.

Да, именно так: дал на суде показания против отца, а точнее сказать, по причине малолетства, будучи допрошен в присутствии матери и учительницы, Павел лишь подтвердил то, что в качестве свидетельницы показала мать. И никак иначе он поступить не мог. Надо думать, что, как это водится всегда, его предупредили, и он знал об ответственности за ложные показания. И вот мать уже дала правдивые показания. Значит, если Павел захотел бы выгородить родимого негодяя, то, во-первых, он скорее всего был бы легко уличен в неправде, а главное, ему пришлось бы выбирать между ненавистным отцом и любимой матерью, которую он ложными показаниями мог поставить под удар. Синклит сердцеведов ныне твердит: вот и должен был во имя отца-страдальца поставить под удар мать! Слава Богу, мальчик поступил по-своему: встал на сторону несчастной, опозоренной отцом матери. В этом весь его грех. Судите его, сердцеведы!.."

МНОГО, ОЧЕНЬ МНОГО наговорили и написали ненавистники Павла Морозова, и все — ложь. Но однажды вырвалось все-таки словцо правды. Владимир Амлинский заявил в "Литературной газете": "Он глубоко опасен!" Святая правда. Да, он был крайне опасен, и притом не только для жуликоватого богача Арсения Кулуканова, которого принародно клеймил за то, что тот украл 16 пудов общественного хлеба; не только для Ефрема Шатракова, которому советовал сдать припрятанное ружье; не только для хитрого, прижимистого деда, которого

стыдил за то, что он прячет ворованное и всегда старается поживиться за чужой счет; не только для отца, которого обличал и за махинации с фальшивыми справками, и за то, что как председатель сельсовета он во всем потакал богачам... Не только для этих односельчан да родственников был опасен Павел, но и для всех подобных личностей в округе. Его старая учительница Лариса Ивановна Исакова, у которой в тридцать седьмом расстреляли ни в чем не повинного первого мужа, а в сорок первом погиб на фронте второй, русская женщина поразительной душевной чистоты и стойкости, поднявшая на свою учительскую зарплату шестерых детей, говорит о своем ученике Павле: "Светлый он был человек. Хотел, чтобы никто чужую судьбу не заедал, за счет другого не наживался. За это его и убили".

А после смерти, когда его история стала известна, он стал опасен для многих во всей стране. Для кое-кого он глубоко опасен и сейчас. Ну как же не опасен, допустим, для Горбачева, всю жизнь озабоченного только своей шкуркой, если Павел с открытой грудью шел в бой за других; как не опасен для Ельцина, который всю жизнь лгал и будет лгать до могилы, если Павел просто не способен был солгать; как не опасен для какого-нибудь Марка Захарова, который при первом же шорохе сбежал из партии, да еще устроил мерзкое зрелище сожжения своего партбилета на глазах миллионов телезрителей, а Павел, тринадцатилетний деревенский мальчишка, в ответ на угрозу дремучего деда "бить до тех пор, пока не выпишешься из пионеров", бросил ему в лицо: "Убивай хоть сейчас, не выпишусь!". Он опасен для всех названных и не названных здесь своих гонителей и клеветников: от еврея Соловейчика до русской Ивановой, от нестарого Альперовича до древнего Феофанова, от здравствующего Бурлацкого до покойного Амлинского...

Мой друг и сослуживец по журналу "Дружба народов" Ярослав Смеляков в стихотворении "Судья" писал о юном солдате, павшем в боях за Родину:

*Если правда будет время,
Когда людей на Страшный Суд
Из всех земель с грехами всеми
Трикратно трубы призовут, —
Предстанет за столом судейским
Не Бог с туманной бородой,
А паренек красноармейский
Пред потрясенною толпой.
Он все увидит, этот мальчик,
И ни иоты не простит,
Но лесть — от правды,
Боль — от фальши
И гнев — от злобы отличит...*

Мне кажется, что в этих строках, где мешаются атеизм и вера, больше правды и жажды справедливости, чем в ином псалме. Эти стихи и о нем — о Павле Морозове. За деланными гримасами боли и гневными воплями своих хулителей он ясно видит фальшь и злобу...

"Цвет волос — русский, лицо — белое, глаза — голубые, открыты. В ногах две березы..." Нашим юношам и девушкам "делать жизнь с кого", Лимонов? С Павлика Морозова.

...Хотите верьте, хотите — нет: два особенно злобных его ненавистника умерли, это произошло в разные годы, но в обоих случаях — в день убийства Павлика и Федеи.

Тот, кто не верит этому, вероятно, усомнится и в том, чем я хочу завершить статью. 7 января, в Рождество, около 11 часов вечера, когда я был занят некоторыми уточнениями в тексте, уже отданном накануне в редакцию, вдруг раздался междугородный звонок. Париж! И мой добрый приятель сообщает: по французскому телевидению показывают фильм о Павлике Морозове. Вот на экране ты, Бушин, а теперь Федор Бурлацкий лепечет... Герасимовка... памятник Павлику...

Мистика? Промысел Божий? Простая случайность? Все возможно! Но уж это совпадение могут подтвердить с одной стороны, все парижане, с другой — сотрудники "Завтра".

Я не знаю, конечно, что за фильм получился у студии KinoFinlandia и у ее сотрудников, но я верил всю жизнь и верю до сих пор, что женщину с такими глазами, как у Беатрикс, могут обмануть, но сама она никогда не сделает зла, не скажет неправды.

Подлинная история Павлика Морозова, который стал в период «перестройки» одним из объектов для тотального промывания мозгов и выколачивания не только советских ценностей из людей, но и просто здравого смысла. В.С.Бушин показывает насколько успешной была эта манипуляция сознанием, что имя П.Морозова в нарицательном смысле стали употреблять даже в оппозиции, даже деятели КПРФ.

Бушин В.С. "[Он все увидит, этот мальчик](#)", О Павлике Морозове, "Завтра", №2, 1998 г., 100000 экз., 40,0 Кб.

Смотри также

[История](#)

[Манипуляция сознанием](#)

[СССР](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **"СЕМЬ СОРОК" и "ИНТЕРНАЦИОНАЛ"**

No: 14(331)

Date: 2-04-2000

В ВЕЛИКУЮ НОЧЬ с 26 на 27 марта, перескакивая с одного телеканала на другой, я не спал до трех часов... Какие личности, какие страсти, какие умы прошли перед нами за это время! ..

А когда лег спать, удовлетворенный исходом выборов, то всю ночь меня терзал кошмар. Снилось, будто через Кутафью башню и Троицкие ворота въезжает в Кремль на белом коне человек, жутко похожий на Григория Явлинского. Над его головой развевается червонная хоругвь со словами, шитыми золотом: "В первом туре я победил коммунистов, во втором — Путина. Явлинский знает рецепт спасения России!" А впереди в шутовских камзолах и в колпаках с бубенцами — два человека.

Один очень похож на Сванидзе, другой — на Новодворскую. Они то лихо отплясывают "семь сорок", то по очереди выкрикивают: "Дорогу нашему новому президенту, победителю коммунистов!", "Расступись народ перед верховным главнокомандующим, сокрушителем Путина!"

А за триумфатором — его дородная супруга Елена Анатольевна несет штандарт со словами: "Мы никому не отдадим нашу страну!", а за ней, закованные цепью и с вервием на вые пленных — Путина, Зюганова и всех остальных вчерашних претендентов на Кремль, включая Джабраилова. И у каждого на лбу выжжены полученные ими проценты голосов избирателей: у Жириновского — 2,72, у Титова — 1,50, у Памфиловой — 1,02, у Говорухина — 0,45, у Подберезкина — 0,14 и т. д. На Иване Великом беснуется и наяривает в колокола те же "семь сорок" Борис Немцов... Я несколько раз просыпался в холодном поту и хватал записи, сделанные этой ночью. Может, что-то напутал? Нет-нет, Явлинский так и остался со своими перманентными 5-6 процентами. Не может он въехать в Кремль, не может...

А ведь как страстно уверял: "За меня проголосует вся небандитская, вся некоммунистическая Россия!" Пожалуй, именно этот лозунг его и погубил. И то сказать, ведь у него и бабушка, и матушка были правоверными коммунистами, каждый день на сон грядущий они читали "Коммунистический манифест" и клали его под подушку, а он, сыночек-то, вон как выражается... Правда, есть слушок, что известная эсерка, а позже лютая антисоветчица Брешко-Брешковская (1844-1934), создательница "Союза возрождения России" (это вроде программы "500 дней"), каким-то образом приходится Явлинскому прабабушкой. Возможно, именно её антисоветские и коммунофобские гены взыграли в жилах потомка. Как знать! Много на свете, друг Горацио, такого, что и не снилось нашим мудрецам... Как бы то ни было, а, пожалуй, именно из-за своего упертого антикоммунизма Явлинский остался с хроническими, как язва желудка, 5-6 процентами... Не утверждаю, конечно, но не проголосовала ли за него как раз только бандитская, точнее, вся грабительская Россия? Однако от моих страшных сновидений обратимся к помянутым мудрецам.

И на РТР у Сванидзе, и на НТВ у Киселева были собраны "круглые столы" знаменитых политологов и других великих мудрецов, к сожалению, уже несколько траченных молью. На РТР

— ископаемый Сатаров, непотопляемый Ципко, вездесущий Бунин, несокрушимый Кувалдин, музейный Горбачев и кто-то еще из запасников музея ельцинской эпохи. На НТВ тоже сосредоточились звезды первой гильдии: Малашенко, Кириенко, Минкин, обтерханный возвращенец из Америки Коротич, изобретательница перпетуум-мобиле для непрерывного производства статей и книг о кознях КГБ Альбац и другие замечательные личности. Потом нагрянули Хакамада, Немцов, Явлинский, Говорухин и т.д.

Вначале всё шло весьма чинно, как на последнем заседании Временного правительства, описанном Маяковским. Помните? А в Зимнем в мягких мебелиях с бронзовыми выкрутами сидят министры в меди блях и пахнет гладко выбритыми...

Голос — редок. Шепотом, знаками.

— Керенский где-то?

— Он? За казаками.

И снова молча. И только под вечер:

— Где Прокопович?

— Нет Прокоповича...

Но чинная обстановка решительно изменилась, как только поступило сообщение, что Зюганов набирает 28-30 процентов, а Явлинский, знамя и надежда демократии, топчется со своей замусоленной пятеркой даже позади Тулеева. Кто -то сразу встал из-за стола и бочком, бочком...

Где Абрамович?

Нет Абрамовича...

А Сванидзе буквально перекосорылило. В его небольших, близко, как у хомяка, поставленных глазках как будто поселилась великая тоска вавилонского пленения. Он был бледен, говорил сбивчиво и время от времени делал шеей такие движения, словно хотел сбросить невидимую нам удавку. Альбац была в истерике: "Мы своими руками похоронили демократию. "Союз правых сил" обманул, предал избирателей. Вы, Кириенко, отказались от борьбы! Вы, Хакамада, легли под сильного. Из-за вас, капитулянты, многие лучшие умы демократии не пошли голосовать. Мы своими руками отдали либеральную демократию! Мы своими руками привели в Россию тоталитарный режим! И теперь своими ногами придется..." Зная, что перпетуум-мобиле надо остановить, Малашенко возопил: "Охота на ведьм может начаться завтра, если уже не началась!" Сванидзе подошел к окну и посмотрел на улицу: не стоит ли у подъезда студии "черный ворон"? Выпучив белые глаза, загромыхал Говорухин: "У меня нет претензий к Путину. Но я обвиняю народ: он по-холопски согласился с его назначением!" Кто-то жалобно вякнул: "А где же вы были в это время со своей думской трибуной?" Раздался стук в дверь. Малашенко: "Я говорил... Это уже за нами!.."

НА НТВ обстановка была несколько спокойней. Киселев выглядел бодрее, чем Сванидзе. И даже так сказал: "Что-то я не вижу здесь Зюганова? Ведь он давеча обещал прийти. А Путин вообще ни разу давеча не был на НТВ. Боятся они меня теперь как боялись и давеча, ох, боятся..." Однако Зюганов появился. И что тут началось!.. Ведь публика-то была подобрана сплошь киселеобразная. Она клокотала, пузырилась и лопалась от ненависти и презрения к 30

процентам Зюганова, а потом и от страха перед ними. Как, мол, так? В компартии всего тысяч пятьсот членов, а голосуют за её лидера раз в 12-15 больше. Где демократия? А тут еще появился на экране в своем штабе Путин и напомнил, что у коммунистов доступ к средствам массовой информации был несравнимо беднее и несколько уже, чем кое у кого. В самом деле, например, у Явлинского. Как справедливо заметил Говорухин: включишь утюг — и там Явлинский, заглянешь в унитаз — и там Григорий Алексеевич...

Дождавшись наконец сладкого момента, на Зюганова кинулся Чубайс Второй, еще более рыжий, свирепый и лихой, чем Чубайс Первый. Он возопил:

— Как вы смеете! Как они смеют за вас голосовать, если недавно одно официальное лицо официально заявило, что коммунисты уничтожили 42 миллиона человек. Это вам не Солженицын, а официальное лицо!..

Тут Второй показал себя не только еще большим демагогом, чем Первый, но, пожалуй, и превзошел его по мощи нахрапа. Не так давно в передаче "Глас народа" этот Первый встретился со Светланой Горячевой. И среди множества его клинически — юмористических аргументов против советской власти и коммунистов блеснул, например, и такой: "Перед войной у Франции была оборонительная линия Мажино, у Германии — линия Зигфрида, у Финляндии — Маннергейма...И все они, естественно, были обращены во вне — против вероятного противника. А оборонительные сооружения Советского Союза были направлены вовнутрь — против своего народа, чтобы миллионы граждан, жаждавших удрать за границу, не могли это сделать...Так что же это за страна, я вас спрашиваю, Светлана Петровна, что за власть, если строят оборонительные сооружения против своего народа, чтобы он не сбежал, допустим, в Израиль!..

"При этом он сослался на каких-то очевидцев: то ли на папу — политрука, прошедшего-де всю войну со своим политорганом, то ли на маму, верную дочь родины, подарившую ей двух Чубайсов, один другого краше. Горячева сидела напротив довольно близко. Ей надо бы встать, подойти к рыжему, и от имени советского народа врезать ему оплеуху, а потом немедленно вызвать "скорую помощь" для срочной транспортировки психа в сумасшедший дом. Действительно, ведь такой вид полоумия очень опасен для общества. Это был бы поступок настоящей коммунистки. А Светлана Петровна, сиделица парламентская, лишь плавно хлопала ушами...

И вот в умственное состязание с братцем теперь вступил Чубайс Второй. Я не помню, что ответил ему Зюганов — заспал в ту беспокойную ночь, но сам я ответил бы так:

— А кто именно это "официальное лицо? Где и когда была названа им приведенная цифра? Нельзя же, любезный мыслитель, швырять такие булыжники в историю родной страны, не указывая их происхождения. Ведь этак я при желании могу на всю страну сказать, например, так: "Одно официальное лицо в Министерстве здравоохранения недавно заявило, что почти весь клан Чубайсов — наследственные кретины (*cretinisme* — слабоумный). У отца легкая форма врожденного слабоумия — дебильность (*debilis* — слабый), у матери — тяжелая форма врожденного слабоумия — имбецильность (*imbecillus* — немощный), у старшего сына Игоря — олигофрения (*oligos* — малый, *phren* — ум), и только у младшего сына Анатолия слабоумие приобретенное — деменция (*dementia* — безумие), он свихнулся на политическом поприще, когда из торговца тюльпанами на Кронверкском Ельцин вдруг сделал его вице-премьером". Тут и любой свихнется.

Что на это ответил бы Чубайс Второй? Ведь если у него было имя "официального лица", он, конечно же, сразу им козырнул бы, а у него ничего нет, кроме персональной злобы и фамильного невежества, и теперь он только корчился бы да дергался. А я еще и вот что сказал бы:

— 26 апреля вам, милок, исполнится уже 53 годочка. Многие ваши коллеги-философы до этих лет и не дожили по причине умственных перегрузок. А вы? Сколько надо иметь извин и какого качества, чтобы до 53 лет — возраст Ленина! — не понимать, не соображать, что всегда, а уж в наше-то время особенно, официальные лица врут гораздо охотнее, легче и больше, чем неофициальные. И зачем далеко ходить за доказательством? Оно у вас под вашим чубайсовским носом — роднёхонький братец Толик. Вот уже сколько лет он — официальное лицо, притом чрезвычайно высокопоставленное. И что же? Постоянно врет, как рыжий мерин. Ему сам Явлинский однажды сказал даже так: "Анатолий Борисович, вы уникальный лжец. Вы лжете каждую секунду!" И это святая правда. А если старший брат не видит, что младший превратился в мерина, то не подтверждает ли это приведенное выше заявление товарища из Минздрава, пожелавшего остаться неизвестным.

Под конец я бы еще вот что сказал мыслителю Чубайсу:

— Что ж, допустим, зверюги-коммунисты истребили 42 миллиона, да еще война унесла 27, да естественная смертность за годы их правления составила не один миллион, да еще были два голода. Даже при такой грубой прикидке получается что-то близко к 100 миллионам. Чем же объяснить, что за время коммунистического правления население страны выросло примерно со 150 миллионов до 300, то есть в два раза? Назовите, мыслитель, еще хоть одну достаточно развитую державу с таким темпом роста. Америка? Так ведь там за всю эту пору не было ни гражданской войны, ни страшного чужеземного нашествия, ни разрухи и голода. И все-таки известный демограф С.И. Брук пишет: "До середины 1960-х годов США имели один из самых высоких приростов населения среди развитых капиталистических стран. Затем положение существенно изменилось — США попали в группу стран с низким приростом населения... И это, несмотря на большую роль в общем приросте иммиграции!" Вот такие пироги...

ЕСТЬ ЛИ У БРАТЬЕВ ЧУБАЙСОВ среди их высоколобых единомышленников конкуренты в борьбе за первое место по мощи интеллекта? Вестимо. Как не быть!.. Однажды точили лясы на глазах всего народа Евгений Киселев и Григорий Явлинский, два туземца-долгожителя телеэкрана. И вдруг первый говорит:

— А вы знаете, коллега, какие ужасные дела творились во время Отечественной войны? Взятие городов приурочивали к советским праздникам. Киев, например, взяли 6 ноября, в канун 26-й годовщины их, видите ли, Великой Октябрьской революции.

— Да-да, — живо подхватывает второй. — И это, коллега, вело к страшным жертвам. Вот ведь и Берлин взяли 2 мая. Что им стоило! Мне папа рассказывал...

Вылили по ведру нектара на советскую историю, на Красную Армию и вихляющей походкой ПЦБ пошли дальше... Они же не имеют понятия и никогда не задумывались о масштабах, о характере Великой Отечественной войны, им это просто неинтересно. Откуда им знать, что Красная Армия освободила тогда 727 советских городов и 484 города девяти европейских стран, а также Китая и Кореи. Это в сумме 1211 городов. Да еще 55 городов дважды переходили из рук в руки, а некоторые, как Барвенково и Лозовая, пришлось освобождать трижды. Это

одно из убедительнейших свидетельств такой ожесточенности войны на советско-германском фронте, какая нашим союзникам на западном фронте просто неведома: там было лишь одно крупное контрнаступление немцев — в Арденнах, где немцы во второй половине декабря 1944 года стремительно вновь заняли несколько городов, и союзникам после того, как Сталин, по слёзной мольбе Черчилля, на восемь дней раньше плана начал широкое наступление, удалось вторично отбить эти города. Приведенные цифры, кстати сказать, дают представление о том, какого объема восстановительные работы пришлось выполнить после войны немцам и какого нам. А это во многом объясняет и различие в уровнях послевоенной жизни в СССР и в ФРГ...

Так вот, если учесть, что освобождение советской земли проходило в основном с начала 1943 года, после Сталинградского побоища, и длилось два с половиной года, то нетрудно сообразить, как много за это время было радостных дней, когда гремели салюты, и нередко такие дни совпадали с нашими достаточно многочисленными советскими праздниками, как, впрочем, и с праздниками церковными, — куда от этого было деваться! Да и что плохого в том, если была реальная возможность именно в праздник порадовать родной народ освобождением очередного города. Али у Явлинского и Киселева есть доказательства, будто в том или ином случае войска получали приказ освободить город любой ценой к 8 марта или к Дню физкультурника?.. Между прочим, у вас когда день рождения, Григорий Алексеевич? Ага, нашел в справочнике: 10 апреля. Так вот, любезный, наш верховный главнокомандующий, будучи провидцем, знал еще в 1944 году, что вы родитесь через восемь лет именно в этот день и приказал сделать вам подарочек — освободить к 10 апреля Одессу-маму. И она была освобождена. Да-да, специально для вас. А на следующий год в канун вашего дня рождения 9 апреля мы взяли Кенигсберг. Между прочим, в этом я принимал личное посильное участие, за что удостоен памятной медали, на которой красуется эта дорогая для вас дата. А когда родился Киселев? Ах, да катись они к чертям, умники...

МОЖНО БЫЛО БЫ еще много поведать об этих соискателях золотой медали, но нельзя объять необъятное. А вот не менее увлекательный персонаж с такими же призовыми поползновениями: генерал Степашин! Ведь он прославился и заслужил приз не только тем, что просидел в кресле главы правительства 82 дня и 3 часа, и не тем лишь, что, став премьером, тотчас рванул в США и там — уж лучше бы по подобно обожаемому им Ельцину помочился принародно у статуи Свободы — каркнул во все воронье горло: "С коммунизмом в России покончено навсегда! Не будь я Степашин!" (Интересно, как он проглотил сейчас 30 коммунистических процентов? Не случился ли заворот кишок?)

Степашин знаменит еще и тем, что несколько раз, в том числе в недавней телебеседе с известным Урмасом Оттом, очень настойчиво просил не путать его с Лениным, который тоже, как и я, дескать, был главой правительства. Разница между нами в том, говорит, что антипатриот Ленин во время войны с Германией требовал поражения своего правительства, а я — патриот, я за победу своего правительства, что и доказал личным генеральским участием в первой чеченской войне, увы, не только кровавой, но и бесславной.

Справедливости ради надо заметить, что в этой клевете на Ленина генерал не одинок. Вот, скажем, известный автор исторических романов и любимец Солженицына писатель Дмитрий Балашов. Он перед президентскими выборами счёл необходимым на страницах "Завтра" (№10) помочь избранию Зюганова тем, что обрушился на "ленинское требование (от кого?) разгрома

своей армии в мировой войне". И не только вождь, но и вся партия большевиков, говорит, выдвигала "требование разгрома собственной армии". Да что Степашин, что Балашов! В предвыборные дни февраля сам товарищ и.о. главнокомандующего заявил на всю страну: "Вспомните пораженчество большевиков, они желали поражения России в Первой мировой войне, рассчитывая на то, что режим падёт и они придут к власти".

Ну, во-первых, расчет их с точностью сбился: прогневший режим пал и большевики пришли к власти. В отличие от нынешних генералов, писателей и президентов, они, большевики-то, были не пальцем деланы, учиться у них надо, а не глумиться с высоты своего банкротства. Это, во-вторых, генерал Власов, с его умом, мог надеяться и даже рассчитывать, что если немцы разгромят Красную Армию, одержат полную победу, то в России будет установлен какой-то приемлемый русский режим во главе с ним. А Ленин-то с его умом ясно понимал, что победа Германии превратит Россию в колонию.

Поразительно, в-третьих, что никто из названных обличителей не задумался даже: мыслимое ли дело, чтобы русские люди (а большевики-то, в отличие от меньшевиков, были в основном русскими!) во главе с русским дворянином Ульяновым желали разгрома своей армии и победы Германии? Ну, конечно, в подлунном мире всё возможно, и среди дворян сволочей хватало. Но, однако же, хоть бы на миг задумались, хоть на секунду усомнились. Ведь у них же профессия такая — думать! Они же не прочь порой блеснуть афоризмом Декарта: "Cogito, ergo sum". Нет...

И вот что самое знаменательное: кто первым-то обрушился с этой клеветой на Ленина? Да, конечно же, он, несравненный и приснопамятный Лев Давидович! В августе 1915 года Ленин писал: "Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России — значит желать победы Германии... Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (конференции РСДРП) пояснила: во ВСЕХ империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству. Буквоед (псевдоним Д.Б.Рязанова, настоящее имя которого Давид Борисович Гольдендах. — **В.Б.**) и Троцкий предпочли обойти эту истину... "Как обходят её ныне и три названных продолжателя идеи Троцкого: будто Ленин имел в виду не всех, а только одну Россию. А ведь в этом вся суть. Если пролетариат всех стран, да еще бы одновременно выступил по призыву большевиков, то война оказалась бы просто невозможна. Такую форму в тех конкретных исторических условиях приняла и оказалась возможной борьба против войны. "Но это вовсе не значит, — писал Ленин, — что надо "взрывать мосты", устраивать неудачные военные стачки и вообще помогать революционерам нанести поражение правительству."

Я не думаю, что Степашин читал "Тихий Дон". Зачем? Ельцин ему и без "Тихого Дона" генерала дал и пять раз министром назначал. Но уж писатель Балашов-то наверняка читал. Так вот там есть хорунжий Бунчук, большевик. Однажды, в октябре 1916 года, на фронте под Нарвой в офицерской землянке случился такой разговор. Бунчука, только что вернувшегося из Петрограда, спрашивают, как там дела.

— Отрадного мало, — взвешивая слова, заговорил Бунчук, — не хватает хлеба. В рабочих районах голод, недовольство, глухой протест... Русско-японская война породила революцию 1905 года, эта война завершится новой революцией. И не только революцией, но и гражданской войной.

Листницкий заговорил со сдержанной злобой.

— Меня удивляет то обстоятельство, что среди нашего офицерства есть такие вот, — жест в

сторону ссутулившегося Бунчука, — субъекты... Однажды в разговоре он выразился очень туманно, но всё же достаточно ясно для того, чтобы понять, что он стоит за наше поражение в этой войне. Так я тебя понял, Бунчук?

— Я — за поражение.

— За каким же чертом вы добровольно отправились на фронт и даже дослужились до офицерского чина? — вмешался есаул Калмыков. — Как это совместить с вашими воззрениями. Удивительно! Человек против войны... хе... хе... против уничтожения этих...классовых братьев — и вдруг... хорунжий!

— Сколько вы немецких рабочих извели со своей пулеметной командой? — спросил Листницкий.

Дело, как помним, кончилось тем, что их благородие есаул Листницкий сразу после теоретической дискуссии написал донос их благородию командиру полка на неблагонадежного хорунжего... Вот такое было сложное, противоречивое, переломное время.

ОДНАКО, ПОСКОЛЬКУ ПРИЗЫВ "варварской лиры" большевиков к миру не был услышан и война разгоралась всё жарче, то Ленин выдвинул лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Ах, как ужасно! Да? Братоубийство! Вы за "гуманизм без границ"? Недавно мы получили образчик такого "гуманизма" на страницах "Нашего современника". Там Станислав Куняев приводит в своих воспоминаниях такие строки одного ныне почившего поэта об Отечественной войне:

Навеки неизбывна, дорога.

Печалит душу всякая утрата.

Не хвастайся, что убивал врага,

— Ты убивал обманутого брата...

Вот оно что. Оказывается, это братьяники в 1941 году нагрянули к нам с танками, самолётами и душегубками, это несчастные жертвы обмана почти четыре года терзали и грабили нашу Родину, насиловали наших жен и сестер, убивали младших братьев. Написано это было в феврале 1988 года, в дни самого лихого разгула демократии, сбивавшего с ног и вышибавшего мозги даже у иных фронтовиков, среди которых, кстати, я лишь однажды встретил такого, который хвастался тем, что убивал. Это был Виктор Астафьев: "Я из карабина в Польше врага убил..." И тут же легко и просто рассказал, как это произошло, при каких обстоятельствах, кем был убитый, как выглядел. Сам рассказал при всем честном народе, никто его не понуждал: "Котелок у него на спине под ранцем был...Цель заметная. Под него, под котелок, я и всадил точнехонько пулю..." В спину. Со вкусом: "точнехонько"... И уж вовсе не встречал я фронтовиков, которые, как уверяла Юлия Друнина, говорили бы, что на войне не страшно. А если Ахматова писала "Не страшно под пулями мертвыми лечь", то ведь это о другом.

У Толстого в "Казаках" есть такая сцена. Старый казак Ерошка, в прошлом сорви-голова, зашел к юнкеру Ленину. Сидят они вдвоем, беседуют, пьют водку, крепко уже набрались. Гость, облокотившись на руку, задремал. Вдруг послышалась веселая песня.

"Это знаешь, кто поет? — спросил старик, очнувшись. — Это Лукашка-джигит. Он чеченца

убил. То-то и радуется. И чему радуется? Дурак! Дурак!

— А ты убивал людей? — спросил Оленин".

Да, служилый казак Терской линии Ерошка не мог не убивать врагов. Но вот какое действие произвел на него вопрос любопытствующего юнкера: "Старик вдруг поднялся на оба локтя и близко придвинул свое лицо к лицу Оленина.

— Черт! — закричал он на него. — Что спрашиваешь? Говорить не надо... Прощай, отец мой, и сыт, и пьян, — сказал он, вставая".

И ушел Ерошка, видимо, опасаясь новых расспросов... То, что когда-то понимал неграмотный казак, теперь не способен понять прославленный беллетрист. Как не понимают и наши телеидиоты, которые на дню сто раз допытываются у офицеров и корреспондентов в Чечне: "Сколько вчера было убито? А сколько сегодня? Пожалуйста, поточней..." И ведь им отвечают! Где, в какой войне вы видели, чтобы в ходе военных действий сообщали о своих потерях. Это прежде всего ценнейшая информация для врага.

Молодой Симонов еще до войны писал:

*Когда на броневых автомобилях
Вернемся мы, изъездив полземли,
Не спрашивайте, сколько мы убили.
Спросите прежде, сколько мы спасли...*

Так нет же, спрашивают, пытаются, выматывают: "Сколько вчера?.. А сколько сегодня?.. Сколько у нас?.. А сколько у них?.." И никто не бросит им в лицо: "Черт!.. Что спрашиваешь!" И только генерал Трошев в воскресенье жалобно взмолился Киселеву: "Не терзайте душу". Как о хоккейных матчах... Симонов и все советские писатели в годы войны вдохновляли нашу армию и народ на борьбу за изгнание и уничтожение фашистов, за свободу и независимость Родины. И вот что читаем теперь в подаренном русской публике письме помянутого стихотворца: "Все эти эренбургские, симоновы, полевые, все они — преступники. Ты знаешь стихотворение Симонова "Убей его!" Ну, коли преступники те, кто лишь вдохновлял на борьбу, то уж сверхпреступники те, кто руководил этой борьбой, — все офицеры, генералы, маршалы и, конечно же, сами солдаты, исполнявшие преступные приказы командования по борьбе за спасение Родины. Ведь это прямая поддержка латышей, которые сейчас объявили преступником советского партизана Василия Кононова и осудили его на шесть лет.

А что до стихотворения "Убей его!", то надо знать, что оно написано в июле 42-го, после приказа Сталина 227, в те самые дни, о которых тот же Симонов тогда писал:

*Опять мы отходим, товарищ.
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.*

Так вы что, гуманисты солженицынской выпечки, хотите, чтобы в те дни русский советский поэт писал стихи "Пожалей обманутого брата!?" Нет, не случайно "Наш современник" целый год печатал Солженицына. Такое бесследно не проходит...

А что касается призыва Ленина к гражданской войне, то я вам скажу, троцкистские последыши, что, когда во время первой чеченской войны у нашей армии буквально из-под носа московские предатели уводили победу, и было это, по недавнему заявлению генерала Куликова, восемь раз, то я каждый раз молился: Господи, надоумь их повернуть свои танки и орудия против московской банды, против главного виновника этой войны, против его резиденций, его банков и офисов... Это о чем же я молился-то?

А вы, Балашов? Помнится, читал я в той же "Завтра" вашу статью, где вы писали, что у вас, кажется, десять сыновей и все они вместе с вами готовы взять оружие и пойти на войну. На какую войну — на третью отечественную, как у нас кое-кто любит говорить? Ничего подобного! Ведь никаких интересов нет. Вы готовы идти на вторую гражданскую.

Такую же готовность выражал, помнится, и Василий Белов. Так чего ж осуждать Ленина, который призывал к такой именно войне. Ведь тогда народ бедствовал не горше ли, чем теперь. Россия была полуколонией. Назову только одну цифру: перед войной 72% металлургии, насущного хлеба всей промышленности, находились в руках немцев, французов и бельгийцев. Надо ли напоминать, в чьих руках сейчас 75 % нашей алюминиевой промышленности?

Однако Ленин предупреждал: "Превращение империалистической войны в гражданскую не может быть "сделано", как нельзя "сделать" революцию, — оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистической войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы". Или вы не видите, голуби, вокруг себя никаких угнетенных классов, а одни только свободные да процветающие счастливицы?

В 1918 году гражданская война выросла не из империалистической, а из сопротивления буржуазии Октябрьской революции. Недавно Б.Березовский философствовал: "Почему случилась гражданская война после революции 1917 года и нет никакой войны в текущей революции? (Так он называет ограбление народа. — **В.Б.**). В 1917 году собственность отбиралась у конкретных людей. На этот раз она была отобрана у государства, безличной сущности, никто не считал эту собственность своей". Можно подумать, что армии Деникина и Колчака состояли из таких "конкретных людей", как Рябушинский или Путилов, у которых народ отобрал собственность. И не спешите радоваться, Борис Абрамович, что не началась гражданская война. Еще не вечер...

А МЕЖДУ ТЕМ шел подсчет голосов. Накал страстей достиг предела. Вот к Евгению Киселеву препожаловал и Явлинский.

Диво дивное, оказывается, он вполне удовлетворен результатами: "Цель, которую я ставил, достигнута". Как так? Ведь клялся же, что цель — в первом туре разнести в пух коммунистов, а во втором — не оставить камня на камне от путинской крепости и стать президентом. А он опять: "Меня поддержали миллионы. Мою программу приветствуют миллионы. Я и миллионы моих избирателей не видим разницы между Зюгановым и Путиным..." Ну да, миллионы, но ведь всего 5-6 процентов. Если цель — миллионы, а не победа, то тогда надо ехать в Китай и там баллотироваться, ибо в Китае даже один процент — это, поди, миллионов десять, так что с пятью процентами Явлинский имел бы там миллионов 50-60 обожателей. Теоретически, конечно.

Право, Григорий Алексеевич самая трагическая фигура прошедших выборов. Ведь сколько

он положил сил, энергии, изобретательности! Начал свою кампанию еще летом. И как оригинально! Подал в суд. Требовал, чтобы я и газета, где довелось мне оплошно выступить с критикой столь лучезарной личности, заплатили ему 350 тысяч. Неужто на избирательную кампанию не хватало? Это ж вся моя пенсия лет на сорок вперед. Ну, взял бы и ответил мне такой же статьей, Киселев прочитал бы ее по телевидению, землячок Виктюк (они оба из Львова, иностранцы) поставил бы по ней оперу. Так нет, ему непременно засудить человека нужно, шкуру с него спустить. Вот он, истинный лик демократии!

И это при том, православные, что доход самого Явлинского за два последних года составил, как было объявлено в прессе, 2,5 миллиона рублей, его очаровательной супруги Елены Анатольевны — 502320 рублей, сына Алексея — 500 тысяч, да еще у кого-то из них лежит в сберкассе 900 тысяч. А что у меня, кроме компьютера да трех милейших собак! Уж заодно поведу здесь, что ведь и Степашин подавал на меня в суд. Вызывает главного редактора ленинградской "Народной правды" профессора ЛГУ М.В.Попова прокурор и сокрушенно говорит.

— Что ж это такое, Михаил Васильевич? Куда это годится? У вас печатается некто Бушин. Какова его сексуальная ориентация?

Профессор в недоумении.

— Что за вопрос? Разумеется, ориентация у него твердая — марксистско-ленинская. Это однозначно.

— А не мог он хотя бы по ошибке, по слабости зрения изнасиловать генерала?

— Генерала?! — профессор в шоке. — Побойтесь Бога, товарищ прокурор...

Тогда тот подает бумагу. Это исковое заявление генерала Степашина, он просит привлечь меня к ответственности и указывает статью именно за изнасилование. Профессор Попов так и грохнулся на пол. Когда пришел в себя, прокурор взял с него подписку о невыезде и отпустил пока.

По дороге домой профессор растерянно шептал про себя: "Да как же так? Ведь Степашин был министром юстиции, и все эти кодексы, статьи должен знать наизусть, как "Отче наш". Вот такой он и генерал, как министр юстиции..."

Степашин очень осерчал на меня за то, что я назвал его генералом армии, когда он лишь генерал-полковник. Я хотел, дескать, показать его карьеризм. Ну, извините, голубчик, однако дело совсем не в карьеризме, а в ельцинской манере изготовления генералов. Ну, сопоставьте, как стали генерал-полковником вы и, допустим, Рокоссовский. Он начал службу еще в царской армии рядовым и только спустя двадцать лет, в течение коих принял участие в нескольких войнах, был дважды ранен, а в январе 1943 года, когда победно завершалась Сталинградская битва, где он сыграл выдающуюся роль командующего фронтом, в возрасте сорока шести лет получил звание генерал-полковника. А вам лишь недавно исполнилось сорок шесть, но вы уже давно в этом звании. А где ваши двадцать лет службы? Где победы, боевые ордена, раны? На сравнении вас и Рокоссовского убийственно ясно видно, что такое советский генерал-коммунист и что есть демократско-ельцинские сардельки в лампасах. Так вот я и хочу дать вам совет как фронтовик Великой Отечественной: не бегайте вы по судам, а напишите прошение президенту о добровольном отказе по моральным соображениям от своего генеральского звания. Ну, напишите, например, что клялся освободить генерала Шпигуна, но не смог. И совесть меня заела.

АЧТО ТОЛЬКО НИ ВЫТВОРЯЛ ЯВЛИНСКИЙ! Неожиданно изрек, что надо уважать родную историю; объявил, что он верующий и 19 марта, в Прощеное воскресенье, с безгрешным ликом нагрнулся в Елоховский собор; в передаче "Без галстука" порадовал русских людей тем, что ужас как любит картошку, селедку и водку; запустил в предвыборный оборот родную супругу; сдал кому-то 200 граммов своей голубой крови; посетил воинскую часть и военный госпиталь, заявив там, что "Явлинский знает рецепт русского чуда!.." А еще он принял участие в передаче "Глас народа", во время которой был произведен опрос пользователей Интернета. Так 69 процентов сих пользователей (а мы знаем, кто это в нашей многонациональной стране) проголосовали за избрание президентом Григория Алексеевича. Лихо!.. Но в итоге — 5,85.

А однажды был такой случай. Кто-то спросил Явлинского, почему он препожаловал к развалинам взорванного на Каширке дома. "Да как же! — воскликнул он. — Я был уверен, что в этом доме жили мои избиратели!" Непонятно, откуда такая уверенность, но ответ, возможно, растрогал представителей его электората. Однако же остальные должны были сделать вывод, что если будут гореть или тонуть, а рядом окажется Григорий Алексеевич и кинется их спасать, то ни в коем случае нельзя признаваться, что на последних выборах голосовал за Зюганова или Путина, Говорухина или Памфилову. Отвернется, плюнет и уйдет...

Как истинный боец, Григорий Алексеевич сражался буквально до последней секунды. Когда он уже опустил бюллетень в урну, кто-то из обожателей спросил его: "Что теперь будет с Россией?" И он моментально ответил с сияющей улыбкой на лице: "Что будет? Сегодня день Григория святого. Вот это и будет!" Ах, как красиво! Конечно, это многих почитателей вдохновило...

Но, дорогой Григорий Алексеевич, простите меня за мою стариковскую несуразность, а ведь никакого Григория в этот день в святцах нет. Хоть общитесь. Этот день календаря знаменателен более всего, пожалуй, тем, что в 1820 году Александр I запретил деятельность ордена иезуитов во всей Российской империи. Правда, был в VI веке Григорий Двоеслов, святой. Так он же не имеет к России и к православию никакого отношения. Он был римским папой. Пусть католики его и чтят на здоровье. А нам-то какое до него дело? Или вы в католичество перешли? А если нет, то, право, негоже бороться за голоса православных с помощью римских пап и подделанных святцев. Тут, пожалуй, поневоле можно поверить Жириновскому, который уверяет, свистун, будто вы получаете зарплату в посольстве одной католической державы. Негоже...

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ мне опять приснился очень содержательный сон... Будто опять я в Кремле, на Ивановской площади. Вижу, какая-то суета у Царь-пушки. Что такое? Подхожу. Вижу, что-то запихивают в ствол. Пригляделся: батюшки, это ревматические старушки из "Трудовой России" суют в пушку связанного, хорошо упакованного, но, как всегда что-то доказывающего Григория Алексеевича с клеймом на лбу "5,85". А на Иване Великом сам Виктор Анпилов, харизматический лидер ревматических старушек, наяривает на колоколах "Интернационал": "Вставай, проклятьем заклейменный..." Но вот Явлинского уже засунули, кто-то сыпанул порошу, другой поднес фитиль и — бабах! Всё вокруг содрогнулось. А Григорий Алексеевич полетел.

Я спросил у близлежащей старушки: "Это куда ж вы его фуганули?" "Как, куда? — ответила она. На Запад, а точнее — в Ватикан".

Я проснулся в неплохом настроении.

[Вернуться в Линдекс](#)

Ночью в период подведения итогов по выборам президента Путина В.С. Бушин размышляет о кандидатах в президенты и просто о деятелях нашего времени в сравнении с периодом революции и войны. И безжалостно показывает всю ничтожность, пустоту, никчемность российский правящей элиты и ее идеалов.

Бушин В.С. "[Семь сорок](#)" и "[Интернационал](#)", "Завтра", №14, 2000 г., 100000 экз., 39,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **В XXI век — БЕЗ НЕМЦОВА И СИФИЛИСА!**

No: 8(325)

Date: 22-02-2000

ДАМЫ И ГОСПОДА, свершилось!.. 9 февраля, как они и грозились, как и клялись, железно сплотившаяся на почве антикоммунизма когорта остроконечников и тупоконечников вернулась, вторглась в Думу, реституировалась. Ура! Ура! Ура!..

Среди остроконечников особенно выделялись светлые лики Григория Явлинского, Сергея Кириенко, Бориса Немцова и, конечно же, несравненной Хакамады. Среди тупоконечников нельзя было не заметить широко известного своей мудростью Евгения Максимовича Примакова.

Среди остроконечников царило большое оживление. Кириенко радостно говорил о какой-то очередной сокрушительной победе, изящно иронизировал над коммунистами, которым-де следует готовиться к тому, что скоро они станут меньшевиками, и провозглашал новую лучезарную эпоху в истории своего лилипутского племени. Не менее изящно потешался всё над теми же несчастными коммунистами и Явлинский: он уподобил их насекомому, известному под названием жук-кожеед, и бодро объявил, что бесстрашное войско доблестных лилипутов одолеет этого зловредного жука. Столь же радостно, даже эйфорично были настроены остальные. Прекрасно! Но вот что разразилось буквально через час...

В этот день депутаты должны были избрать еще трех заместителей председателя Думы. Выдвигались от "Отечества" Георгий Боос, от "Союза правых" — Борис Немцов и от "Яблока" — Владимир Лукин. Бооса избрали почти единогласно. Но двух остальных — о, ужас! последний день демократической Помпеи! лиссабонское землетрясение в лагере либерализма! тунгусский метеорит в самое сердце реформ! — Немцова и Лукина провалили...

Этому неожиданному краху предшествовали ужасающие заявления некоторых невоспитанных кожеедов. Так, депутат Юрий Никифорова, один из опаснейших коммунистических жуков, заявил на всю страну, что Немцов — самовлюбленный и высокомерный сноб, да к тому же еще и прирожденный антикоммунист, что способствовать деловому единению фракций в Думе он просто неспособен по своей природе. Еще дальше пошел известный кожеед Василий Шандыбин, одна фамилия которого внушает демократам оторопь, всё слышится им в ней "дыба". Он сказал: "Немцов — это враг №1 России и русского народа".

Это было несправедливо. Все же знают, кто истинный-то первый враг, а кто всего лишь его прихвостень и "шестерка", подпевала и прихлебатель. Лучше бы Василий Иванович взял популярно изданную биографию Немцова и огласил несколько строк оттуда. Например: "Ельцин выделяет среди защитников "Белого дома" своего энергичного тезку". По воспоминаниям К.Илюмжинова, этот тезка в те дни метался по правительственным кабинетам и в страхе вопил: "Давить их надо. Виктор Степанович! Немедленно и беспощадно! Это преступный сброд!"

"Позднее, — сказано в биографии, — Немцов становится доверенным лицом Ельцина на

выборах. С этого начинается их дружба". Своей властью кремлевский пьянчуга назначает юное дарование губернатором Нижегородской области. Дружба эта — каинова печать, которую Немцов не отмоет по гроб жизни.

Тут было бы уместно несколько разъяснить последние слова, напомнить, что, явившись к Ельцину, его любимец чуть не с порога решительно спросил, какие он получит блага и, в частности, сколько полагается ему баксов ежемесячно. Даже такой прощелыга, как Ельцин, оторопел и робко ответил, что две тысячи. Тот оскорбился и начал бесстыдный торг. Выцыганил 6 тысяч. Тут бы и спросить Шандыбину коллег: могут ли они вообразить, чтобы, допустим, коммунист Александр Иванович Шахурин, вызванный в 1940 году из того же Нижнего Новгорода в Москву, в Кремль для назначения на должность наркома авиационной промышленности, уж не в начале, а хотя бы в конце беседы шепотком спросил у Сталина: "Иосиф Виссарионович, а сколько баксов?.." Ах, да что там ворошить такую даль времени! Кто может представить себе, что этот вопрос задал бы Ельцину коммунист Юрий Дмитриевич Маслюков, когда ему предложили стать тоже первым вице-премьером: "А сколько баксов?.."

Нелишним было бы напомнить заодно — это ж ягодки одного поля! — и ответ Чубайса журналисту при назначении его всё на тот же пост первого вице-преьера. Журналист спросил: сразу и легко ли он согласился, не колебался ли, не мучился ли сомнением. "Сразу, — ответил Чубайс. — Безо всяких раздумий и сомнений". "Неужели? — изумился журналист. — А почему? Ведь такая ответственность, такой огромный объем работы." "Да просто потому, — спокойно ответил Чубайс, — что мне надоело жить в двухкомнатной квартире". Вот и весь их духовный мир, тут и вся их идеология: сколько баксов и какой метраж?

Четыре человека... Четыре назначения на высокую должность... И за этим — бездонная пропасть между их миром и нашим. И понять друг друга нам невозможно..

Трепетная забота о баксах преследует их и будет преследовать до гробовой доски. Такая порода. В биографии Немцова упоминается и "про величину его гонорара за книжку "Провинциал", которая вовсе не стала бестселлером.

Гонорар этот — почти сто тысяч долларов — превосходил премии Нобелевских лауреатов. Как известно, такую же "Нобелевскую премию" хапнул и Чубайс, обскакав при этом своего кореша: тот всё-таки потрудился, накропал книженцию, а ведь этот написал лишь заявку — и вот они, зелененькие, в том же объеме, шевелятся ... Александр Коржаков рассказывает в своей книге о Ельцине, что после того, как его молодцы реквизируют у подручных Чубайса знаменитые 538 тысяч долларов в коробке из-под ксерокса, Толя приходил к нему и клянчил: Александр Васильевич, отдайте денежку. Ведь это мое, кровное...

ОДНАКО НЕ ЗАБУДЕМ и второго бедолагу — Лукина. Депутат Митрофанов очень неласково говорил о Лукине, который, согласитесь, все же иногда очень славно кукарекает по утрам на телевидении. Так вот, о нем мы услышали, что он, гад ползучий, "прямо связан с прозападной, проамериканской политикой"... Лукин не стерпел: "Клевета! Я подаю в суд". А потом в кулуарах добавил: "Как же так? Ведь о нашем избрании была предварительная договоренность между демократами и кожеедами, но как только дело дошло до Немцова и почему-то (!!!) до меня, то вся договоренность полетела к чертям. Так работать нельзя. Надо избирать новую Думу..."

А вообще-то Лукин, конечно, прав: договоренности надо соблюдать. Но что поделаешь, Владимир Петрович, с человеческой натурой, если у нее полная аллергия на столь

выразительные личности, как Немцов.

На защиту Немцова и Лукина, разумеется, тут же рысью вскинулся думский минитмен и тонкий артист Говорухин: "Что вы всё врете?! Без конца врете! Что вы несёте?! Что вы плетете?!!" И стал доказывать, что сочинский уроженец Немцов — любимейший сын нижегородской земли. Вот только белых крылышек ему не хватает, но и без них он из Сочи прилетел в Нижний, оттуда — в Москву, а из Москвы облетел полмира. Бычий вопль тонкого артиста о вранье прозвучал весьма убедительно.. Ведь Говорухин еще и автор фильмов "Россия, которую мы потеряли", "Так жить нельзя" и киносаги о Солженицыне, — трех самых лживых фильмов за всю историю нашего кино. Тем более, что второй из них, по собственному признанию творца, прямо и непосредственно содействовал обретению власти кровососом России, только что отвалившимся от её изможденного тела.

Позже минитмен демократии продолжал защиту несчастных уже по телевидению. Здесь артист прибег к своей излюбленной и уже хорошо знакомой нам заднепроходной эстетике. Прошлый раз, выступая в киселевском "Гласе народа", он рассуждал о большой выгоде и частичном неудобстве при зашивании афедрона, а ныне парламентские дебаты изобразил так: "Представьте себе схватку на ковре двух борцов. Один борется честно, а другой применяет запрещенные приемы, да еще пукает..." И при всей своей тонкости не догадывается, не подозревает даже, что сам систематически портит воздух в многолюдных общественных местах: пук!.. пук!.. пук!..

Что же было дальше? Казалось бы, надо выдержать паузу, дождаться через несколько дней вторичного рассмотрения вопроса. Ведь не всё потеряно, со второй попытки можно и взять высоту. Демократия ж! Но нет. Светлана Сорокина, верная своему обыкновению приглашать в передачу "Герой дня" именно антигероя и следуя известному девизу американской политики "Самоса, конечно, мерзавец, но это же НАШ мерзавец", тотчас вытащила на телеэкран слегка помятого Ефимыча.

То, что произошло во время этой передачи, наверняка не поняли ни её организатор, ни её антигерой: Немцов самым наглядным образом подтвердил почти всё, что было сказано о нем утром в Думе. Как это произошло? А очень просто.

Где-то в середине беседы он сказал: "Я настроился на содержательную, конструктивную, очень спокойную работу в Думе. Ведь мы обречены там на совместную работу". Вот и ответил бы Шандыбину спокойно и конструктивно в таком примерно духе: "Коллега, ну какой же я враг русского народа! Вот на днях в "Советской России" были опубликованы данные о доходах вашего лидера Зюганова, которого вы, конечно же, считаете другом России и защитником русского народа. Из этих данных следует, что его доходы за два года составили около 500 тысяч рублей, на руки получено после вычета налогов 380 тысяч, и из этой суммы он пожертвовал детским домам Тамбовской, Вологодской и Сталинградской областей, Петрозаводска и на другие благотворительные цели почти 180 тысяч рублей, т.е. без малого половину всех реально полученных на руки денег. Так что в итоге на каждого члена его семьи в десять человек приходится в месяц 840 рублей. Ничего не скажешь, друг и защитник... Правда, известный интеллектуал экрана Шендерович в своих "Итого" заявил, что у жены Зюганова лежит в каком-то банке 36 миллионов, но, говорят, когда этот интеллектуал пришел с экрана домой, то родная жена отвесила ему 36 таких звонких оплеух, что он визжал, как поросенок, и обещал больше не врать. Посмотрим. Но дело не в этом... В нашем прогрессивном кругу доходы, конечно,

несколько иные, чем у коммунистов. Не зря же я во время выборной кампании в Думу воскликнул: "Мы люди не бедные!" Было где разбогатеть, если с умом. Скажем, друг мой, языкастый трудяга Гриша Явлинский, жертвует на бедных сирот Отечества не половину, как Зюганов, а 75 недоминированных процентов своих доходов.

Мои же доходы, представьте себе, все целиком до копейки я отдаю бедным деткам, а сами с женой Раечкой и дочкой Жанночкой живем исключительно на пенсию тещи, старой коммунистки, между прочим. Поэтому, дорогой Василий Иванович, возьмите свои слова обратно и гаркнете на всю страну: "Борис Ефимович — лучший друг русского народа!.."

Вот почему бы в интересах объявленного им самим конструктивного сотрудничества в Думе всех фракций не произнести бы Немцову такую примерно речь в передаче "Герой дня", которая тогда вполне соответствовала бы своему названию.

Нет, не сказал он и этого. Однако были в его беседе с Сорокиной и такие отчасти разумные слова: "Многие считают, что если ты признаешь свою ошибку, то ты демонстрируешь слабость. Неверно! Вот 31 декабря Борис Николаевич покаялся перед народом, и 40 процентов россиян стали к нему лучше относиться. Вот и Путину следует признать свои ошибки..." Ну, насчёт Ельцина оратор глубоко ошибается.

Но нам сейчас интереснее не Ельцин, а его любимец: что ж ты, Ефимыч, и на сей раз не последовал своему собственному хорошему совету — не признал хоть какую-нибудь ошибочку, хоть какой-то хапок, хоть одну похабщинку? Ну, допустим, Нобелевскую премию за упражнения по чистописанию? Или эффектно задуманную, но провалившуюся затею с пересадкой чиновников из иномарок в "жигули"?

Вместо признаний и раскаяний — всё та же ложь и злоба: "Провалили потому, что жутко боятся меня..."

Очнись, тетерев! Ну кто тебя боится? Даже когда был грандиозным начальником, при твоей первой же попытке транспортного ущемления чиновников они послали тебя к матушке Раисе Хаймовне. Только в глазах партподружки Хакамады ты, как она однажды выразилась, "легендарная личность". Только! Дальше: "Коммунисты патологически боятся, что отменят депутатскую неприкосновенность и привилегии, поскольку многие из них ради этого и шли в Думу". Да кто же именно ради этого шел? Где эти преступные личности? Кто из коммунистов хотя бы под видом Нобелевских премий грабастал шальные деньги? Чего им бояться уголовного кодекса, если никто из всей фракции не может похвастаться вслед за любимцем кремлевского пестуна: "Мы люди не бедные!" Что ж боишься назвать хоть одно имя, вражина?

Еще: "Я Бабицкого знаю..." А кто в этом сомневался? Можно допустить, что вместе в баню ходите... "История с Бабицким — это гигантская, запредельная ошибка. Путин должен признать эту ошибку открыто и исправить... Когда министр внутренних дел объявил в Думе, что обменяли пятерых военных на Бабицкого, раздались бурные продолжительные аплодисменты коммунистов. Они всегда с презрением относились к судьбе отдельного человека. Этими аплодисментами коммунисты продемонстрировали свою сущность".

Да, если тебе угодно так выражаться, продемонстрировали. Но тут следует кое-что пояснить о судьбе отдельного человека по фамилии Бабицкий. Это неплохо сделал уже министр внутренних дел В. Рушайло, беседа 13 февраля в телепрограмме "Зеркало" с её ведущим Н. Сванидзой... Как и другие лица, по каким-то причинам вызывавшие подозрение, Бабицкий был задержан в районе боевых действий войсковым нарядом. Через несколько дней в Москве, да

еще и в Вашингтоне, начались великая суэта и звон. Все телеканалы открывали выпуски новостей с "трагедии Бабицкого"; иные программы посвящали оной трагедии пространные передачи; вытащили на экран супругу страдальца, которая рассказывала, какой он хороший. Затем — запросы хакамадской фракции в Госдуме. Лилипутский митинг на 150 плацкартных мест у памятника Пушкину. Там пламенно-проникновенные речи доселе неведомого нам Шустера, под началом которого Бабицкий работает на радиостанции "Свобода", известной красавицы Новодворской, большого эрудита Киселева-бис с ТВЦ и, кажется, еще Щекочухина, который взывал: "Андрей, государство вас бросило!.."

НЕ ТАК ДАВНО в связи с одним самостоятельным нашим шагом мы услышали от американского президента: "Россия совершила большую ошибку, и она дорого заплатит за это". Теперь то же самое услышали от рыженького нобелиата Чубайса: "Задержание и обмен Бабицкого — это серьезнейшая политическая ошибка, цена за которую будет велика". Кириенко добавил с темным намёком: "Мы знаем, кто против Бабицкого, и понимаем, почему они против". Как ни странно, а к Новодворской, Чубайсу и другим доблестным защитникам "Свободы" тотчас безоглядно примкнул застоявшийся уполномоченный по правам человека Олег Миронов, кажется, коммунист. В передаче помянутого Киселева-бис он надрылся: — Позор! Как мы будем смотреть в глаза мировому цивилизованному сообществу? Где стыд? Где совесть? Где мои любимые права человека? Что скажет Мадлен Алексевна?..

И это еще не всё... Международная организация "Репортеры без границ" возложила ответственность за исчезновение Бабицкого персонально на Путина. В эти же дни в Интернете появилась прямая угроза ему: "Путин приговорен к смерти. Тот, кто исполнит приговор, получит благословение Аллаха". Угроза простояла в сайте всего одну минуту, однако же её успели схватить, и телевидение тотчас растиражировало её на весь мир... Остается только добавить, что еще и Госдеп США дважды выступал с заявлениями, в которых требовал от России объяснений, словно наша страна обязана отчитываться перед ним. Словом, "дело Бабицкого" совместными усилиями доморощенных правдолюбов и служилых американцев раздули до масштаба, превосходящего масштабы дела Дрейфуса в конце прошлого века во Франции и дела Бейлиса в начале этого века в России вместе взятых.

А дело, между тем, прояснялось. Министр внутренних дел рассказал, что при задержании у Бабицкого обнаружили "охранную грамоту" с печатями и подписями дюжины главарей чеченских террористов, в том числе таких известных, как Шамиль Басаев и Мовлади Удугов. Это позволяло ему, находясь уже несколько месяцев в расположении чеченцев, чувствовать себя там уверенно и свободно передвигаться. Несколько позже в руки следствия попали посланные Бабицким в Москву жене цветные фотопленки. На одних журналист в самых непринужденных позах был запечатлен в компании опять же таких известных "героев джихада", в том числе похищения людей, как Руслан Билаев и Доку Умаров. На других фотографиях — изуродованные, с выколотыми глазами трупы наших солдат.

— Это позволяет нам говорить, — заметил Б.Рушайло, — что Бабицкий присутствовал при убийствах наших военнослужащих.

— Ну, может быть, в момент убийства он не присутствовал, просто (!) фотографировал уже после, — попытался Сванидзе найти лазейку для негодея.

— Кровь, — просветил министр искателя лазеек, — в течение получаса сворачивается и

становится темно-коричневой, а здесь кровь алая — и на головах и в области половых органов.

Потом В.Рушайло прочитал следующий фрагмент из одного репортажа Бабицкого: "Чеченцы (они для него просто чеченцы, а не бандиты, как для всей страны. — **В.Б.**) перерезают горло солдатам (русским, а не бабицким солдатам. — **В.Б.**) не потому, что они садисты и испытывают склонность к какому-то (!) особо жестокому отношению к солдатам, но просто (!) таким образом они пытаются сделать войну более выпуклой (!), зримой (!), яркой (!), достучаться до общественного сознания".

— Интересное заявление, согласитесь, — сказал министр.

Сванидзе согласился: "Да, интересное". Но тут же присовокупил, как о чем-то весьма незначащем:

— Но оно же известно.

Как? Оно было тебе известно, и ты, имея свободный доступ к эфиру, до сих пор молчишь о нем? Я, например, услышал это изуверское заявление только сейчас. Министр сказал, что тут не что иное, как пропаганда терроризма, то есть уголовное преступление. А я бы не его месте предложил собеседнику поразмышлять над таким вариантом приведенного фрагмента: "Немцы расстреляли, повесили, уморили голодом и умертвили в душегубках несколько миллионов евреев не потому, что они юдофобы, садисты и испытывают склонность к какому-то особо жестокому отношению к евреям, но просто они пытались сделать свою расовую теорию более выпуклой, зримой, яркой, достучаться до общественного сознания". Думаю, что суть такого варианта защиты и пропаганды изуверства легче дошла бы до сознания не только еврея Бабицкого, но и татарина Сванидзе, калмыка Немцова и чуваша Явлинского.

Уже за одно это заявление Бабицкого в репортаже, переданном по радиостанции "Свобода", сотрудников, ответственных за передачу, следует, как самое малое, снять с работы, а самого автора судить. Но вспомните, с каким пылом, словно о прекрасных образцах честной журналистики, говорил в киселевском "Гласе Народа" об этих репортажах известный правдолюб якут Генри Резник, не преминувший при этом упоенно сообщить, что они с Бабицким "люди одной крови".

ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО БАБИЦКИЙ пользуется большой известностью среди боевиков, и они крайне заинтересованы в нем, в его адвокатских репортажах. Поэтому довольно скоро, несмотря на тяжесть положения, в котором они теперь оказались, несколько главарей почти одновременно обратились к нашей стороне с письменной просьбой передать им журналиста. Так, один из них, Саид Усы Ходжаев, именуя его "нашим другом Андреем, который стоял рядом с нами плечом к плечу, защищая интересы чеченского народа", выражал большую озабоченность тем, "чтобы содержание Андрея было гуманным", и предлагал "произвести обмен Андрея на военнослужащих российских войск".

Бабицкого ознакомили с этими письмами, предложениями и просьбами, после чего он тоже сделал письменное заявление: "Желая оказать содействие комиссии по освобождению насильственно удерживаемых военнослужащих, даю согласие на участие в моем обмене на российских военнослужащих..."

И очень скоро журналист оказался, по выражению В.Рушайло, "в руках тех, к кому стремился". А пять наших солдат вернулись из рабской неволи. Сообщив об этом, министр предложил собеседнику учесть:

— Нам важна жизнь наших военнослужащих, которые, выполняя свой долг, защищали родину, защищали нас с вами. И мы обязаны сделать всё, чтобы защитить их. Я считаю, что ситуация решена правильно, и всё, что сделано, оправдано.

Но Сванидзе не был бы Сванидзой, если не попытался бы еще раз найти лазейку для лучшего друга чеченского народа.

— Хорошо... э... То, что это хорошо, я согласен. Но какие основания полагать, что он... э... написал бумагу о желании уйти к боевикам не под давлением? Или ему не сказали... э... "Парень, мы тебя сейчас отведем во двор, положим, а завтра найдем и скажем, что... э... боевики тебя убили". Какие основания полагать?.. Кстати, было убеждение, что на стоп-кадре (той пленки его выступления, которую показывали по телевидению) можно прочесть, что у него... э... выбиты зубы.

Министр убедительно объяснил, что по всем обстоятельствам дела этого просто не могло быть. А я бы на его месте ответил так: "Зубы? А какие основания полагать, что их не выбили Бабицкому его начальники Шустер или Конти, когда он отказывался ехать по их приказу в Чечню и выполнять там задание ЦРУ?" Такой подход тем более правомерен, что ведь и сам Сванидзе, будучи загнан в угол, заявил: "Личность Бабицкого, я вам... э... честно скажу, меня не интересуют. Абсолютно! И симпатии к нему я не испытываю. Абсолютно!" А уже после беседы с министром сделал еще и такое, наверняка ужаснувшее собратьев, заявление: "В конце концов, ну почему столько шума вокруг этого Бабицкого, с которым всё ясно, и который, между прочим, работает на радиостанции "Свобода", существующей на американские деньги. Будучи российским гражданином, он за американские деньги обслуживал чеченских бандитов как пропагандист. Почему же не получить вот за такого Бабицкого несколько наших ребят. Это внятная позиция". И далее Сванидзе дорос даже до такого допущения, что вся история эта — ни что иное, как "провокация ЦРУ с помощью радиостанции "Свобода". Едва ли кто мог ожидать от Сванидзе такой ясности, трезвости суждений и столь ослепительной эманации патриотизма... А тем временем беспорочный Григорий Явлинский поржал с одного телеканала на другой, из одной телепрограммы в другую. Поворковал с Флярковским, погостил у Познера, примчался к Доренко... И в речах его было всё — жалобы и похвальба, пророчества и запугивания, уверенность в своей победе на президентских выборах и, конечно же, гневные обличения виновных в "трагедии Бабицкого". Флярковский ему промурлыкал: — Ваше наливное "Яблочко" — единственная настоящая оппозиция в Думе. И последовательная!

— Разумеется, — усмехнулся лидер. — Наша фракция всегда такой и была. Но сейчас мы объединились с нашими естественными союзниками и стали гораздо сильнее.

Конечно, Явлинский, Немцов и Кириенко — три богатыря земли русской — самые естественные союзники.

— Ни в чем не виновного Бабицкого под дулами автоматов отдали бандитам...

Я бы на месте Флярковского спросил — что значит "под дулами"? Насильно, что ли? Так ведь он сам пожелал попасть к друзьям-бандитам, или, если согласиться с версией Сванидзы, пошел туда по заданию ЦРУ. А с другой стороны, кто же пойдет разговаривать с бандитами без автомата?

— Когда одного заложника меняют на другого, и оба они граждане одной страны, то значит, с двух сторон — бандиты!

Выходит, министр Рушайло — бандит, а Сванидзе, одобливший "обмен", — пособник и

защитник бандитов. И тут нельзя не восхититься способностью Явлинского из сложной, трудной, даже кровавой жизненной ситуации конструировать чистую, как слеза, абстракцию: перед ним граждане, субъекты права, и только.

А то одни граждане с великим риском для жизни, как выразился В. Рушайло, защищали от бандитов родину и нас, а другой гражданин — друг и адвокат этих бандитов, это он решительно отбрасывает, просто не желает знать. Как и то, кстати, что ведь соотношение-то здесь не один к одному: за одного бандитского адвоката освободили пять защитников родины. Плевать ему на это!

ИЗЛЮБЛЕННУЮ ТЕМУ ЯВЛИНСКИЙ закончил прекрасным афоризмом: "Государство — это когда один за всех и все за одного!" Замечательно! Но и каждому политику надо жить по этому правилу. А что мы видим тут? Он всей душой за одного Бабицкого, а пять солдат столь мало его интересуют, что он свел их в одно лицо да еще и уверяет, будто неизвестно, кто это.

Примчавшись к В. Познеру, Явлинский услышал от него нечто весьма неожиданное: "Обмен Бабицкого на пять наших солдат приветствует большинство. Его рассматривают как американского журналиста, потому что даже перерезание горла он оправдывает какими-то психологическими вещами. Фактически большинство считает: правильно, что его обменяли!"

Видимо, ошарашенный такими словами в устах Познера (свой же!), Явлинский не нашел ничего умней, как припугнуть его: "И вас могут обменять в любую минуту! Вы же приехали из Америки. В любую минуту!.."

И вот он у Доренки. Тот появился на телеэкране вроде не из Америки, но Явлинский и его начал запугивать страшным голосом: "После 26 марта и вас, не дай Бог, поймав на улице, государство обменяет на кого-нибудь!.." Господи, да на кого же — на Хакамаду, что ли?

Беседа Явлинского с Доренко получилась самой содержательной и характерной, особенно в той части, где речь шла о Бабицком. Вот несколько фрагментов.

Д. В вопросе об обмене Бабицкого проявилось очень много лицемерия. Подобные обмены совершались сотни раз. Почему вдруг такой шум на этот раз?

Я. Я лично его не знаю.

Д. Он американский журналист.

Я. Я этого не знаю...

Подумать только! Сванидзе знает, Познер знает, Киселев знает, все знают, а он, самый расторопный из всех, ведать не ведает...

Д. Бабицкий работает на американской радиостанции "Свобода".

Явлинский делает такой вид, словно слышит об этой радиостанции впервые и, демонстрируя все ту же редкую способность к полному абстрагированию, молвит:

— Он журналист в (!) России.

Это было сказано точно. Да, Бабицкий — журналист в России. Как сам Явлинский — политик в России. А чьи интересы оба они представляют — это другой вопрос.

Д. Почему же раньше шесть лет никто не возмущался обменами? Разве эти люди хуже Бабицкого? Или тут имеет значение этническая сторона вопроса? Бабицкий лучше, потому что не чеченец и не русский?

Явлинский обомлел от такой наглости. Услышать это при всем честном народе? Он растерянно проговорил:

— Я сказал вам все, что хотел...

Д. Этническая компонента, этническая сущность. Она — одна из ключевых.

Я. Я плохо понимаю... Я сказал все, что хотел сказать... А Бабицкий, помимо всего прочего, налогоплательщик. Он содержит того, кто принял решение о его обмене, кто поймал налогоплательщика и как заложника обменял неизвестно на кого. Я сказал вам все, что хотел сказать...

Конечно, тут можно было заметить, что и пять освобожденных солдат тоже, надо полагать, исправные налогоплательщики, но Доренко почему-то предпочел переменить тему:

— Я думаю, что хотя ваш рейтинг сейчас 3-4 процента, но на президентских выборах третье место вам гарантировано. Об этом говорят очень серьезные аналитики.

Это было очень жестоко — сулить третье место человеку, который вот уже много лет спит и видит себя президентом. А Доренко еще и добавил:

— Почему бы оппозиционным силам не сделать вас острием ножа, острием топора, чтобы прорубиться...

Это было уж слишком. Ведь и здесь, и у Познера, и у Флярковского, он на всю страну объявил, что выступает на президентских выборах "от всей небандитской России", и вдруг — нож, вдруг — топор!..

— Я не понимаю, что вы говорите. Я сказал вам все, что хотел сказать...

А между тем, настало 16 февраля, среда, день 435-й годовщины учреждения Иваном Грозным опричнины. Именно в этот день в Думе состоялись повторные выборы заместителей председателя, и как бы в ознаменование примечательного юбилея ими избрали тех, кого провалили первый раз, — Бориса Немцова и Владимира Лукина. Впечатление, право, такое, что депутаты только и ждали этой годовщины. И в тот раз избрали бы, если б совпало...

И что же теперь? Тогда — при неудаче, провале, Немцов бесновался, негодовал, поносил Шандыбина: "У нас в России такие есть в каждой деревне..." Но вот мечта сбылась, Борю посадили на желанное креслице. Великий успех! И что же он? Трудно поверить, но и при успехе так же беснуется и злобствует, как при неудаче. С лицом, на котором ликование и злоба плясали одновременно, он объявил:

— Мое избрание означает, что сбывается мечта русского народа: "В XXI век — без коммунистов и наркотиков!"

Что ж, это побуждает нас выдвинуть свой лозунг — "В XXI век — без Немцова и сифилиса!" Этот лозунг тем более весом, что и массовое распространение наркотиков и возврат венерических болезней — это плоды режима демократов, одним из столпов которого был и остается Немцов. Так, в Нижегородской области, где много лет губернаторствовал опричник демократии, количество наркоманов возросло в 8 раз, а заболевших сифилисом — в 5. При коммунистах подобными темпами росли грамотность народа, число библиотек, театров, музеев и могущество Родины.

[Вернуться в Линдекс](#)

На фоне инцидента с журналистом Бабацким, арестованным за сотрудничество с чеченскими сепаратистами, В.Бушин рисует омерзительную картину продажности и глупости российских думцев. Упоминаются Немцов, Лукин, Явлинский, Говорухин и другие.

Бушин: « (С лицом, на котором ликование и злоба плясали одновременно, он (Немцов) объявил:

— Мое избрание означает, что сбывается мечта русского народа: "В XXI век — без коммунистов и наркотиков!"

Что ж, это побуждает нас выдвинуть свой лозунг — "В XXI век — без Немцова и сифилиса!" Этот лозунг тем более весом, что и массовое распространение наркотиков и возврат венерических болезней — это плоды режима демократов, одним из столпов которого был и остается Немцов. Так, в Нижегородской области, где много лет губернаторствовал опричник демократии, количество наркоманов возросло в 8 раз, а заболевших сифилисом — в 5. При коммунистах подобными темпами росли грамотность народа, число библиотек, театров, музеев и могущество Родины.»

Бушин В.С. "[В XXI век - без Немцова и сифилиса](#)", "Завтра", №8, 2000 г., 100000 экз., 32,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Title: **ГРОБОКОПАТЕЛИ**

Author: Владимир Бушин

No: 25(186)

Date: 24-06-97

ВОТ УЖЕ КОТОРЫЙ раз наши правители пичкают народ так называемым праздником так называемой “независимости”. Какой независимости? От кого независимости? Почему независимости? Неизвестно... Просто они хотят, чтобы в нашей стране все было, как в Америке. Будучи беспросветными провинциалами местечкового закваса, они мечтают, чтобы у них все было, как в Вашингтоне. Там полосатый флаг — и они себе придумали полосатый флаг; там флаг наткан в каждой забегаловке — и они суют в каждую забегаловку; там есть “День независимости” — и они изобрели себе “День независимости”... Но будучи людьми малограмотными и умом зело скорбными, они не знают даже, что в Америке это действительно праздник, наполненный конкретным историческим содержанием. Америка была колонией Англии, и в 1775 году 13 штатов под руководством Вашингтона восстали против английского колониального ига и свергли его, и провозгласили “Декларацию независимости”, и учредили великий праздник “День независимости” — от Англии.

Такого праздника нет, например, в той же Англии, в Германии, во Франции, потому что иные из них, хотя и знали вражеское нашествие, но никогда не были колониями. Ну при большом желании мы тоже могли бы учредить “День независимости”, например, после изгнания поляков в 1612 году, или после выдворения французов в 1812 году, или после разгрома Третьего похода Антанты в 1920 году, но — не учредили. Видимо, именно из-за этого соображения мы никогда не были колонией.

Однако поскольку наши правители уж так из кожи лезут, чтобы не отстать от своих американских наставников, то можно им помочь и наполнить этот праздник, который они так пышно отмечают, конкретным историческим содержанием. Например, один раз можно было объявить его “Днем независимости России от Крыма” — с его лучшими в мире курортами и важнейшими для обороны страны военными базами. Другой раз можно было объявить его “Днем независимости Ельцина от расстрелянного им Верховного Совета”. Ну а сейчас сам Бог велит провозгласить этот день “Днем независимости России от Чечни”. Ельцин говорит: четыреста лет угнетали нас чеченцы! И вот, наконец, под его мудрым руководством и гениальным военным водительством, уложив там около сотни тысяч русских ребят, мы получили независимость от Чечни, мы, наконец, от нее избавились...

7 июня я был в Ленинграде. Сошел с поезда, иду по Невскому проспекту... Что такое? Дух какой-то тяжелый в городе, смердит чем-то. Я спрашиваю у товарища, который меня сопровождал: что случилось? Он говорит: да как же! Ведь вчера в Ленинграде был Ельцин, вот он и испортил атмосферу. Ну, атмосферу-то он испортил во всей стране, но в тот день это особенно чувствовалось в Ленинграде. И вот почему. Он взял туда свой Совет по культуре и искусству, хотя почти все его члены живут в Москве: Быстрицкая, Захаров, Хазанов, Рязанов... А вы знаете, сколько стоит сейчас билет в Ленинград? 250 тысяч. Туда и обратно — полмиллиона! А ведь они, поди еще, и на самолете летели — каким-нибудь спецрейсом, бесплатным для них,

но не для государства, не для нашего с вами кармана. И надо было всех этих гавриков поместить в пятизвездочном отеле, поить пятизвездочным коньяком, кормить и так далее... Это в какую же копеечку влетело народной казне данное заседаньице высококультурного Совета? Однако главное не в этом. По расчетам Ельцина, удар по Ленину, который он решил нанести во исполнение объявленного им “Года согласия и примирения”, будет особенно эффективен, если звездануть именно здесь, в городе, который носит имя Ленина. И звезданул! Этим-то, видно, и отравил атмосферу.

НА СОВЕТЕ ЕЛЬЦИН объявил, что Ленина надо похоронить, как он, мол, завещал, — в Ленинграде, на Волковом кладбище, там, где лежит и мать. Как всегда, врал всенародноизбранный, подобно нашкодившему гимназисту: никакого завещания о том, где его похоронить, Ленин не оставил, иначе бы ельцинисты уже тысячу раз его опубликовали. Не было такого завещания. Гаврики, разумеется, встретили заявление своего благодетеля бурей восторга.

Назавтра он повторил свою эксгумационную идею уже в Москве при раздаче в Георгиевском зале своим прислужникам очередных премий. Те же лица... И встретили они эту идею опять аплодисментами, хотя открыто никто, как и в Ленинграде, в поддержку не выступил.

Ленин причинил много бед России, сказал Ельцин. Тот самый Ельцин, который уж столько горя принес России, сколько не принесли ей Батый, Наполеон и Гитлер вместе взятые. Ленин спас Россию от распада. Бывали такие дни, месяцы, когда противник занимал три четверти территории России, однако те, кем руководил Ленин, сумели разгромить и Антанту, и белогвардейцев, отстоять целостность России. И вот теперь человек, который как был, так и остался прорабом домостроительного комбината, что-то несет о “бедах”, причиненных Лениным...

На том же заседании Совета Ельцин предложил осенью провести референдум о судьбе Мавзолея... Президенту идет уже 67-й годок. Пора бы подумать о собственном упокоении. Что ж, давайте проведем референдум. Но я предлагаю вопрос о Мавзолее дополнить еще одним вопросом: “Где нам хоронить президента России — во дворе американского посольства или в Вострякове на Еврейском кладбище?”

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ВЫШЕПРИВЕДЕННЫХ мыслей автор высказывал на митинге у памятника Юрию Долгорукому в Москве 12 июня сего года. Как раз в это время Ельцин выступал по телевидению с обращением к народу. В нем он, между прочим, сказал, что отныне праздник будет называться не “Днем независимости”, а “Днем России”. После семи лет напряженных раздумий доперло, наконец, что “День независимости” — полная нелепость! Но ведь и “День России” — такая же чушь. Как это: Россия будет отмечать “День России”? Не в такие уж давние времена на нашей прекрасной Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства отмечали дни разных республик: “День Грузии”, “День Молдавии”, “День России” — это было закономерно и понятно. А тут? Словом, опять — хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Никак не могут они найти приличное слово для того паскудства, которое натворили со страной. И не найдут — ибо нет таких слов.

И еще о бедах, которые Ленин, по Ельцину, “принес России”. Кругом такие трусливые холуи, что никто не смеет сказать: “Батя, полно врать-то! Белены, что ль, объелся?” А между тем, недавние дни сами собой приводят на ум одно весьма выразительное сопоставление. При Ленине советская власть во главе с коммунистами и, прежде всего ВЧК и ее руководитель Ф. Э.

Дзержинский, в кратчайшие сроки резко снизили уровень преступности в стране, только что вышедшей из тяжелой войны, и полностью ликвидировали такие трагические последствия войны, как эпидемии и беспризорщина. А ныне, как поведал 13 июня на заседании президиума правительства министр внутренних дел А. Куликов, за пять лет преступность возросла на 95 процентов, то есть почти в два раза, в стране орудуют свыше 9 тысяч вооруженных преступных группировок, в которых до 100 тысяч человек (восемь-десять дивизий военного времени!), 750 убийств остались нераскрытыми. Все это, разумеется, лишь учтенные данные. А кто скажет, сколько преступлений осталось “за кадром”?.. Да еще и рядом с преступностью шагают туберкулез, сифилис, холера, СПИД, которых мы почти уже и не знали при советской власти.

И что же это за “пять лет”, которые потрясли мир и превратили процветающую сверхдержаву в преступную и заразную клоаку? Это именно годы президенства Ельцина. И у него еще повернулся язык в недавней беседе с одним из своих бессловесных сатрапов заявить с улыбкой на задубевшем лице: “Обстановка в стране хорошая. Все спокойно...”

Я НАЗВАЛ НАШИХ правителей “беспросветными провинциалами местечкового закваса”. Имелись в виду правители не только нынешние, но и совсем недавнего прошлого. Дело не в том, конечно, что, допустим, Горбачев — ставропольский колхозник, Яковлев — ярославский колхозник, Ельцин — обитатель села Будки Свердловской области, Черномырдин — из оренбургской деревни Черномордино, Чубайс, кажется, из Бердичева, Немцов вроде бы из Жмеринки, Ясин — из Одессы, Лившиц, говорят, из деревни Простоквашино Еврейской автономной области и т. д. Беда не в этом.

Провинциализм — понятие не географическое, а духовно-интеллектуальное. Да, Ленин тоже был из провинции, а Сталин вообще “иностранец” с окраины империи, но в них и намек не было на тот убогий провинциализм, что так и прет из каждого слова и жеста, поступка и шага не только названных провинциалов по рождению, но и такой, например, столичной штучки, как Гайдар.

Особенно крепко шибает в нос амбре провинциализма от всего плутоватого облика Б. Немцова, смахивающего на бесенка из сказки того же Пушкина о Балде. Чего стоит хотя бы одна лишь его шуточка на юбилее Аллы Пугачевой: вы, дескать, Алла Борисовна, потому ложитесь в постель с Киркоровым, что он ужасно похож на меня... Это даже пересказывать-то неудобно, а он брякнул на всю страну. Первый вице-премьер! Все они, начиная с Ельцина, просто не понимают ни нашей страны, ни народа, ни должностей, на которые их взметнул всероссийский хаос. В любой другой стране — от США до Верхней Волты — политическая судьба Немцова после такой хохмочки была бы решена бесповоротно, а у нас смеялись ей заливистым смехом козлов все гости юбилея, ибо дух пошлого провинциализма проник всюду и все подчинил себе.

Впрочем, Немцов и не скрывает своего провинциализма, даже гордится им. Он и недавно вышедшую книгу озаглавил не как-нибудь, а ясно и точно — “Провинциал”. Но гонорар за нее получил отнюдь не провинциальный — 435 миллионов рублей. Люди, набившие мошну ворованным, все время твердят нам: “Ах, как стыдно и неприлично считать деньги в чужом кармане!” Нет, голуби, тут сами собой возникают вопросы антологического свойства: 1) За что, почему и кто платит такой гонорар начинающему автору за его первый опус? 2) Имеет ли право столь высокопоставленное должностное лицо брать за свою литературную поделку гонорар, едва ли не превышающий все гонорары Льва Толстого за пятьдесят с лишним лет каторжного литературного труда?

И ПОСЛЕДНЕЕ. Ельцину, Яковлеву, Лужкову и всем, кто вместе с ними добивается уничтожения Мавзолея Ленина, полезно бы принять во внимание вот что.

Первым с этой идеей еще на I съезде народных депутатов СССР выступил известный профсоюзный деятель и менее известный литературовед Юрий Карякин. И что? Мавзолей стоит, а Карякина сразила тяжелая болезнь.

Одновременно столь же яростно, с апоплексической натугой, ратовал за перезахоронение Ленина писатель Олесь Адамович. И что? Мавзолей стоит, а где Адамович?

Потом, став мэром Ленинграда, гробокопательскую эстафету подхватил всем известный пустопляс Анатолий Собчак. И что? Мавзолей стоит, а Собчака не только десница Немезиды вышибла из кресла мэра, но еще и Генеральная прокуратура, как сообщил 13 июня министр внутренних дел А. Куликов, занялась изучением образа жизни Анатолия Александровича и источниками его доходов.

Лютую ненависть к Ленину разжег в себе неутомимый писака Волкогонов, тоже вопивший: "На Волково кладбище его!" И что? Мавзолей стоит, а Волкогонов коротает время в обществе Адамовича.

Одним из самых оголтелых хулителей Ленина, отказывавшим ему даже в праве на погребение, был популярный пародист Александр Иванов. И что? Мавзолей стоит, а Иванов уже никогда не напишет ни одной пародии: ТАМ газеты и журналы не выходят.

Можно продолжить трагический назидательный списочек, но ведь и этот должен бы заставить задуматься вас, Борис Николаевич, Александр Николаевич, Юрий Михайлович. А?

[Вернуться в Линдекс](#)

О местечковом провинциализме российских властителей говорит В.Бушин. Яркое сравнение вонючки Ельцина и Ленина, которого Ельцин все рвался выкинуть из Мавзолея да так и не успел.

Бушин В.С. "[Гробокопатели](#)", "Завтра", №25, 1997 г., 100000 экз., 13,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

mail.ru РЕЙТИНГ	
1351997	579 181

Author: Владимир Бушин

Title: **ДВА ОПЛЕУШНИКА** (*Письмо русского коммуниста Владимира Бушина русскому коммунисту Александру Михайлову, новому Курскому губернатору*)

No: 48(365)

Date: 28-11-2000

Уважаемый Александр Николаевич!

Недавно и почти одновременно два самых тёртых политических калача державы — А.В. Руцкой и В.С.Черномырдин — получили по крепкой оплеухе, звон от которых не утих до сих пор. Первый схлопотал свою от избирателей Курской области, чему по мере сил способствовали и вы лично, вытеснив Александра Владимировича из губернаторского кресла. К нежным ланитам второго длань дотянулась аж из-за океана: Джордж Буш-младший обвинил Виктора Степановича в игривом обращении с субсидиями Международного валютного фонда нашему правительству. А тут еще вы добавили, что Руцкому помогали на выборах известные антирусские силы... Оба оплеушника страшно оскорбились, заверещали и пригрозили вам и Бушу судом. За что? Разберемся по очереди.

ВИТЯ ИЗ ДЕРЕВНИ ЧЕРНЫЙ ОСТРОГ

Первым заверещал Виктор Степанович: "Кто — я? Украл?.. Уворовал?.. Прикарманил?.. Слямзил?.. Буш меня оскорбил, а я не привык. Правда, в 1990 году на выборах в народные депутаты РСФСР меня оскорбил генерал Волкогонов, не дав возможности прорваться в депутаты. Но где теперь этот книжный генерал, я вас спрашиваю?.. Потом однажды Борис Николаевич оскорбил. Указал пальцем на дверь и рявкнул: "Пшел вон, дубина!" И что? Посадил на мое место Кириенко, а тот быстренько спроворил ему дефолт. Так он сам прибежал ко мне в спальню, упал на колени: "Витюша, спасай Отечество! Только на тебя, понимаешь, надежда!" Я встал и спас. Как Кутузов... И опять же: где сейчас Борис Николаевич? Укатали сивку крутые Горки... Потом меня тут же оскорбила Дума, не утвердив в должности Кутузова. Словом, как видите, были отдельные досадные случаи, но я всё равно не привык... И вдруг слышу из-за океана: "Стянул!.. Увел!.. Стибрил!.. Сбондил!.." А главное, да кто он такой, этот Буш? Я так ему влеплю, так врежу, так вмажу, что долго он будет помнить Витю из станицы Черный Острог Оренбургской области. Я, если угодно, казак. У меня над кроватью шашка висит, а в чулане — пика. У нас не заржавеет! Это ж подумать только: Витя слимонил у МВФ! Что, у нас больше негде? Слава Богу, страна простерлась от Курил до Калининграда. Семнадцать миллионов квадратных километров. И на любом километре воруи — не хочу. Если с каждого украсть по рублю — уже семнадцать миллионов рублей. Состояние! А если по доллару?.. Нет, я ему долбану, я звездорезну... Ему Белый дом зеленым покажется... Он, что, хорошо меня знает, что говорит такие вещи? Нет, уж я дербулызну..."

И Виктор Степанович, как вы знаете, Александр Николаевич, полетел в США, чтобы там взять Буша за грудки. Но Буш был ужасно занят выборной свистопляской, и его грудки оказались труднодоступны. Однако, по слухам, Витюше удалось прорваться в его избирательный штаб с воплем: "Он что, хорошо меня знает?!" Но его тут же вышибли из прихожей. А он помчался за поддержкой и защитой в штаб Гора. Как раньше не сообразил!.. Но Гор, чтобы отвлечься от мрачной перспективы провала на выборах, играл с тещей в футбол и не принял. Однако удалось где-то ухватить за лапсердак Либермана, напарника Гора в претензиях на Белый дом. В эти дни в Москву прилетел с целью просветить нас по телевидению о положении в мире вообще, а в палестино-израильском конфликте и на выборах в США особенно, израильский министр Натан Щаранский (бывший советский энтузиаст свободы и арестант Дубровлага). Раньше о таких вещах нас просвещали свои, а не импортные мыслители: Генрих Боровик, Валентин Зорин, Александр Бовин и другие. Так вот, Щаранский-то, между прочим, сказал, что Либерман — ума палата, гордость конгресса США, все конгрессмены бегают к нему таблицу умножения узнавать. И впрямь, на вопли Черномырдина "Он меня знает?", мудрый Либерман ответил очень основательно, примерно так: "Ви-тю-ша, кто ж тебя не знает! Любознательные люди взяли тебя на заметку сразу, как только ты вышел в лаптях из деревни Черный Острог в большой мир. Ведь такая личность! А уж как в двадцать два года вступил ты в партию, потом стал инструктором ЦК, допер до министра — тут уж тебя любознательные люди из Лонгли то в лупу, то в телескоп рассматривали. Ты шумишь: "Что Буш обо мне знает!" Да он, милочка, все о тебе знает. Откуда? Да очень просто! Когда ты работал в ЦК, Буш-старший был директором ЦРУ. А уже тогда как перспективный кадр ты был "взят в разработку" — так они выражаются. И вот бывало приходит Буш-старший домой, а младший к нему с расспросами: как, мол, там наш будущий кадр Витюша? Ну и старший рассказывал: Витя стал замминистра... Витя уже министр... Витя где-то что-то слямзил... Витя обожает неярких блондинок... Витя на охоте в Костромской области убил двух медвежат-сосунков, мерзавец, и так далее...

Виктор Степанович вспыхнул:

— Не убивал я сосунков в Костромской области! Не убивал!

— Извини, друг мой, — мудро улыбнулся Либерман, — ошибся, не в Костромской, а в Ярославской. Или лучше сказать, в той области, где губернатором Лисицын. Так?.. Ну вот. Да, оба Буша знают о тебе многое. Но уж лучше-то всего знают тебя твои соотечественники. Еще бы! Ведь как только в 1992 году Ельцин поставил тебя во главе правительства, так в России началась катастрофическая убыль населения. В 1994 году, как пишет профессор МГУ Борис Хорев, демограф, превышение умерших над родившимися уже составило по стране 893 тысячи человек. Это в том самом году, когда ты, прохвост, медвежат стрелял. Сейчас уже и президент ваш признает, что население страны убывает на 750 тысяч человек в год. И так было все шесть лет твоего премьерства. А взять рост в стране заболеваний, например, сифилисом. К 1990 году он был у вас практически ликвидирован, если сказать точно, насчитывалось лишь 8 тысяч больных. А в 1997-м, на пятый год твоего премьерства, их было уже 405 тысяч. Это какой же получается рост? В 50 с лишним раз! А?.. Тебе самому-то удалось избежать?.. Вы с Ельциным сознательно вымаривали русский народ. Если бы не сознательно, то, видя к чему приводит ваша безмозглая политика, вы на другой же год либо изменили бы её коренным образом, либо ушли в отставку. Нет! Не смея и намекнуть об истинном положении дел, вы руками и зубами держались за свои кресла, чтобы успеть побольше отправить русских на тот свет. Попробовал

бы такой выродок в Америке или в Израиле пробраться к власти! Да его через полгода в лучшем случае кастрировали бы... А ты, мудрила, вздумал еще царские долги французам отдавать. Весь мир со смеху помирал!.. Да за одно это тебе и Ельцину, кабаны шунтированные, без суда и следствия можно одну осину выделить... Вот есть у нас штат Флорида, тот самый, где сейчас то бушуют, то горюют избиратели Буша и Гора, тот самый, который ваши тупоумные тележурналисты, желая блеснуть образованностью на американский лад, называют Флорида. Ведь эта благодатная земелька когда-то принадлежала Испании. Но мы, американцы, всегда любили делать приобретения то с помощью долларов, как Шейлок, то без помощи долларов, как Эрнан Кортес. У французов хапнули по дешевке Западную Луизиану, у одного русского пентюха — Аляску с её несметными сокровищами и славные Алеутские островочки, у мексиканцев безо всяких долларов отхватили половину их земли, что теперь именуется Техасом. А испанскому королю мы в 1819 году сказали по поводу Флориды: "Ваше величество, отдай, а то потеряешь!" Тот не захотел терять. Так вот, можно ли себе вообразить, Витюша, чтобы Клинтон или кто из его предшественников, или из его преемников сказал бы американцам: "Соотечественники, а ведь мы в свое время объегирили Францию, облапошили Испанию, околпачили Россию, взяли на пушку Мексику. Но мы же теперь, как уверяют весь мир наши друзья Явлинский и Киселев, Новодворская и Сванидзе, самые великие и бескорыстные гуманисты в мире. Так давайте доплатим Франции 50 миллиардов долларов, Испании — 75, России — 200, а Мексике вернем половину Техаса. Лады?.." Как ты думаешь, Витя, какова была бы судьба такого гуманиста? В лучшем случае... Ты думаешь, у нас нет Канатчиковой дачи? Еще какая! Еще сколько! И он быстренько оказался бы именно на Канатчиковой... А ты грозишь судом Бушу! Да видал он тебя в гробу в белых тапочках и с уголовным кодексом в руках. Ты благодари небеса, что до сих пор тебя самого твои соотечественники почему-то еще не приговорили к достойной каре... Но, как у вас говорят, еще не вечер. Успеют... Слышал я, будто бы ты, Витя, отмусолил денюжат на издание Пушкина и даже собственноручно предисловие написал. А еще вроде бы даешь на издание рукописи "Тихого Дона"?.. Пушкин и Черномырдин! "Тихий Дон" и Газпром! Сюжеты, достойные кисти Айвазовского... Надеешься учтут, смягчат? Напрасно! Все же в России понимают, что это за деньги. И какие это крохи по сравнению с хапнутым у народа!.. И напишут на твоей могиле: "Он хотел, как лучше, а получилось, как всегда..." Вот такая история с Черномырдиным, Александр Николаевич. Вы, конечно, слышали о ней. Мудрый человек Либерман, истинно патриотический ум!..

КТО Ж ТОГДА АНТИСЕМИТ?

Теперь вернемся ко второму оплеушнику, к Руцкому. В биографическом справочнике "Кто есть кто в России", вышедшем в издательстве "Олимп", о нем сказано немало правильного: "Отсутствие важнейших для политика качеств. Чрезмерно амбициозен, конфликтен, ухитряется рассориться со всеми, кто его окружает... Быстрота изменения его политических взглядов уникальна, груб на язык, а главное — крайне ненадежен. То он клянется в верности Ельцину, то предаёт его. Опять клянется и опять предаёт. Так же поступает с соратниками по различным партиям и движениям, которые без конца создаёт... Называет себя верующим, православным.

Держит мюстерлендскую легавую собаку по кличке Арон, пять попугаев, экзотических кур и рыбок. Почти не пьёт. В любую погоду бегаёт босиком в сопровождении Арона. Среди журналистов получил прозвание Сапог-с-усами..." (стр.558-559).

Этот справочник был издан в 1997 году, когда Руцкой незадолго до этого стал курским губернатором. За минувшие три-четыре года жизнь во многом подтвердила правильность данной ему характеристики, а некоторые черты, указанные в ней, получили не только подтверждение, но и дальнейшее развитие. Так, поскольку долги Курской области выросли за это время в 58 раз, то у нас есть основание говорить, что и амбициозность, то бишь зазнайство Руцкого, выросла тоже в 58 раз. В самом деле, всё ему мало было! Греб и греб. А кто отдавать будет? Вы, Александр Михайлович... Конфликтность, то есть занудство и склочность Руцкого, возросли до того, что из 28 глав администраций городов и районов области он сменил 26. Переменчивость политических взглядов получила развитие в переменчивости матримониальной: обретая сан губернатора, Руцкой женился третий раз. При этом попутно дважды угодил в книгу рекордов Гиннеса: во-первых, как до того пылкий жених, что распорядился хижину своей возлюбленной в день свадьбы завалить с вертолета розами; во-вторых, как зять, который моложе своего предпенсионного тестя. Правда, по второй номинации Руцкой стоит в книге рекордов строчкой ниже знаменитого писателя-демократа Леонида Жуховицкого, который недавно так изловчился жениться в какой-то раз, что не только теща, но и тещина мать, то есть бабушка жены, моложе его. Вот что такое истинная демократия!.. Отмеченная в книге "Кто есть кто" любовь Руцкого к экзотическим птицам, в частности, к попугаям, тоже развилась дальше. Как помним, их у него пять. Он по-прежнему не чаёт души в милых друзьях, целые дни проводит в беседах с ними о смысле жизни. Научил их встречать себя дружными возгласами. Один кричит: "С ава Ирою Советского Союза!" Второй пищит: "Да зд`авствует утший губернатор Курской губернии!" Третий надрывается: "Хай живе генерал Руцкой и его русская матушка Зоя Иосифовна!" Четвертый вопит: "Куряне! Туже ремни, но не падайте духом! Производство мяса в области упало в два раза, но страусы нас спасут!" Пятый заливается: "Привет страусу — лучшему другу курянина!.." Тут многие удивятся, но вы-то, Александр Михайлович, знаете, конечно, в чем дело: страсть Александра Владимировича к экзотическим птицам доросла до любви к страусам. Он одержим идеей завезти их из Африки, чтобы летом бегали они по всем курским лесам, полям и буеракам. Три страуса, говорит, равны в мясном отношении быку, а одно страусиное яйцо больше, чем сто куриных. Вот и решение продовольственной проблемы! Со временем, говорят злые языки, мечтает вывести морозоустойчивую породу страуса путём скрещивания его с медведем, волком или в крайнем случае хотя бы со своей собакой по кличке Арон. Эти медведаусы или страуроны будут на четырех лапах, с короткой шеей и покрыты не перьями, а густой шерстью, одни из них обретут способность лаять, другие — на зиму впадать в спячку. Пока же такая порода не выведена, он планировал с наступлением осени угонять страусов обратно в Африку, а в апреле — опять на курские просторы. Для этого требуется много погонщиков. Прекрасно! Новые рабочие места. Таким образом, здесь на страусиной основе как бы мимоходом решается и проблема занятости населения. Никакой безработицы!.. Вот, дорогой Александр Николаевич, от каких грандиозных планов вы оторвали новатора Руцкого.

Что сказать еще? Руцкой по-прежнему в любую погоду бегаёт босиком, по-прежнему называет себя верующим. Правда, после того, как он, имея квартиры в Курске и в Москве общей

площадью в 600 с лишним квадратных метров, во время выборов больше половины площади — 350 метров — скрыл, многие усомнились в его религиозности и поверили газетам, которые писали, что у него есть еще и два дома — в подмосковных Раздорах и в Испании. Как не поверить! Тем более, что даже в семье этот человек установил рыночные отношения: одну из своих машин продал родной жене. Когда это водилось на святой Руси? Жене!.. Да ведь даже если бы и не скрыл квартиры, зачем семье из двух или трех человек — верующих! — такая прорва хоромов? Если даже только 600 метров, это же 30 комнат по 20 метров... Говорят, когда один приятель выложил ему однажды эту арифметику, Александр Владимирович согласился, что да, площадь аэродромная, однако тут же присовокупил: "Но учтите, как у истинно верующего человека у меня в каждой комнате висит икона: в одной — Божья мать, в другой — Спас Нерукотворный, в третьей — Всех скорбящих радость и другие. А кое-где целый иконостас. К тому же все мои обиталища окроплены святой водичкой, чтобы не заводились домовые..."

После выборов, от которых суд его отшил, Руцкой обрушился по телевидению сперва на генерала Суржикова, занявшего второе место: "Он подкупал избирателей! Откуда у него деньги?" Я надеюсь, Александр Николаевич, что вы, как и я, слышали раздавшийся в сей момент за экраном голос архангела Гавриила: "А у тебя, шельмец, откуда деньги на все эти дома-квартиры, на джип "лэнд-ровер", на "линкольн навигатор", на мюстерлендских легавых, на заморских попугаев и страусов, — из губернаторской зарплаты?" Руцкой стыдливо промолчал...

Но вскоре кинулся на вас в связи с тем сюжетом, о котором я упоминал в начале письма: "Все, наверное, помнят персонаж господина Шарикова, да? — кричал обиженный экс-губернатор. — Вот это примерно этот же уровень (!). Поэтому я, конечно, отчасти (!) вспылил, даже были своего рода мужские намерения, но я — госчиновник, и пока (!) этого позволить просто не могу. А так, ну что сказать? Бессовестный человек, и только..." Боже милосердный, этот оплеушник еще рассуждает об "уровне" других, о совести...

И вот главное в его речи: "Я не знаю, чем ему помешали евреи. По крайней мере, Карл Маркс, Фридрих Энгельс были евреями и Владимир Ильич Ленин-Ульянов тоже, так сказать, имел в своей родословной эти корни..."

Тут я прерву цитирование и спрошу Вас, Александр Николаевич, знаете ли вы, какова была участь мюстерлендского кобеля Арона? Бедный Арончик!.. Он, говорят, не вынес унижения и утопился после того, как его насильно принудили оплодотворить страусиху. Но генерал на этом не успокоился. Купил за пять тысяч долларов ньюфаундлендскую сучку, назвал её Сарой и теперь пытается заставить страуса оплодотворить её... Был когда-то у нас фильм "Ко мне, Мухтар!" Фильм неплохой, но я помню, как однажды на пленуме Союза кинематографистов товарищи из наших среднеазиатских республик возмущались его названием: ведь Мухтар — священное у мусульман имя!.. А что мы видим тут? Человек дает своим собакам популярнейшие еврейские имена да еще принуждает их к противоестественным отношениям... На это способен только лютый антисемит! А чтобы прикрыть свой пещерный антисемитизм, он то обвиняет в нем других, то зачисляет в евреи таких великих людей, как Энгельс и Ленин, которые даже до крещения евреями не были... Генерал Варенников, чего вы смотрите? Возглавляя Ассоциацию Героев Советского Союза и России, вы обязаны поставить вопрос перед президентом о лишении Руцкого звания Героя. И пусть это будет только началом возмездия. Ему еще предстоит ответить за свои дела 3 и 4 октября 1993 года. Объявив себя президентом вместо

преступника Ельцина, он возглавил народное восстание. Ему поверили: ведь он был в Афганистане, стал там Героем, потом окончил академию Генерального штаба, значит, соображает, что к чему, будет умело руководить. А он показал полную бездарность, безответственность и трусость. Не зная обстановки, не имея никакой поддержки армии, он вопил с балкона Дома Советов: "Вперед на Кремль! Возьмем мэрию! Даешь Останкино!!!" И послал тысячи безоружных людей на смерть... А после того, как они полегли под пулями и снарядами евневичей, он показывал всей стране свой автомат: "Я не стрелял! Смотрите, на автомате еще заводская смазка..."

И такой человек грозил вам, Александр Николаевич, судом. И такому человеку вы принесли публичные извинения! Да за что? За какое оскорбление? И кого? Не махровым ли антисемитом, как видим, оказался сам хозяин Арона и Сары? Кто вас надоумил извиняться? Иные уже извинялись перед избирателями Курской области за то, что на прошлых выборах поддерживали Руцкого...

Так что, дорогой Александр Николаевич, советую вам, при случае все же взять свое извинение перед Руцким обратно. А чтобы он не слишком горевал, назначьте его директором первой в стране областной фермы по выведению морозостойчивой породы страусов. Уж это-то он заслужил!

[Вернуться в Линдекс](#)

В.Бушин - политические портреты Черномырдина и Руцкого. Смертельно для обоих.

Бушин В.С. "[Два оплеушника](#)", "Завтра", №48, 2000 г., 100000 экз., 20,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир БУШИН

Title: **ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС ПУТИНА**

No: 15(280)

Date: 13-04-99

МНЕ ГОЛОС БЫЛ. И вот что я услышал...

Ваш необыкновенный президент недавно посадил Владимира Путина на два высоких кресла: сперва сделал его директором ФСБ, потом — секретарем Совета безопасности. Конечно, такой кадровый дуэт несколько озадачивал: неужто не осталось других мудрецов, всеми печенками преданных любимому президенту? А Жириновский? А Боровой? А Новодворская? Наконец, Митрофанов? Неужто никто из них не может сравниться с Путиным по мощи интеллекта, любви к президенту и расторопности?

Но как бы то ни было, а сидя в двух столь высоких креслах, Путин должен ясно понимать, что ни уважением, ни авторитетом, ни доверием соображающих людей он не пользуется. Просто потому, что все они, прежние назначенцы Ельцина: от Бурбулиса до Кириенко, от Козырева до Черномырдина, от Грачева до Чубайса, были извлечены им из политического небытия и посажены вокруг себя на высокие кресла по одному-единственному признаку — по личной преданности, доходящей до готовности исполнять абсолютно все, что ему вздумается. На другие человеческие и деловые качества “Владимиру Святому наших дней”, как назвал его патриарх, совершенно наплевать. И нет никаких оснований надеяться, что ныне, когда от потрясенного Кремля до стен воспрявшего Китая все решительней раздается клич “Всенародно обожаемого — на свалку истории!”, когда все ближе импичмент, он, это Красное Солнышко демократии, при извлечении из небытия Путина изменил своему всегдашнему правилу и железному девизу — “Мои кадры решают все, что мне втемяшится”.

Естественно, что чиновники, подобранные по такому принципу, очень скоро обнаружили свою полную профессиональную непригодность и человеческую убогость. И довольно быстро даже сам президент, не блещущий широтой ума и прозорливостью, вынужден был освободиться от своих избранников посредством элементарного вышибона. Но на смену одному старому чучелу не мог прийти никто другой, кроме нового чучела: Гайдара заменил Черномырдин, Ерина — Степашин, Сидорова — Дементьева, Филатова — Илюшин и т. д.

Откуда же взяться надежде на то, что Путин, будучи назначенцем того же владыки, является хотя бы неплохим профессионалом. Тем более, что с самого начала он показал себя довольно странно. Например, в тот самый день 24 марта, когда Ельцин посадил его еще на одно высокое кресло, он дал несколько пространных интервью. Откуда в такой ответственный момент нашлось у вас, товарищ Путин, столько свободного времени, чтобы точить лясы? Работать же надо! Или вам уж так не терпелось покрасоваться на телеэкранах? А ведь надо бы знать, что в иных царствах-государствах лица, занимающие подобные посты, не только предпочитают держаться в тени. Больше того, кое-где ни один человек, кроме высших руководителей государства, даже не знает, кто именно эти лица. А тут нате вам — гласность!

Из этих нескольких интервью заслуживает внимания беседа с сотрудницей НТВ Светланой Сорокиной. Что такое НТВ? По должности своей Путин должен бы знать, что это рупор

антигосударственной русофобской пропаганды Запада. Кто такая Сорокина? Настоящий агент влияния, провокатор, под маской телевизионной фефёлы работающая против правительства, членом коего наш друг Путин состоит. И тем не менее он охотно помчался в столь ответственный день именно на этот канал телевидения для душевной беседы именно с этой фефёлой. Неужто думал, что такая расторопность и отзывчивость поднимет его нулевой авторитет?

СОРОКИНА, РАЗУМЕЕТСЯ, и в этой беседе показала свое провокаторское нутро. Она сказала, например, что вот, мол, в “Таймс” и еще где-то появилась информация (употребила именно это слово) о том, что один из высших членов нынешнего правительства (она, конечно, назвала его) в свое время получил от Саддама Хусейна взятку в размере 780 тысяч долларов за поставку Ираку оружия. И спросила с милой улыбкой: “Что вы можете сказать об этой информации?”

Если Путин профессионал, то должен понимать, что сама фефёла никаких “Таймсов”, конечно же, ни при какой погоде не читает. Читают другие. И они подсунули ей эту “информацию”, дав задание в непринужденной беседе с высокопоставленным чиновником распространить ее на всю страну, опорочить члена правительства, а заодно и прощупать собеседничка.

И что же? Вместо того, чтобы, как требовал его служебный долг, решительно пресечь антиправительственную провокацию, сказать, что и говорить об этом не желает, и посоветовать мадам не заниматься грязным делом, — вместо всего это мусье Путин подхватил словцо “информация” и с ответной улыбкой на устах попытался клевету на правительство обратить в игривую шуточку-прибауточку. Естественно, что улыбочивость собеседника прибавила наглости собеседнице, и она прет дальше: “А не обратиться ли вам в эти газеты? Не произвести ли расследование насчет взяточничества в правительстве?” И опять вместо отпора получает галантную улыбку: “Хорошо. Я подумаю...” В сущности, директор-секретарь сыграл в этой беседе роль пособника Сорокиной. Иначе говоря, она работала гораздо профессиональнее, чем он. Да о чем говорить? Перед лицом наглой клеветы Путин не проявил даже самого элементарного чувства товарищества. Кто после этого пойдет с ним в разведку? Как Горбачев, когда собачки поносили Рыжкова, Лигачева и других.

Еще более тягостное впечатление оставляет участие Путина в “деле Скуратова”. Ну то, что здесь играет важную роль С. Степашин, никого не удивит: еще со времен чеченской войны он показал себя человеком, способным ради президента на все. Так, получив в Дагестане известие об убийстве генерала Рохлина, умного и смелого противника Ельцина, он, не зная всех обстоятельств дела, тотчас объявил: “Убийство на бытовой почве”. Получив известие об убийстве Г. Старовойтовой, немедленно просветил человечество: “Политическое убийство!” И тут же выразил твердую уверенность, что злодеяние будет раскрыто. Одна лишь эта уверенность изобличала пустозвона. Действительно, если теперь уже за долгие годы до сих пор не было раскрыто ни одного громкого убийства, то лишь в пустой голове могла родиться уверенность, что вот это убийство уж непременно я раскрою. С другой стороны, если у тебя есть в силу не известных нам причин такая уверенность, то ведь на всякий случай совершенно не обязательно оглашать ее перед всем народом. Он даже этого не соображает! Как говорится, не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...

Или вот 3 апреля. Степашин вдруг заявил по телевидению: “Нам известно местонахождение

генерала Шпигуна, похищенного в Чечне”. Неужели не соображает, что после такого заявления похитители немедленно перевезут своего пленника в другое место? И это не единичный случай. Сам Степашин и его сотрудники систематически информируют преступников о том, что им известно о них, и какие меры против них принимаются. Ведь не раз было объявлено, что против преступности идет война. Но на войне как на войне. Можно ли вообразить, чтобы, скажем, в ноябре 1942 года перед началом контрнаступления под Сталинградом наше командование объявило бы, что нам известны силы противника, их дислокация, вооружение, местонахождение штабов и т. п. А на этой войне, где главнокомандующим белобилетник Ельцин, — пожалуйста!

Да, Степашин, защитивший диссертацию “Руководящая роль КПСС в пожарном деле”, давно уже никого ничем не удивит. Но вас-то, ваше сковородие, с вашим 17-летним стажем работы в КГБ, как угораздило вляпаться в “дело Скуратова”, едва ли не самое грязное и лживое за всю историю ельцинизма! Ну где тот идиот, который поверит вам, что какой-то безвестный заместитель районного прокурора Вячеслав Росинский возбудил дело против Генерального прокурора, да еще в 2 часа ночи! Да почему среди ночи, а не днем? Оказывается, как вечером 5 апреля передало телевидение, этого Росинского среди ночи вызвали в администрацию президента и там состряпали этот иск. Это похоже на союз проститутки с гангстером. Но все равно дело считается возбужденным с того момента, как исковое заявление поступило в соответствующую инстанцию и принято к производству. Как это могло произойти в 2 часа ночи? Где та судебная инстанция, которая работает круглые сутки? Вы, ваше сковородие, просто плохо соображаете с генералом Степашиным, героем чеченской войны. Даже соврать складно не умеете. Поучились бы у Радзинского, что ли.

Но вот опять появились оба на телеэкране, и мы слышим: “Самая первичная оценка специалистами известной пленки показывает, что она подлинная”. Прекрасно! Но, во-первых, никто и не спорит о самой пленке. Вполне возможно, что подлинная, а не копия. Вопрос же в том, кто на ней изображен. Занимая такой пост, профессионал Путин не умеет четко выражать свои мысли. Во-вторых, “самая первичная оценка” — это не аргумент, она может быть ошибочной. Здесь необходима и вторичная, и пятикратная, а то и десятикратная оценка. Впрочем, он тут же сам себя опровергает: “...пленка подлинная”, но — “это требует еще подтверждения”. Вот именно! Требуется. Но немедленно и это опровержение опровергается: “... требует подтверждения, хотя никаких сомнений нет”. Вот те на! Вертится, как грешник на сковородке! А ведь как профессионал должен бы понимать, что тут речь должна идти не о сомнениях или впечатлениях, а о фактах. Но их-то и нет. Разве можно считать доказательным фактом бульварную публикацию в бульварном “Московском комсомольце” — беседу с девицей в темных очках и с подбитой будкой? Или — полночный перепуганный лепет Росинского?

НА ВЫРУЧКУ вам бросился несчастный горемыка Якушкин: “У президента нет оснований не доверять Московской прокуратуре”. Во-первых, при чем здесь вся Московская прокуратура? Ведь иск против Скуратова подал только один из сотрудников, поднятый по тревоге. Во-вторых, а какие у президента основания не доверять Генеральной прокуратуре, ни один из сотрудников которой никакого иска не подавал? Наконец, какие у него основания не доверять лично Скуратову, которого ведь он сам выбрал, предложил и утвердил в должности Генерального? А если основания есть, то в каком же свете он теперь предстает перед народом?

Все помнят, как он ликовал, когда удалось протащить Степанкова на должность Генерального: “Теперь у нас наш прокурор! Демократический! Реформаторский!” Но скоро он оказался не к месту. Появился Казанник. Уж в нем-то Ельцин должен был души не чаять: ведь это он, как в очереди за пивом, уступил ему свое место в президиуме Верховного Совета, куда махровый партийный демагог на выборах не прошел. Но Казанник, видя самодурство и невежество отца отечества, тоже скоро удалился. Где-то разыскали Ильюшенко. Трижды пытался Ельцин протащить его на пост Генерального. Не удалось! Так и остался и. о. Но как Ильюшенко ни лакействовал, как ни бросался на амбразуры, обороняя президента, дело все-таки кончилось для него нарами в Бутырках, двумя годами в перенаселенной камере и приобретенной там чахоткой. И вот, наконец, Скуратов, пятый прокурор ельцинской эпохи, и опять то же самое: аморальная личность, уголовное дело, отстранить! Что ж получается? Выходит, что отец народа, как олух царя небесного, ничего не понимает в людях: кого ни назначит, все негодяи и мерзавцы. И ведь это не только прокуроры! А сколько он повыгонял министров и всяких других чиновников. Посчитайте-ка, ваше сковородие, сколько задниц сменилось после Бакатина в том кресле, где ныне восседаете вы...

В том явлении вместе со Степашиным народу, о котором упоминалось, вы очень чувствительно и трогательно говорили о том, что моральный уровень Генерального прокурора должен быть высок. Золотые слова! Но вы же не станете отрицать, что моральный уровень отца народа должен быть еще выше, ну, просто должен уходить за облака. Однако что же мы видели и видим?

На каком уровне была мораль отца народа, когда он до того натрескался сорокаградусной, что не смог продрать глаза и выйти из самолета для заранее запланированной встречи с премьер-министром Ирландии? За Скуратовым ничего подобного не числится.

Что можно сказать о моральном уровне отца народа, когда он опять же так налил шары, что на аэродроме в Бостоне, выйдя из самолета, стал мочиться на глазах потрясенного человечества? Ведь Скуратов в этом не уличен.

Достигал ли моральный уровень отца народа заоблачных высот, когда он изрыгал: “Как я сказал, так и будет!” Или: “Отстранить меня от власти может только Господь Бог!” Или: “Разогнать эту Думу к чертовой матери!” Или: “Мы сметем Рохлина!” И тому подобное.

А что касается проказ по женской линии, то Александр Коржаков, одиннадцать лет бывший охранником и постельничим Ельцина, недавно заявил в “Независимой газете” в связи с “делом Скуратова”: “Лучше Борису Николаевичу не трогать эту тему. Опасно!” Это дает основания задать и такой вопрос: “Имеет ли моральное право похотливый павиан, даже если он отец народа, осуждать обыкновенную мартышку?”

Я уж не говорю о моральном уровне отца народа, который он показал всему миру, когда расстреливал Парламент страны или развязал чеченскую войну, — об этом сказано много.

КАКОВ ЖЕ ВЫВОД? А он очевиден. За время своего пребывания на двух высоких и ответственных должностях вам, ваше степенство, не удалось завоевать доверия и расположения народа хотя бы в пределах Садового кольца. А теперь, когда 5 апреля у приемной ФСБ на Кузнецком мосту, то есть у вас под носом, еще и рванул взрыв, вы стали фигурой просто комической. Ведь уже был такой взрыв на том же месте 18 августа прошлого года. А вы со своим дружкой Степашиным продолжали хлопать ушами. Вам, бездельникам,

этого мало! Мало вам и 60-ти сослуживцев, сгоревших в Самаре. Вам бы вот Скуратова на бабе поймать — нет для вас дела важнее и увлекательнее. А взрывы скоро будут греметь у вас под кроватями, в уборных и в холодильниках.

Так вот, у вас только один шанс на спасение: пользуясь своим положением, срочно взять под стражу и отправить в “Матросскую тишину” любимого отца народа, главного виновника всех несчастий родной земли. Только тогда народ, может быть, простит вам все ваше невежество и лакейство, бездарность и убожество.

Конечно, Путин тотчас возразит: “Как можно менять главнокомандующего, когда у порога родины бушует война!” Ничего, можно. Не таких меняли. В начале Отечественной войны 1812 года фактическим Главнокомандующим наших войск был участник многих войн, опытнейший генерал-фельдмаршал Барклай-де-Толли, но дела наши шли прискорбно. И вот 8 (20) августа Александр I назначил Главнокомандующим Кутузова. И что, мусье Путин, это было плохо?

И в 1941 году Главнокомандующими оперативных направлений сперва были назначены маршалы Ворошилов, Тимошенко и Буденный. Они были, пожалуй, не менее опытные, чем Барклай, но и на этот раз дела наши шли прискорбно. И вскоре Сталин заменил старых маршалов молодыми генералами. И что, герр Путин, это было плохо?

А кроме того, Ельцин такой же главнокомандующий, как Бурбулис — политик, как Грачев — полководец, как Козырев — дипломат, как Гайдар — экономист, как Чубайс — реформатор, как Ильюшенко — прокурор, как Якушкин — правдолюб, как Новодворская — мисс мира, как Сванидзе — Аполлон, как Киселев — порядочный человек, как Березовский — бессребреник... Чем скорее все вы сгинете с лица Русской земли, тем отрадней. Этот день, как справедливо сказал народный депутат Василий Иванович Шандыбин, будет величайшим праздником нашего народа.

Мне голос был...

[Вернуться в Линдекс](#)

В.Бушин: «**КАКОВ ЖЕ ВЫВОД?** А он очевиден. За время своего пребывания на двух высоких и ответственных должностях вам, ваше степенство, не удалось завоевать доверия и расположения народа хотя бы в пределах Садового кольца. А теперь, когда 5 апреля у приемной ФСБ на Кузнецком мосту, то есть у вас под носом, еще и рванул взрыв, вы стали фигурой просто комической. Ведь уже был такой взрыв на том же месте 18 августа прошлого года. А вы со своим дружкой Степашиним продолжали хлопать ушами. Вам, бездельникам, этого мало! Мало вам и 60-ти сослуживцев, сгоревших в Самаре. Вам бы вот Скуратова на бабе поймать — нет для вас дела важнее и увлекательнее. А взрывы скоро будут греметь у вас под кроватями, в уборных и в холодильниках.

Так вот, у вас только один шанс на спасение: пользуясь своим положением, срочно взять под стражу и отправить в “Матросскую тишину” любимого отца народа, главного виновника всех несчастий родной земли. Только тогда народ, может быть, простит вам все ваше невежество и лакейство, бездарность и убожество.

Конечно, Путин тотчас возразит: “Как можно менять главнокомандующего, когда у порога родины бушует война!” Ничего, можно. Не таких меняли. В начале Отечественной войны 1812 года фактическим Главнокомандующим наших войск был участник многих войн, опытнейший генерал-фельдмаршал Барклай-де-Толли, но дела наши шли прискорбно. И вот 8 (20) августа Александр I назначил Главнокомандующим Кутузова. И что, мусье Путин, это было плохо?

И в 1941 году Главнокомандующими оперативных направлений сперва были назначены маршалы Ворошилов, Тимошенко и Буденный. Они были, пожалуй, не менее опытные, чем Барклай, но и на этот раз дела наши шли прискорбно. И вскоре Сталин заменил старых маршалов молодыми генералами. И что, герр Путин, это было плохо?

А кроме того, Ельцин такой же главнокомандующий, как Бурбулис — политик, как Грачев — полководец, как Козырев — дипломат, как Гайдар — экономист, как Чубайс — реформатор, как Ильюшенко — прокурор, как Якушкин — правдолюб, как Новодворская — мисс мира, как Сванидзе — Аполлон, как Киселев — порядочный человек, как Березовский — бессребреник... Чем скорее все вы сгинете с лица Русской земли, тем отрадней. Этот день, как справедливо сказал народный депутат Василий Иванович Шандыбин, будет величайшим праздником нашего народа.»

Бушин В.С. "Единственный шанс Путина", "Завтра", №15, 1999 г., 100000 экз., 17,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **ЕСАУЛ КАЛМЫКОВ ПОД НАРВОЙ И В МОСКВЕ**

No: 48(313)

Date: 30-11-99

М.А.ГЛУЗСКОМУ, народному артисту СССР

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ, недавно вы отметили свое 80-летие, а вскоре и мне стукнуло 75. Так что люди мы одного поколения и работаем в близких областях: вы — в кино, я — в литературе. Да еще, оказывается, и живем рядом. Выходит, есть о чем поговорить, хотя и незнакомы лично. Ну, мне-то известна ваша творческая стезя. Я всегда любил вас как артиста, в частности, восхищался тем, как в герасимовском “Тихом Доне” сыграли вы эпизодическую роль есаула Калмыкова, о котором еще скажу дальше. Большим вашим успехом считаю образ академика Сретенского (деда) в фильме “Монолог”. Там еще в 1973 году было предсказано нашествие на нашу жизнь “новых русских” с их безграничным цинизмом и беспощадностью. Эти два образа, по-моему, лучшее, что вы сделали в кино.

Хотел написать вам сразу, как только прочитал в “Новых известиях” ваше юбилейное интервью, но не решился нарушить праздничное настроение. Тем более, что оно, кажется, затянулось: вскоре увидел вас в какой-то телепередаче на грандиозном празднестве по случаю юбилея известной политической профурсетки Яковлева. Надо полагать и профурсетка* почтила своим присутствием ваш юбилей.

Собираясь писать это письмо, захотел выяснить, были ли вы на фронте, чтобы говорить как солдат с солдатом — прямо и ясно. С этой целью заглянул в два современных биографических справочника. Там об этом в статьях о вас — ни слова, даже о службе в армии — ни гу-гу. Странно. Ведь в 1941 году возраст ваш был самый солдатский. И не были вы так знамениты, чтобы советская власть и партия берегли вас от фронта, как, допустим, Шостаковича. Он 4 июля, сразу после великой речи Сталина по радио, выразил готовность (в старых “Известиях”, кстати) идти защищать Родину, но его не пустили. Склоняюсь к тому, что неупоминание о вашем участии в войне есть лишь результат отношения к самой Великой Отечественной словно к какому-то недоразумению, что ли, составителей этих справочников. Ныне подобные составители не диво, можно услышать еще и такие заявления, что это, мол, была война между двумя тиранами... Так что говорить с вами буду как фронтовик с фронтовиком — без утайки, без уверток.

Но вот что еще, замечу походя, поразило меня в этих справочниках. Первый — “Кто есть кто в России и ближнем зарубежье” — вышел тиражом 50 тысяч экземпляров еще в 1993 году стараниями издательского дома “Новое время” при содействии акционерного банка “Деловая

Россия”. Так вот. Статья о вас там есть, а о таких ныне покойных, но тогда здравствовавших творцах русской культуры, как Леонид Леонов, Галина Уланова, Георгий Свиридов, Святослав Рихтер, народный артист Николай Анненков, — ни строчки! Не нашлось места и для таких живых классиков, как Игорь Моисеев, Борис Покровский, Тихон Хренников, не упомянуты Виктор Розов, Евгений Светланов, Ирина Архипова, Герой Социалистического Труда Б.А. Рыбаков, дважды Герой и шестикратный лауреат высших Государственных премий академик Н.А.Доллежал, чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов (Г. Каспаров, разумеется, есть) и т.д.

О вас, Михаил Андреевич, в справочнике сказано: “Отечественный кинематограф нельзя представить без ярких образов, сыгранных этим замечательным артистом”. Прекрасно! А разве можно представить нашу литературу, драматургию без образов, созданных Леоновым и Розовым? А наше театральное искусство, балет, хореографию — без Улановой и Моисеева, без Покровского и Анненкова? А нашу музыкальную культуру — без Свиридова и Хренникова, без Рихтера и Светланова? А науку — без Рыбакова и Доллежала? А шахматы — без Карпова, обладателя девяти шахматных “Оскаров”, что Каспарову и не снилось?

Наконец, можно ли представить и наше кино без ярких образов, созданных, допустим, таким замечательным артистом, как Николай Крючков? А ведь его, тогда живого, тоже не пустили в это культурно-просветительское издание... Так не кажется ли вам, Михаил Андреевич, что оказаться в справочнике, в который демократические держиморды закрыли доступ названным выше славным сыновьям и дочерям советского народа, в том числе вашему старшему собрату Николаю Крючкову, это подобно публичной пощечине или — как порядочному человеку вдруг попасть на юбилей Яковлева, на свадьбу Сванидзе или на поминки Доренко.

Второй справочник — “Кто есть кто в России” — вышел в издательстве “ЭКСМО-пресс” уже в 1997 году. И опять — до чего ж это эскимо недоброкачественное! В нем представлено более 700 лиц. Статья о вас есть. Можно прочитать даже о таких канцерогенных личностях, как Евгений Киселев, Татьяна Миткова, тот же Сергей Доренко. Правда, некоторые существенные обстоятельства в жизни подобных персонажей почему-то умалчиваются. Так, нет ни слова о том, что когда Березовский дает отдохнуть переутомившемуся от брехни Доренко, тот восстанавливает силы для новой бульдожьей схватки с Лужковым “в собственном роскошном доме, расположенном на великолепном участке американской земли, где уже давно живет его семья” (Константин Ковалев. Взгляд из Нью-Йорка. “Молния” № 22’99).

Так вот, хоть и в ущербном виде, но такого пошиба личности представлены, но снова ни Свиридова и Хренникова, ни Крючкова и Анненкова, ни Игоря Горбачева и Архиповой, ни Доллежала и Рыбакова... Вам, полагаю, не слишком-то все же приятно соседство профессиональных лжецов, провокаторов и невежд, но чем же объяснить, что вас предпочли, допустим, Хренникову? Не тем ли, что Тихон Николаевич, будучи с молодых лет коммунистом, и в 85 стоит на своих прежних убеждениях, не суетится, не бегаёт по юбилеям профурсеток, а вы... Однако не будем спешить...

Пожалуй, для полной ясности этого письма надо бы сообщить вам кое-что о себе — не о литературной работе, а просто о жизненном пути. Он не из радужных. Когда было двенадцать лет, умер от туберкулеза на сороковом году отец, оставив троих детей. В молодости он, между прочим, был офицером, кончил Алексеевское императорское военное училище. Но оказаться заодно с вашим есаулом Калмыковым он не мог ни при каких обстоятельствах. В 1917 году, как многие тысячи русских офицеров, как его однокашник по училищу А.М.Василевский, будущий

Маршал, отец встал на сторону народа. А овдовевшая мать была всего лишь медицинской сестрой, но ничего — благодаря Советской власти, за которую вы ныне у молодого поколения прощения просите, все получили образование, вышли в люди. Перед самой войной я окончил школу и вскоре — фронт. Со своей 50-й армией протопал от Калуги до Кенигсберга, а потом — Манчжурия. Ну, после войны — учеба в Литературном институте, работа в газетах и журналах, женитьба, семья, дети... Несмотря на трудности и утраты, порой самые тяжелые, считаю, что прожил счастливую жизнь, хотя, в отличие от вас, не обременен ни почетными званиями, ни увесистыми премиями, ни большими орденами (кроме военных, конечно, да недавнего ордена “Защитнику Советов”, а позже — ордена Сталина). А уж литературная моя работа из этого жизненного пути и проистекает вся...

И ВОТ ЧИТАЮ ваше интервью. Корреспондент Виктор Матизен спрашивает: “Разделяли ли вы заблуждения тех эпох, в которые жили?” Эпох-то у вас было две: большая — советская, социалистическая, и короткая — антисоветская, бандитско-капиталистическая, против которой боролись почти все ваши герои в кино и театре. Но резвый собеседник ваш имеет в виду только первую и, судя по всему, совершенно уверен, что ничего, кроме заблуждений, в ней не было и не могло быть. Вы не спорите, что да, дескать, случались в этой эпохе и заблуждения, но была и великая правда. Более того, вы вполне согласны с беспросветно черным взглядом на недавнее прошлое вашей Родины: “Я повинен в тех временах, когда жил”. Ничего, кроме горького и стыдного ощущения вины, наше прошлое у вас не вызывает.

Дальше вы рассказываете, как прозревали от заблуждений эпохи, которые разделяли: “Взгляните в окно. Вон там была квартира одного известного журналиста, которого в 1937 году репрессировали.” Что за таинственность? Почему уж сейчас-то не назвать этого журналиста, тем более, что он сыграл такую благодатную роль в вашем прозрении? И что значит “репрессировали” — расстреляли? Выселили из Москвы? Отправили в лагерь, как вашего отчима, о котором упомянем позже? В таких вещах, Михаил Андреевич, необходима точность, чтобы не давать повода для спекуляций, которых здесь больше, чем где-либо.

От этого загадочного журналиста вы еще в 20-е годы, т.е. когда вам было лет десять, слышали такие вопли: “Несчастный русский народ! Триста лет татарского ига! Триста лет дома Романовых! И еще триста лет будет терпеть большевиков!” Из этих воплей видно, что сей безымянный печальник русского народа был махровым антисоветчиком, и потому есть основание полагать, что репрессировали его в суровых условиях того сурового времени небеспричинно.

По поводу трехсотлетнего “ига большевиков” вы с удовлетворением заметили: “На деле, правда, оказалось меньше”. А тогда, в двадцатых-то — “Да, я пел “Взвейтесь кострами, синие ночи!” Пионером не был, а пел. И “Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка” пел, хоть не был коммунистом. Пел все, что мне вбили в голову.” Да кто вбил-то, Михаил Андреевич, если вы даже не были пионером, не ходили на их сборы да слеты, не ездили в пионерские лагеря? Не правильнее ли сказать, что песни эти так прекрасны, так соответствовали духу времени, что их могли не петь только такие, как ваш таинственный кухонный трибун...

Вы признаетесь еще и в том, что во все свое беспартийное горло когда-то кричали “Ура Сталину!” Это когда же — при штурме Берлина? Или на съезде Союза кинематографистов, секретарем правления коего состояли? Или при вручении вам Государственной премии?

Хорошо бы уточнить. Я лично, коммунист, ни разу в жизни этих слов раньше не кричал, но теперь, когда на фоне президентов-предателей, премьеров-бездарей, министров-хапуг, губернаторов-лакеев величие сталинской эпохи становится все ясней, — теперь подобные слова живут в моей душе всегда. А если вы, Михаил Андреевич, рассчитывали истошным воплем понравиться начальству, то это всего лишь скорбный факт вашей биографии, и только.

Но время шло, антисоветская пропаганда печальника русского народа делала свое дело: антисоветчина “попадала в голову” вам, как вы говорите. И вот — “У меня голова отряхнулась. Миллионы погибших, среди которых те, кого я знал и в кого верил...” Вы имеете в виду не подлинные миллионы погибших за свободу нашей Родины на войне, а “жертвы сталинских репрессий”. Если подлинные миллионы вы даже не упоминаете, если вашу память тревожат прежде всего эти “миллионы”, то вы должны бы знать, хоть сколько их. Может, 50, как уверяет Явлинский? Может, 66, как божится Солженицын? Может, 110? Ведь называют и такую цифру. А если вы не знаете даже приблизительных цифр, но запросто орудуете “миллионами”, то ведь трудно поверить в искренность ваших чувств, в подлинность вашей боли.

У меня такое впечатление, Михаил Андреевич, что у вас не “отряхнулась голова”, а перетряхнулось и перемешалось все, что в ней было.

Действительно, вы, например, говорите: “Я не могу сказать: лес рубят — щепки летят”. Как это? Почему не можете? Разве не на глазах всего мира, не под носом у вас ельцинский режим так долго рубил американским топором тысячелетний дуб России? Неужто за киношными заботами, юбилеями да премиями ничего и не слышали даже о таких “щепках”, как расстрел сотен ваших соотечественников в Останкине и в Доме Советов? О таких, как гибель тысяч и тысяч ваших сограждан в первой чеченской войне, которую сами кремлевские властители и смастерили? О таких, как ежегодная убыль населения вашей Родины почти на миллион?.. Я уж не говорю о таких “щепочках”, как наш прекрасный Крым или потеря всех друзей и союзников в Европе, как утрата в мире всякого уважения к вашей стране или бедственная жизнь почти половины родного вам народа... Надо уж слишком шибко заюбилеиться, чтобы не видеть всех этих “щепок”, или забыть о них, или по трусости даже не сметь о них упомянуть.

Корреспондент Матизен задал вам характернейший для этой публики и для их прессы вопрос: “Вы помните самый страшный момент вашей жизни?” Не радостный, не яркий, не знаменательный, а именно страшный, жуткий, ужасный... Журналист уверен, что всю жизнь вы прожили под страхом. Это одна из самых замусоленных утех прихвостней ельцинского режима. Вот не далее как на днях выступает по ТВ6 полузабытый титан мысли Олег Попцов, в прошлом отменный комсомольский служака, и объявляет: “В Советском Союзе царил всеобщий страх. На нем он и держался. Горбачев убрал страх — и Союз рухнул...” Свой персональный шкурный страх за место в ЦК комсомола и за крестом главного редактора “Сельской молодежи” (к этой молодежи сей асфальтовый мыслитель не имел никакого отношения) он выдает за повальный страх всего великого народа. Да уж не с того ли страха советские люди и фашистскую Германию раздолбали в прах, и первыми в космос вырвались, и Родину свою сверхдержавой сделали...

Абсолютно уверенный в вашем пожизненном страхе, журналист любопытствует лишь о пикантной частности: когда именно вы сильнее-то всего дрожали, отчаянней всего трепыхались в лапах социализма? Другой на вашем месте дал бы отповедь демократскому нахрапу, сказал бы, что да, порой приходилось и страшно, когда, например, немец стоял под Москвой, да и позже на фронте (если вы были там, а не в Ташкенте), но ведь сколько было и

хорошего, и радостного: разгром фашизма, возвращение домой, интересная учеба у таких больших мастеров, как М.Тарханов, Г.Рошаль, потом — любимая работа, роли чуть ли не в 150 фильмах, звание заслуженного артиста, затем народного, премии, ордена, квартиры, наконец, счастливая семейная жизнь, дети, четверо внуков...

Да, вы могли бы так ответить, но вы прекрасно знаете, что все это ничуть не интересует ни журналиста, ни приславшую его газету. Вы понимаете, кто ваш собеседник и чего именно ждут от вас в газете. И вы приспосабливаетесь, подлаживаетесь к ним, вы говорите именно то, что им надо: “Самый страшный момент? Арест отчима...” В яблочко! Это же их главная драгоценность, золотой фонд, цимис мит компот!..

Однако же рассказ об аресте отчима получился несколько странный, что можно объяснить, пожалуй, тем самым перетряхом в голове, о коем упоминалось. Читаю и глазам не верю: “Ко мне в Москву приехал из Киева дядька, потому что нужно было подтвердить его членство в партии с 1916 года. Абсурд какой-то!” — негодуете вы. Это почему же абсурд? Ведь не затем приехал киевский дядька, чтобы торговать бузиной из вашего огорода, которого у вас нет. Он явился с целью подтвердить свой партийный стаж, который ему дорог. Видимо, он утратил соответствующие документы, а дело давнее. В таких случаях всегда и везде обращаются за подтверждением к свидетелям, коим в данном случае был, надо полагать, ваш отчим. Но дальше действительно начинается абсурд, которого вы не видите. Отчим жил в Ленинграде, и непонятно, почему киевский дядька нагрянул к вам в Москву, а не к нему в Ленинград. Дальше еще абсурднее — появляется “жена отчима”. Что это такое? Ваша матушка или другая женщина? Надо же объяснять! Эта “жена отчима” говорит вам по телефону что-то довольно невнятное, из чего вы заключаете, что отчим арестован, и тут — “со мной была истерика”. С молодым здоровым малым... Ну, такого подарка газета от вас, пожалуй, и не ожидала...

Впрочем, дело не в этом. Я лично смертельный страх впервые пережил в декабре 1942 года под внезапным артналетом в Мосальске, где тогда стояла наша часть. Это был страх за себя... И вот прошло много-много лет. Теперь я в страхе каждый день. И уже не только за себя, но и за всех родных и близких, “за самую милую, за горькую землю, где я родился”, за ее будущее и, конечно, за ее прошлое, которое искажают, чернят, обливают ложью. И вы, артист Глузский, принимаете в этом посильное участие.

Вы, например, говорите на потребу газете об образе Калмыкова в фильме “Тихий Дон”: “Я поражаюсь, как это моего есаула выпустили на экран в 1958 году. Помните, что он говорит красным? “Вы не партия. Вы — банда гнусных подонков. Кто вами руководит? Немецкий генеральный штаб! Ваш Ленин — каторжник, который предал Россию за миллион немецких марок!” Да, примерно, так говорит Калмыков. Ничего не скажешь, крутенько. И ведь вы это сейчас повторяете вроде как истинную правду? Тогда чего ж дали ее в усеченном виде? Калмыков — шпарьте уж до конца! — ведь вот что еще изрыгал: “Большевики... х-х-ха! Ублюдки! Вашу партию, сброд этот, покупают, как блядей. Хамы! Хамы!.. продали Родину!.. Я бы всех вас на одной перекладине. О-о-о-о! Время придет!..”

ПРИШЛО ВРЕМЯ... Бешеные есаулы, захватившие Кремль, ежегодно истребляют по миллиону, десятки миллионов морят голодом, пускают по миру... А вы, маэстро, помогаете им своим словом, когда хотите внушить, в первую очередь молодежи, что появление на экране вашего Калмыкова в 1958 году было каким-то невероятным чудом. С этой целью вы

умалчиваете о том, что ведь роман Шолохова, по которому поставлен герасимовский фильм, вышел еще в 1940 году, а его вторая книга, где этот эпизод, — аж за тридцать лет до фильма. Вот когда появился Калмыков с его проклятьями Ленину и большевикам. С тех пор великий роман издавался миллионными тиражами, обошел весь белый свет. И никто глотку есаулу не заткнул, ибо понимали: это же литературный герой, он может говорить что угодно, в том числе и бешено брехать, как в этом случае. Хотя попытки вообще запретить роман или объявить его белогвардейским — известны. Но Сталин тогда сказал: “Знаменитый писатель нашего времени Шолохов...” И, между прочим, есть основания думать, что в числе обличителей романа был как раз тот печальник русского народа, который вас воспитывал в отрочестве. Поэтому, возможно, вы до сих пор и боитесь назвать его имя. У них ведь это было так же просто, как вам метнуть словцо о “миллионах жертв сталинского террора”: сегодня Ося читал на кухне безумно-гневные стихи о “тонкошеих вождях”, а завтра Ося сочинял пламенную “Оду Сталину”.

Вы уверенно и восторженно продолжаете: “И когда Калмыкова за такие слова тут же поставили к стенке, он не затрясся от страха, а застегнулся на все пуговицы и сказал: “Смотри, сукин сын, как умеет умирать русский офицер!” Да, смелым, отчаянным был сотенный есаул Калмыков, но расстрелял его хорунжий Бунчук не за слова, а, как говорится, “по совокупности” и главным-то образом — за дела.

Кто такой Калмыков? Только что вернувшийся из Петрограда в свою казачью часть под Нарвой посланец, агент генерала Корнилова, которого Временное правительство отстранило с поста верховного главнокомандующего, но он не подчинился и готовил поход на столицу, чтобы задушить революцию. Дело происходит в самом конце августа 1917 года, то есть еще до Октябрьского переворота. Калмыков собрал митинг и прочитал казакам обращение к ним Корнилова, дополнив его своими бурными и решительными призывами присоединиться к генералу: “Сегодня же мы выступаем!”

Тут и случилась первая стычка есаула и хорунжего. Бунчук, конечно, говорил казакам совсем другое: “Вас ведут на братоубийственную войну, на разгром революции”. Но Калмыков напирал: “Что ж, неужели мы будем слушать этого труса и предателя?” Страсти разгорелись. Бунчука едва ли не пристрелили, но в конце концов казаки поверили ему, уважаемому среди них за человечность офицеру. Митинг разошелся.

Но вскоре казак Дугин сообщил Бунчуку, что Калмыков от слов, от агитации перешел к делу: куда-то послал конного гонца и по его приказанию для пешего похода на Петроград уже начали навьючивать на лошадей пулеметы. Тогда и нагрянул хорунжий:

— Калмыков, ты арестован! Руки!

Калмыков прыгнул от лошади, избочился, лапнул кобуру, но вытащить револьвер не успел: выше головы его цвинькнула пуля; опережая звук выстрела, глухо недобрым голосом крикнул Бунчук:

— Руки!..”

Надеюсь, вы понимаете, маэстро, как повернулось бы дело, если Калмыков успел бы вытащить револьвер? Неужели думаете, что, как ваш кухонный печальник русского народа, он стал бы разводиться рацеи: “Несчастный русский народ!..”

А что было дальше? Бунчук не применил оружия, а повел арестованного в ревком гарнизона, то есть хотел передать его в руки войсковой власти. Но “подле станции Калмыков круто повернулся, плюнул в лицо Бунчуку:

— Под-лец!..

Бунчук, уклонившись от плевка, взмахом поднял брови, долго сжимал левой рукой кисть правой, порывавшейся скользнуть в карман:

— Иди!.. — насилу выговорил он.

Калмыков пошел, безобразно ругаясь, выплевывая грязные сгустки слов.

— Ты предатель! Изменник! Ты заплатишься за это! — выкрикивал он, часто останавливаясь, наступая на Бунчука.

— Иди! Прошу... — всякий раз уговаривал тот.

И Калмыков, сжимая кулаки, снова срывался с места, шел толчками, как запаленная лошадь. Они подошли к водокачке. Скрипя зубами, Калмыков кричал:

— Вы не партия, а банда гнусных подонков общества!..”

И дальше все то, что уже было процитировано. А в самом конце — как слепящее пламя ненависти, отрешенности и величия:

“Стреляй, сукин сын! Стреляй! Смотри, как умеют умирать русские офицеры! Я и перед сме-е... Пуля вошла ему в рот...”

Да, конечно, кто спорит, надо бы довести есаула до ревкома и сдать, но надо, Глузский, признать и то, что Бунчук глубоко прав, когда потом сказал Дугину: “Калмыков, если бы его власть, стрелял бы нас, папироски изо рта не вынимая...” Да ведь и сам есаул истошно орал: “Я бы вас всех на одной перекладине!..” Или вы думаете иначе? Так посмотрите, что вытворяет Калмыков теперь, когда захватил власть в Кремле, на телевидении, в банках...

Не было у “Тихого Дона” читателей более пристрастных и ревнивых, чем белоказаки, которые после полного разгрома Белого движения, слившегося с иностранной интервенцией, опозоренные, бездомные, нищие оказались на чужбине. Уже в 1961 году один из них — Павел Кудинов из Вешенской, бывший хорунжий — писал Константину Прийме, известному шолоховеду: “Читал я “Тихий Дон” вздохнул, рыдал-горевал над ним и радовался — до чего же красиво и влюбленно все описано, и казнил — до чего же полынно горька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки — батраки-поденщики — собирались по вечерам у меня в сарае и зачитывались “Тихим Доном” до слез и пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту... Скажу вам, как на духу: “Тихий Дон” потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска наша по России стала еще острее, а в головах посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман Шолохова, как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!), — эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера “дранг нах остен!” был для них гласом сумасшедшего вопиющего в пустыне”.

Да, роман потрясал людские души во всем мире правдой любви и правдой ненависти, подлинностью боли и подлинностью сострадания.

“...Догнав быстро удалявшегося от водокачки Бунчука, так и не сумевшего левой рукой удержать кисть правой, выхватившей револьвер, Дугин твердил: “Митрич... Что же ты, Митрич? За что ты его?..

У Дугина долго тряслась голова, пощелкивали зубы и как-то нелепо путались большие, в порыжелых сапогах ноги...”

“Вы слышите? Грохочут сапоги...” Рядом с малограмотным казаком Дугиным представьте,

маэстро, изысканного поэта Окуджаву, которого так уважительно цитируете:

*Человеческое достоинство —
Загадочный инструмент:
Создается столетиями,
А утрачивается в момент...*

НЕПЛОХО СКАЗАНО. Так вот, ваш любимец, как и солдат Дугин, тоже был однажды свидетелем расстрела. Расстреливали не обезумевшего и готового на все от ненависти врага, а много сотен, по иным сведениям, до полутора тысяч, сограждан, собравшихся со всех концов страны в Дом Советов, чтобы защитить Конституцию Родины, ее честь и достоинство. Расстреливали не в сумбурном припадке взаимной ненависти, не в слепящем параксизме оскорбленности, как там, у водокачки, — нет, расстреливали спокойно, не спеша и вовсе не “прямой наводкой”, как пишут непонимающие, что это приблизительная, “грубая” пальба по близким целям, расстреливали по точной наводке — так, что ни один снаряд не угодил в стену, а только по окнам! Только по окнам, за которыми живые люди!..

Поэт Окуджава созерцал картину по телевидению, может быть, лежа на мягкой грузинской тахте, с фарфоровой чашечкой бразильского кофе в руке, с папироской — в другой...

Потом корреспондент “Подмосковья” обратился к поэту с вопросом: “Что вы чувствовали во время расстрела? Что думаете об этом?” Возможно, он ожидал услышать: “У меня дрожат руки, трясется голова, не попадает зуб на зуб... За что? За что они их?.. Я не могу поверить...” Но поэт ответил четко и радостно: “Расстрел “Белого дома” я смотрел, как финал увлекательнейшего детектива — с наслаждением!” Разве не так же ответил бы и есаул Калмыков?..

Да, человеческое достоинство — загадочный инструмент...

Для меня лично, артист Глузский, результат этого интервью Окуджавы “Подмосковью” и вашего “Новым известиям” — оказался одинаков. В моих глазах оба вы свое достоинство утратили в момент.

Поэтому, когда вы говорите, что теперь, прозрев и “отряхнув голову”, “портрет Ленина я уже не понесу и красное знамя тоже не понесу”, то и хочу вас успокоить: “Напрасные волнения! Теперь никто вам портрет Ленина и не доверит, никогда красное знамя в такие руки не передадут. Да и раньше-то зря делали это”.

Среди обильных наград этого подлого времени вы получили от кого-то еще и приз “Честь и достоинство”. И вот, видимо, считая себя поэтому большим авторитетом в данном вопросе, вы при виде своего ровесника, который просит милостыню или торгует газетами, говорите: “Я никогда бы не вышел с протянутой рукой!” Опомнитесь, Михаил Андреевич, вы уже давно стоите перед режимом с протянутой рукой, но если вашим несчастным ровесникам почти такие же несчастные подают пятаки да семишники, то вам — увесистые премии: “Нику”, эту самую “Честь”, “Кумира”... И все в долларах. Сколько отмусолили хотя бы за “Нику”? Слышал я, тысяч 20? Это на наши-то деньги 500 тысяч. Моя пенсия за четыре года. А она у меня не из последних, ибо ветеранско-инвалидная. А у других?.. После этого у Вас поворачивается язык бросить своим собратьям: “Я очень сержусь, когда мои коллеги позволяют себе говорить, что они “нищие”. Недостойно это”. Конечно, недостойно и даже непристойно, если бы говорили такие ваши коллеги, как братья Михалковы или, допустим, Станислав Говорухин, как Алла Пугачева или какая-нибудь Долина. Но ведь говорят-то совсем другие. Их, живущих за чертой бедности,

то есть получающих, скажем, 500 рублей, когда прожиточный минимум — минимум, чтобы не протянуть ноги! — свыше 1000 рублей, их в стране больше 50 миллионов, и артистов в том числе, то есть каждый второй-третий. Это целый народ такой страны, как Франция. И вас, народного артиста, мультилауреата советских и антисоветских премий, раздражает, когда несчастные отваживаются протестовать против режима, установленного в стране русскими болванами и еврейскими прохвостами хотя бы тем, что они на кухне называют себя “нищими”. Не смей! Да? Однако, несмотря на все ваше вопиющее благополучие, сытость и заласканность режимом, вы, как выясняется, тоже в постоянном страхе, подобно нам, сирым. Вы признаетесь: “Я очень боюсь оказаться в ситуации потери достоинства”. Вы имеете в виду “ситуацию” с рукой, протянутой в прямом смысле, — не в Екатерининском зале Кремля, не на сцене Дома кино, а на улице. Да, именно ту “ситуацию”, о которой сами же и говорили: “Я? Никогда!..”

Увы, в этой “ситуации” сейчас может оказаться кто угодно... У вас четверо внуков? Вот за них, надо думать, вы больше всего и боитесь. А разве знали вы такой страх в советскую эпоху своей жизни, за которую рассыпаетесь мелким кающимся бесом перед матизенами?

И нетрудно представить себе, что настанет день, когда внуки будут просить деда и бабушку, уже проевших свои “ники” и “кумиры”, накормить их, но вдруг окажется, что нечем... Вот тогда-то и настигнет вас подлинный страх, истинный ужас. Это пострашней, чем арест отчима, который, кстати, отсидев какой-то срок неизвестно нам за что, мирно доживал свои дни в Луцке, а вы все уговаривали его покинуть Родину: “Бросай все к черту и поезжай! Хоть поживешь по-человечески”. Здесь-то, мол, человеческая жизнь невозможна. Но отчим, даже, допустим, отсидевший несправедливо, отверг ваши заботливые увещевания...

И тогда-то на девятом десятке, навесив все свои советские и антисоветские медали лауреата, пойдете вы, маэстро, на перекресток улиц Черняховского и Красноармейской, недалеко от которого мы с вами живем, и встанете с протянутой рукой или с консервной банкой... И если мне, коммунисту со значком Ленина и с орденом Сталина на лацкане пиджака, случится проходить мимо, то я не прошепчу: “Всех бы вас на одной перекладине!”, но, коли будет возможность, из сострадания не к вам лично, а к голодным детям — откуда им знать, что их дед оборотень! — положу в протянутую руку или брошу в консервную банку, может, семишник, а то и пятак...

[Вернуться в Линдекс](#)

Автор с горечью пишет о том, как один из не самых последних советских интеллигентов, актер М.Глузский, по мелкому кривит душой, ругает советский период, который дал ему и таким, как он все, в том числе радость творчества и народную любовь. Таким образом, он участвует в разгроме собственной родины и придает своим именем вес лжи антисоветчиков.

Бушин В.С. "[Есаул Калмыков под Нарвой и в Москве](#)", "Завтра", №48, 1999 г., 100000 экз., 31,0 Кб.

Смотри также

[Деградация](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **ЗАЧЕМ ВЗРЫВАТЬ СИНАГОГИ?**

No: 20(233)

Date: 19-05-98

В “Правде пять” 31 марта и 1 апреля этого года была напечатана большая интересная статья ее главного редактора Владимира Ряшина. Она явилась плодом поездки журналиста в Китайскую Народную Республику и на Тайвань. В конце первой части статьи есть такие строки: “На Тайване с молодых ногтей постигают смысл одного из ключевых пунктов программы “Объединенного союза”, созданного Сунь Ятсеном: “Китай должен быть государством китайцев, и управлять им должны китайцы”. А в КНР никогда не забывают лозунг: “Да здравствует великое сплочение китайской нации!” В. Ряшина восхищает и то, и другое, но он пишет: “Не задаю риторического вопроса: кто из официальных лидеров России способен озвучить все это на русский лад? Никто...” Однако прошло всего десять дней и нашелся руководитель, который не где-нибудь, а на страницах именно ряшинской “Правды” высказал мысли, весьма созвучные тому, что китайцы постигают с молодых ногтей. Это глава администрации Краснодарского края и депутат Федерального собрания страны Николай Игнатович Кондратенко. 10 апреля под заглавием “Не надо пугаться, не надо опускать голову” он напечатал в газете свое больше выступление на встрече с делегатами конференции Патриотического союза молодежи Кубани, состоявшейся недавно в столице края. Через несколько дней это выступление вместе с более ранним появилось в “Завтра” под заголовком “Спасти Отечество!” Главное в обоих выступлениях — еврейский вопрос, которого, по уверениям некоторых мыслителей, у нас не существует.

На таком уровне сей вопрос в нашей стране поднимается впервые. И в этом смысле, пожалуй, статьи-выступления Н. Кондратенко правомерно поставить в один ряд с такими акциями за рубежом, как знаменитая книга Генри Форда “Международное еврейство” в США в 1920 году, известные доклады и выступления в шестидесятые годы первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки в Польше, недавняя книга Роже Гароди “Основные мифы израильской политики” во Франции, нашумевшая работа Юргена Графа “Миф о Холокосте” в Швейцарии.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЖИ
И СТЯПЧИЕ**

Немало евреев находилось на руководящих постах и при Ленине, и при Сталине. Но в большинстве своем они были патриотами, знатоками порученного им дела, самоотверженными работниками. Взять, допустим, М. М. Литвинова, почти десять лет работавшего наркомом иностранных дел. Да, это еврей Меир Моисеевич Валлах, но еще и цепной пес на страже государственных интересов СССР. Он вступил в партию еще в 1898 году, до революции у него за плечами было почти двадцать лет напряженной и опасной подпольной работы, аресты, эмиграция, нелегальное возвращение на Родину. В первые годы революции — полпред в Англии, в Эстонии, потом почти десять лет работал заместителем наркома, и только после всего этого его назначили наркомом. Сравните его с недавним коллегой и соплеменником Козыревым. Никому не ведомый чиновник, ничем не примечательная личность, он был извлечен Ельциным из недр МИДа и посажен вершить дипломатию великой державы! А на самом-то деле он больше всего своей податливостью, своей любезностью нравился американцам — так нравился, что президент США, как известно, умолял нашего не трогать это сокровище и не гнать в шею, а наш 3 января 1993 года рассыпался мелким бесом по телефону: “Вы просили оставить на месте Козырева, и я выполнил вашу просьбу...” Словом, Литвинов и Козырев — это горный орел и цыпленок из инкубатора на Смоляге.

А вспомним Кагановича. Хотя бы то, что многие годы в мирное и военное время он руководил огромным и сложнейшим железнодорожным хозяйством великой страны, и поезда ходили безотказно, росла железнодорожная сеть, за ничтожную, по сравнению с нынешними ценами, сумму можно было купить билет хоть на край света. Под его руководством построен в Москве до сих пор лучший в мире метрополитен. А еще попеременно он был наркомом и тяжелой промышленности, и топливной, и нефтяной, и строительных материалов, да к тому же — заместителем председателя Совмина, секретарем ЦК, секретарем МГК, в годы войны — член Государственного комитета обороны. Лазаря Моисеевича знала вся страна. А кто у нас ныне министр, хотя бы топливной промышленности? Браверман, что ли? Или как раз вот этот Кириенко был, что выскочил сейчас, как черт из табакерки, и — опять без малейших колебаний и сомнений! — рвется к посту даже не заместителя главы правительства, коим был многоопытный Каганович, а к высочайшему креслу самого главы!

Если вспомнить из прошлого еще несколько еврейских имен, то что, кроме восхищения и благодарности, могут вызвать у нас хотя бы, допустим, знаменитый физик Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинских и Ленинских премий А. Ф. Иоффе, один из создателей нашей атомной бомбы трижды Герой Социалистического Труда Ю. Б. Харитон, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Д. А. Драгунский, генерал армии Герой Советского Союза Я. Г. Крейзер, летчица Герой Советского Союза П. В. Гельман, великий шахматист М. М. Ботвинник, замечательный композитор И. О. Дунаевский, певец Большого театра М. О. Рейзен, имевший не только три Сталинских премии и два ордена Ленина, но еще и два Георгиевских креста, легендарный тяжелоатлет Г. И. Новак и т. д.

И сравните их с евреями ельцинской тотальной мобилизации. Ведь здесь олух на олухе сидит и олухом погоняет. Взять, допустим, самого корифеистого из них — Гайдара. Можно сопоставить его, например, с милым соплеменником Гришей Новаком? Можно. Тот свое дело знал туго и более ста раз повышал мировые и всесоюзные рекорды. А этот в таких табакерках улучшенной планировки, как “Правда” и “Коммунист”, всю жизнь занимался экономикой, но так

и не извлек из нее ничего, кроме докторского звания, но когда выскочил из приоткрытой “новым мышлением” щелки и Ельцин спросил его: “Фемистоклюс, хочешь быть главой правительства России?” Он, как все они, тотчас выпалил: “Хочу!” А когда стал главой и объявил “либерализацию цен”, то уверенно провозгласил: “Цены поднимутся раза в два-три, и после этого вскорости начнется небывалый экономический подъем и наступит “золотой век”. И что же мы увидели? Цены подскочили не в два-три, а в сотни, в тысячи раз, сожрав все сбережения народа, и никаким подъемом до сих пор не пахнет нигде, даже в спальне президента. И это, повторю, самый крупногабаритный, по словам Ельцина, самый умный из всех обитателей табакерки.

Нельзя не отметить еще одно различие. В советское время многие известные евреи бывали за границей, порой жили так годами — продолжали образование, ездили в командировки, на спортивные соревнования, на конкурсы, на гастроли и т. п. Допустим, упоминавшийся физик А. Ф. Иоффе несколько лет жил в Германии, работал в Мюнхенском университете: знаменитый авиаконструктор М. И. Гуревич полтора года стажировался на авиационных заводах в США; физик Л. Д. Ландау по путевке наркомпроса набирался ума и опыта в Германии, Дании, Англии, Швейцарии; Илья Эренбург объездил весь мир и чуть не полжизни провел во Франции, жили за границей и упоминавшийся Ю. Б. Харитон, и Б. Л. Пастернак и т. д. Но вот что показательно: в противоположность многим евреям ельцинского призыва, всем этим кохам и бревновым, не было ни у кого из них ни счетов в иностранных банках, ни жен-иностранок, а уж иметь двойное гражданство никому и в голову не могло прийти!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ КРЕМЛЯ

И вот такие злокачественные персонажи мельтешат ныне повсюду. Но этого мало! Ельцин ставит их на самые важные, ответственные, но и самые безнадежные посты, их устами оглашает наиболее бесстыдную ложь, их руками делает особенно грязную работу. Разумеется, это есть ни что иное, как государственный антисемитизм, разжигание его в крайне изоциренной и коварной форме. А в самом деле, что, кроме ненависти народа, могли и могут вызвать, допустим, премьер Гайдар, очистивший все наши сберкассы и продолжающий болтать о прогрессе, или вице-премьер Чубайс, сперва вравший, будто ваучер это две “Волги”, а потом подаривший за 5-10 процентов стоимости наши фабрики и заводы бывшим комсомольским активистам. Но ни эти два корифея, ни Немцов, прозванный Купидоном, ни все лившицы, одержимые сиюминутной выгодой и хватательным рефлексом, не видят коварства Ельцина, не понимают, что рано или поздно гнев терпеливого русского народа обрушится со страшной силой на их некрепкие головы, черные и рыжие, кудрявые и лыдые. Гнев народа может перекинуться и на ни в чем не повинных евреев. Ельцин не так дремуч, как выглядит. Евреи требуют ему в неограниченном количестве так же, как многим королевским дворам средневековой Европы требовалось швейцарские ландскнехты и кондотьеры, как Ленину пригодились латышские стрелки. Но порой Ельцин все же не выдерживает своего

“цивилизованного антисемитизма” и время от времени учиняет открытые мини-погромы. Так, в свое время взял, да и безо всяких объяснений выставил на улицу несчастную Галину Старовойтову, числившуюся у него советником по национальным вопросам. По каким же еще! А совсем недавно, как пишут наши и зарубежные газеты, позвонил Борису Березовскому и сказал: “Слышал я, милейший, что у вас тут, в нашей России-матушке, собственности много. Заводы, нефтяные промыслы, телевидение... Так вот, в некий час “икс” все это у вас может исчезнуть. Как дым, как утренний туман, как Чернобырдин из правительства. Останетесь в одних кальсонах с кофемолкой в руках. Еще говорят, что вы финансируете этого неандертальца Лебеда. Это вам даром не пройдет! Если не прекратите свои еврейские штучки, я вас вышвырну из страны, как неандертальца вышвырнул из Совета безопасности”. И ведь мало того, не только наговорил подобных страшных гадостей бедному Абрамычу, но потом еще и рассказал об этом космонавтам, которым вручал награды!.. Но, конечно же, повторяю, это лишь маскировка, и положение остается невыносимым.

КАЗАЧКА СТАРОВОЙТОВА ВЕРХОМ НА ВОЖДЯХ

Казалось бы, возвысить голос тревоги первыми должны писатели. Н. И. Кондратенко назвал четырех: самая что ни на есть “совесть народа”. Но, увы, в их словаре и слова-то “еврей” нету. Уж до того деликатны, что даже по телефону говорят: “Ну, ты знаешь, я имею в виду людей определенной категории”. Кому как не им бросить бы в массы четкий лозунг: “Долой кремлевского антисемита!” Или — “Все — на спасение трудящихся евреев от их слабоумных родичей в “Белом доме!”

А они вместо всего этого декламируют со страниц самой многотиражной газеты оппозиции: “Никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки”. Что за чужаки? А догадайся, мол.

Ну, уж если не писатели, то всенепременно должны бы ударить в набат коммунисты, вдохновленные своими учителями. Я уж не назираю на Маркса, который говаривал: “Нас пленяет эта работа — называть вещи своими именами. И написал знаменитую работу — “К еврейскому вопросу!” Но даже деликатнейший Плеханов, женатый, между прочим, на еврейке, не постеснялся сказать, что сионисты-бундовцы хотят “утвердить Сион не в Палестине, а в пределах Российского государства” (Соч. М.-Л., 1926, т. 13, с. 165). А Ленин был еще круче. “Дорогие друзья! — писал он в 1913 году из Кракова. — Если молчать, то еврейские марксисты завтра верхом будут на нас ездить... Бунд приспособливает социализм к национализму”. (ПСС, т. 48, с. 134-135)

Но вот пришло время, и не марксисты, а демократы еврейские уже едут на нас, на всей России верхом. И где же ученики Маркса, Плеханова и Ленина? Уж дальше-то чего ждать? Когда Старовойтова в прямом смысле оседлает нас и станет погонять Буничем?

И вот, не дождавшись ни писателей, ни коммунистов, в защиту евреев от кремлевского антисемита сказанул словцо губернатор пятимиллионного Краснодарского края. Сразу замечу,

что кое в чем я тут не согласен. Раз уж только что была упомянута “бундовская сволочь”, то начну с утверждения автора о том, что “в Бунде состоял и Владимир Ильич”. Но потом он “резко порывает с сионизмом”.

Ни в каком Бунде Ленин не состоял, никаким сионистом быть не мог.

За словами о принадлежности Ленина к тем, кого он сам называл сволочью, видимо, стоит намек на старые побасенки о еврейском происхождении Владимира Ильича со стороны матери Марии Александровны, урожденной Бланк. Первым, кто захотел копаться в генеалогии Ленина, был Н.В. Валентинов (Вольский. 1879-1964), большевик, ставший меньшевиком, с 1930 года эмигрант, автор книг “Мои встречи с Лениным”, человек интеллигентный, образованный, знающий, что такое исследовательская работа.

Валентинов пришел к выводу, что Бланк не еврей. Во-первых, писал он, “плохо согласуется с его еврейством женитьба на немке Анне Ивановне Грошофф из явно состоятельной и по тому времени очень культурной семьи”. Во-вторых, “трудно допустить, что в начале XIX столетия, при Николае I, еврей мог быть в Петербурге семь лет полицейским врачом”. Наконец, в-третьих, “уж совсем нужно отвергнуть мысль, что еврей, даже крещеный, мог в то время стать владельцем крепостных душ”. (Н. Валентинов. Недорисованный портрет. М., 1993. Стр. 365, 366, 387). В последнем доводе имеется в виду тот факт, что А.Д. Бланк в 1847 году купил имение Кокушкино.

После смерти Ленина ЦК партии поручил его сестре Анне Ильиничне Елизаровой собирание документов по истории семьи Ульяновых. В архиве департамента полиции ей сообщили, что Бланк был крещеным евреем, уроженцем Житомира. Она добивалась у Сталина согласия на публикацию этого великого открытия. Но говорят, что тиран ответил: “Это не прибавит народной любви ни Ленину, ни евреям”.

С тех пор, то затихая, то оживляясь бродили смутные слухи. Уже в наши дни за дело взялась М. Бычкова, специалист по генеалогии. Она установила, что Бланков было несколько, но тот, что купил Кокушкино, “происходил из православного купеческого рода. Начав службу в 1824 году, он в 40-е дослужился до чина надворного советника со старшинством (подполковник), который давал ему право на потомственное дворянство”. (Поиск № 37. 17-23 сентября 1993). Как известно, Илья Николаевич Ульянов, отец Ленина, дослужив до чина действительного статского советника, тоже имел дворянское звание. Вот такие щирые евреи толпились за спиной Владимира Ильича. Так что он с полным правом называл себя великороссом и писал, что нам, великороссам-марксистам, национальная гордость вовсе не чужда.

БЫЛ ЛИ ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ ИДИОТОМ ХОТЯ БЫ ОТЧАСТИ?

Вот справочник “Евреи в русской культуре” (И., 1996), составленный журналистом А.Ф. Козаком. Анатолий Федорович в великой печали: “Сегодня евреев около полумиллиона, в 280 раз меньше всех россиян...” Если так, то почему же их на телевидении в 140 раз больше всех россиян? Ответа нет, продолжают стелания: “Еврейство в России завершает свой короткий

век. Еще два-три десятка лет — и евреи станут на евразийских просторах СНГ реликтами...” Какой кошмар! Допустим, как уже сейчас — выхухоли. Однако, сдается нам, есть основание полагать, что на телевидении их и тогда будет в 70 раз больше всех россиян.

Но Козак безутешен и жаждет хоть как-то помочь беде: “Пока не поздно(!), надо рассказать о представителях этноса, тающего буквально на глазах, подобно последней апрельской льдинке...” Представляете, адвокат, именующий себя Макаровым, — апрельская льдинка? В чем же, однако, причина столь достослезного настоящего и столь трагического будущего? А это, говорит, “результат постоянной антисемитской пропаганды и юдофобской политики коммунистического правительства”. Но кто занимался антисемитской пропагандой, кто проводил зверскую политику — кровавый Лев Троцкий? Жестокий Лев Каменев? Коварный Лев Мехлис? Или притворившиеся ягнятами Лев Маневич, Лев Ландау, Лев Кербель?

“Останавливаться на этих факторах не входит в нашу задачу”, — тут же потупил очи Анатолий Федорович. Едва ли ответит он на вопрос и о том, как при постоянной антисемитской пропаганде и юдофобской политике ему лично удалось стать автором сценариев около десятка художественных фильмов, свыше ста документальных и научно-популярных, да еще отхватить премию? Я уж не спрашиваю о том, как удалось при антисемитской власти так отменно преуспеть в жизни и работе более чем тысяче евреев, включенных в справочник — народные артисты! герои! мультиорденоносцы! суперлауреаты! — и сотням тысяч, не оказавшихся там.

Взять из козаковского справочника хотя бы тоже сценариста Е. Габриловича как дольше всех прожившего — до 94 лет! — в тисках антисемитского режима. Накатал (да, именно накатал, как оказалось) штук двадцать сценариев и не меньше книг прозы. Наиболее обстоятельно его необъятные писания исследовали знаменитые датские кинокритики И. Розенфельд и М. Гольденберг (настоящие фамилии Розенкранц и Гильденштерн). Они пишут: “В центре внимания Габриловича — простой и скромный советский человек, способный совершить подвиг во имя народа и революционного долга”. Да, да, это и видим мы в фильмах по его сценариям. Кто не помнит, например, фильм “Коммунист”, “достоверно рассказывающий о героических буднях 1919 года” (Розенкранц), или “Твой современник”, “взволнованно повествующий о гражданском мужестве, партийной принципиальности коммуниста — сына коммуниста 20-х годов” (Гильденштерн). Сценарист особенно преуспел в разработке темы революции, образов большевиков, В.И. Ленина: “Рассказы о Ленине”, “Ленин в Польше”, “Ленин в Париже”. Разумеется, получил он Золотую Звезду Героя, полдюжины Сталинских и Ленинских премий, полпуда высших орденов и кучу всяких почетных званий.

Но вот за несколько месяцев до его смерти ему предложили принять участие в качестве “документального персонажа” в фильме Александра Иванкина “Монстр”, снятом на американские деньги. Что за монстр? Да, конечно, Сталин. И вылез Мафусаил из-под груды советских орденов, премий, звезд и прошамкал, имея в виду жизнеутверждающее советское искусство: “Я удивляюсь, неужели мы были раньше такими идиотами!” Нет, никаким идиотом он не был, когда сочинял все свои сценарии и книги, а потом бегал трусцой в Кремль за орденами и премиями. Не был он идиотом и перед смертью, прикидываясь идиотом. Всю свою столетнюю жизнь прожил он холуем и прихлебателем советской власти. Как же не внести такого монстра, такую сосульку в бессмертную книгу “Евреи в русской культуре”. Типичнейшая фигура!

ЗИНОВИЙ ВЫСОКОВСКИЙ КАК СОКРОВИЩЕ ЗОЛОТОГО ФОНДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Но под одной обложкой с Габриловичем в книге Козака оказались и вполне достойные люди, в частности, и те, кто внес вклад в русскую культуру совсем не как еврей, И.А. Моисеев, М.П. Болдуман, а сверх того знаменитый ученый, нобелевский лауреат Илья Ильич Мечников, известный поэт Владислав Фелицианович Ходасевич, прославленный композитор и дирижер народный артист СССР Рейнгольд Морицевич Глиэр и еще десятка два-три достаточно известных деятелей науки и культуры. Отменный улов! Странно, что не оказалось еще героя Отечественной войны генерала Льва Доватора, его тоже обычно зачисляют. А кроме того, пожалуй, отчасти портит картину включение в столь почетный справочник довольно многих лиц бесспорного происхождения в виду некоторой эфемерности их вклада в русскую культуру. Вот, допустим, эстражник Зиновий Высоковский. Так ли уж весом его вклад? А какой след в русской культуре оставила Е.И. Бронштейн, старший редактор журнала “Животноводство”? Или журналист Д.Л. Блувштейн, о котором составитель только и смог сказать, что вся его жизнь была связана с “Медицинской газетой”? Едва ли такие льдинки и сосульки украшают фундаментальный труд А.Ф. Козака.

Само собой разумеется, что составитель словаря без колебаний рекрутирует в свой легион и полукровок. Его весьма огорчает не только само по себе “колоссальное, не поддающееся учету количество смешанных браков”, но особенно то, что в них, по его словам, “дети-полукровки почти никогда не получают национальность еврейской половины, бесследно смешиваясь с другими народами”. Борясь против этой несправедливости, он поместил в словаре писателей Василия Аксенова, Владимира Войновича, Анатолия Гладилина, Викторию Токареву, критиков Льва Аннинского, Игоря Золотусского, артистку Татьяну Самойлову, шахматиста Каспарова, фигуристку Ирину Роднину.

Не внес, говорит, только тех, кто “решительно отказался от еврейства”. Что ж, похвально... Однако остается загадкой, как удалось установить, что не русским, а евреем считал себя, скажем, художник Валентин Серов, умерший в 1911 году, и многие другие, умершие позже, но наверняка раньше, чем Козак задумал свой словарь, — писатели Борис Горбатов, Юрий Трифонов, поэт Владимир Высоцкий, артист Андрей Миронов. Я знал Юрия Трифонова лет 35 и ни разу не слышал, чтобы он называл себя евреем. Трудно вообразить с таким признанием на устах, допустим, и Владимира Высоцкого, да и других из этого списка.

[Вернуться в Линдекс](#)

В “Правде пять” 31 марта и 1 апреля этого года была напечатана большая интересная статья ее главного редактора Владимира Ряшина. Она явилась плодом поездки журналиста в Китайскую Народную Республику и на Тайвань. В конце первой части статьи есть такие строки: “На Тайване с молодых ногтей постигают смысл одного из ключевых пунктов программы “Объединенного союза”, созданного Сунь Ятсеном: “Китай должен быть государством китайцев, и управлять им должны китайцы”. А в КНР никогда не забывают лозунг: “Да здравствует великое сплочение китайской нации!” В. Ряшина восхищает и то, и другое, но он пишет: “Не задаю риторического вопроса: кто из официальных лидеров России способен озвучить все это на русский лад? Никто...” Однако прошло всего десять дней и нашелся руководитель, который не где-нибудь, а на страницах именно ряшинской “Правды” высказал мысли, весьма созвучные тому, что китайцы постигают с молодых ногтей. Это глава администрации Краснодарского края и депутат Федерального собрания страны Николай Игнатович Кондратенко. 10 апреля под заглавием “Не надо пугаться, не надо опускать голову” он напечатал в газете свое больше выступление на встрече с делегатами конференции Патриотического союза молодежи Кубани, состоявшейся недавно в столице края. Через несколько дней это выступление вместе с более ранним появилось в “Завтра” под заголовком “Спасти Отечество!” Главное в обоих выступлениях — еврейский вопрос, которого, по уверениям некоторых мыслителей, у нас не существует.

На таком уровне сей вопрос в нашей стране поднимается впервые. И в этом смысле, пожалуй, статьи-выступления Н. Кондратенко правомерно поставить в один ряд с такими акциями за рубежом, как знаменитая книга Генри Форда “Международное еврейство” в США в 1920 году, известные доклады и выступления в шестидесятые годы первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки в Польше, недавняя книга Роже Гароди “Основные мифы израильской политики” во Франции, нашумевшая работа Юргена Графа “Миф о Холокосте” в Швейцарии.

Автор приводит многочисленные примеры евреев, которыми Россия может гордиться (в сталинское время, в основном) а также евреев, которые бросили тень на свой народ (в ельцинское время). Приводит доказательства о нееврейской родословной Ленина. Разумно требует избирательно подходить к еврейскому вопросу.

Бушин В.С. "Зачем взрывать синагоги?", "Завтра", №20, 1998 г., 100000 экз., 22,0 Кб.

Смотри также

[Евреи](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **КУЛЬТУРКИ НЕ ХВАТАЕТ...**

No: 3(320)

Date: 18-1-2000

11 ЯНВАРЯ МНЕ ПОЗВОНИЛ мой добрый друг Игорь Ляпин: "Старик, зайди в Союз писателей. Тебя здесь ждет персональное приглашение в Кремль. С тобой хотят встретиться патриарх и Путин". Я опешил. Что такое? Знать, где-то медведь сдох. Ельцин, именовавший себя верховным главнокомандующим, к каждому Дню Победы присылал записочки: желаю, мол, здоровья и благоденствия, как самому себе, драгоценному. Но рюмочку пропустить, побеседовать, чайку попить с баранкой ни разу не пригласил, ханыга. Видно, боялся за рюмкой расслабиться и проговориться, сколько они там с Пал Палычем рассовали по разным углам подлунного мира моих кровных. А тут! Я обомлел... Что ж, говорю, меня одного приглашают? Оказывается, нет, многих из нашего Союза. Все равно интересно. Ведь тот-то одних лишь своих собирал: Марка Захарова, Вознесенского с женой, говорящей человеческим голосом, Михаила Глузского, до восьмидесяти лет остававшегося латентным антисоветчиком, и тому подобную художественную публику. Говорят, и баранки выставлял на стол.

Ладно, поехал я в Союз, взял роскошный билет-приглашение, почему-то зеленого цвета, как мусульманское знамя, с двуглавым ельцинским орлом и с обращением "Господину Бушину В.С." Дожил на восьмом десятке! Как у них просто. Новый демократический вариант старой теории "стакана воды": был член Политбюро — стал антисоветчик, вчера "товарищ" — сегодня "господин", совсем недавно — красная звезда да серп и молот, сейчас — двуглавый. А ведь за всем этим живые люди, в том числе не только школьники, за этим прожитые жизни, присяги, привычная форма одежды, ордена...

Что ж, мне было о чем поговорить и с патриархом, и с ельцинским выдвигенцем в президенты. Я подумал, что патриарха спрошу, например, за что он, будучи в Германии, приносил извинения немцам, коих мы, вопреки их отчаянному сопротивлению, стоившему нам миллионов и миллионов жизней, спасли от фашизма — за это, что ли? Спрошу еще, помогают ли ему американские раввины в борьбе против антисемитизма в России, о чем он просил их в США. Наконец, уверен ли он и теперь, после отставки Ельцина, что в свое время выразил волю всех верующих, когда в день тезоименитства названного субчика на глазах всего народа подарил ему золотую статуэтку равноапостольного князя Владимира Святого, чувствительно присовокупив при сем: "Вы уж простите меня, Борис Николаевич, за стариковскую бесцеремонность, но не могу удержаться и не и не сказать вам прямо в глаза: вы у нас теперь — чудным образом воскресший из мертвых князь Владимир Красное Солнышко. Истинно говорю вам! Солнышко №2-бис..."

Кое о чем спросил бы я и Владимира Путина. О том, например, с какой стати отставной инвалид Ельцин со свитой, по зарубежным данным до 180 гавриков, прокатился в Святую землю за народный счёт? Ведь один лишь авиабилет — тысяча долларов, да еще проживание каждого гаврика в люксовском номере суперотеля "Хилтон", да еще жратва. Одного Чубайса прокормить чего стоит. Он, говорят, за единый присест полпоросенка весом с Гайдара съедает.

Во сколько же обошелся этот богопротивный вояжик вчерашних членов “Союза воинствующих безбожников” народу и стране, где 50 миллионов бедствующих и голодающих?

Вот Евгений Евтушенко, пламенный певец коммунизма, обитающий ныне в США (там освободилось место Виталия Коротича, вернувшегося в Киев, где редактирует ныне газету “Бульвар”, нашел, наконец, свое истинное призвание!), подал в эти дни голос из-за океана. Начал, как всегда, с хлесткого вранья: “В романе Дудинцева “Не хлебом единым” мальчишки подбирают на снегу около вокзала апельсиновую кожуру и с любопытством нюхают этот неизвестный им фрукт”... Есть в романе и снег, и апельсиновая кожура, но нет нюхающих её мальчишек как символа нищеты и дикости. Это вранье о прошлом, а дальше уже о дне нынешнем: “Сегодняшнее “младое племя” России, слава Богу, не знает, что такое очереди за апельсинами и бананами”... Да, названные 50 миллионов не знают ныне очередей за апельсинами, но и о самих апельсинах знают разве что по роману Дудинцева.

Спросил бы я еще у Путина, чего это ради отставному держиморде предоставляют в Кремле персональный кабинет, оборудованный как президентский, включая не только теплый санузел, но и узел космической связи. Уж если старцу так трудно расстаться с Кремлем, выдайте ему тулуп, автомат Калашникова и поставьте у Спасских ворот, пусть стоит, в кулак дует. Это ж гораздо легче для казны. Ну можно еще сотовый телефон выделить для переговоров с супругой да с Бородиным, и все. Интересно бы узнать также, где на душу населения приходится больше демократии: в огромной России, где отставного забулдыгу объявили неприкасаемой священной коровой, как и весь его коровник, или, например, в небольшой Германии, где отставного канцлера Коля за финансовые проделки привлекают к суду и обещают ему, Отцу народа, пять лет на нарах. В нашей необозримой России, где отныне никого из обитателей помянутого коровника нельзя даже привлечь к допросу, или, допустим, в крошечной Южной Корее, где недавно за превышение полномочий приговорили к смертной казни двух подряд президентов, но казнь, правда, то ли отложили, то ли заменили тюрьмой, то ли ждут, чтобы в компании с Ельциным. Ах, если бы получить ответ!

И ВОТ В НАЧАЛЕ СЕДЬМОГО я в Кремлевском дворце съездов. Народу — тьма. И всё какие фигуры! Общеизвестные и важные, как субъекты Федерации! Одних бывших премьеров целая охапка. И политики, и писатели, и артисты, и бесчисленные президенты бесчисленных фондов, и просто белокрылые ангелы, на которых печать негде ставить. Давненько не бывал я в таком бомонде. Невольно вспомнились строки Хомякова, о котором мы и дальше упомянем:

**Народом полон Кремль великий,
Народом движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звон и громы торжества...**

Вот прошелестел мимо белоснежными крыльями знаток Макиавелли и Мао Цзэдуна, несбывшийся академик Федя Бурлацкий, как всегда, с молодой дамой. А это кто — в кирзовых сапогах и при бабочке? Никак подзабытый писатель Василь Быков? Каким ветром занесло из Финляндии, куда он сбежал от ужасной жизни в родной Беларуси, словно какой-нибудь Собчак в Париж? А, впрочем, как не сбежать, если сограждане пропускают мимо ушей то, говорит, “что

исходит от современного апостола Белоруси, от Зенона Позняка". Оный Зенон, как известно, тоже сбежал, но на другой конец света — в США. Поди, вместе с Евтушенкой пока едят там апельсины бочками, но скоро, ей-ей, будут лишь нюхать кожуру или откроют тараканы бега, или начнут мастерить тряпичные петрушки в образе Ельцина да Шушкевича и ходить с ними по базарам, выкрикивая по примеру славного генерала Черноты:

**Не рвется, не ломается,
А только кувыркается!**

Так Быков это или нет? Уж больно ликом страшен, словно вся злоба и желчь вылезли наружу. И нос, как морковь, сделался. С чего бы уж нос-то? Вполне возможно, что Быков и есть. Он недавно прикатил в Москву, и в самом Большом театре в присутствии самого Бориса Николаевича сама Зоя Борисовна Богуславская, автор знаменитой трагедии "Контакт" и эпопеи "Транзитом", а ныне говорящая жена самого Андрея Вознесенского, вручила ему Девятого января, в Кровавое воскресенье, премию "Триумф". Это, как пишет газета "Культура", "одна из самых таинственных премий". Действительно, членами жюри состоят двадцать будто бы всем известных и признанных "выдающихся деятелей российского искусства", они тайно выдвигают кандидатов на премию, никакого публичного обсуждения кандидатур не устраивают, "обсуждение проходит в обстановке строгой секретности", и даже стенограммы и протоколы заседаний не ведутся. Что такое? Как в масонской ложе. И при этом кое-кто еще то и дело потешается над приверженностью коммунистов к секретности! Уж со Сталинскими-то премиями во времена ужасного культа ужасной личности всё было наоборот. Публиковались имена кандидатов и тех, кто выдвинул, и шло долгое обсуждение в газетах, журналах, на радио, и знали мы наперечет членов Комитета по премиям. А тут — на тебе, сплошная непроглядная демократия, а все делается под ковром! Здесь сама собой напрашивается такая перпендикулярная параллель: процессы 30-х годов, которые проходили открыто, публично, в присутствии представителей советской и зарубежной прессы, и — тайная подковерная работа яковлевской Комиссии по реабилитации.

Остается добавить, что фонд Сталинских премий составляли гонорары за издания произведений И.В.Сталина, а фонд "Триумфа" — 250 тысяч долларов каждый год на пятерых — карманные деньги всем известного благодетеля Бориса Абрамовича.

Как известно, Сталин помогал многим. Только что в "Досье" №3, выпускаемом "Гласностью", напечатано его письмо другу молодости Петру Каканадзе, пережившему пожар:

"Петр, здравствуй.

Как видно, мою телеграмму получил. Посылаю 2 тысячи рублей. Больше нет у меня. Эти деньги из моего гонорара. В основном гонорары мы здесь не получаем, только в исключительном случае получаем иногда. Для меня твоя беда — исключительный случай, и поэтому я взял гонорар, чтобы использовать для тебя. Кроме этих денег, тебе дадут в долг 3 тыс. рублей, я об этом говорил Берия (секретарю областного комитета Закавказья). И он дал слово: "обязательно выполню".

Итак: 2 тыс. рублей получай как дружеский подарок от меня и 3 тыс. руб.— как долг.

Живи долгие годы.

Твой Сосо.

7.12.33з.”

В архиве Сталина есть документы, свидетельствующие, что он помогал нуждающимся товарищам и позже, причем посылал суммы гораздо более значительные. Так, В.Г.Соломину в Туруханск — 6 тысяч, М.Дзерадзе и Г.Глурджидзе в Грузию — по 30 тысяч, П.Капанидзе — 40 тысяч...Вот и не дает Борису Абрамовичу спокойно спать пример тирана. Вот и отвалил он финскоподданному Быкову 50 тысяч.

Нет, я не хочу сказать ничего плохого о лауреатах “Триумфа”, пусть на здоровье триумфаторствуют. Однако...

Наградили “Триумфом”, например, Беллу Ахмадулину. Прекрасно! “Вы молоды, вы пахнете бензином...” А Сталинскую получили Ольга Берггольц и Маргарита Алигер за произведения о героях Великой Отечественной войны. Отметим “Триумфом” кинорежиссера Алексей Германа. Замечательно, если вам по душе его друг Иван Лапшин. А Сталинских премий были удостоены Эйзенштейн и Пудовкин, Пырьев и Довженко, Александров и Герасимов, Козинцев и Ромм... Порадовали “Триумфом” балерину Нину Ананишвили. Исполать! А четыре Сталинские премии, да еще Ленинскую, получила Галина Уланова... Нет, нет, я не хочу поставить под сомнение “триумфаторов”, но всё же, всё же...Всё же курица не птица...

Однако всматриваюсь в человека, похожего на Быкова. Если был бы уверен, что это он, подошел бы и сказал: “Триумфатор, читал я, что всех русских, живущих в Белоруссии, вы объявили “пятой колонной”; говорили мне, что вы еще и против Союза с Россией. Что ж, тогда поцелуйтесь с Явлинским и Кириенко. Последний даже грозил в суд подать на родину в случае этого Союза. А про себя скажу: в 43-44 годах я всю Беларусь протопал наискосок от Наровли до Гродно со своей 50-й армией, потеряв при этом и уложив на вечный сон в белорусской земле немало сверстников и друзей, в большинстве своем — русских. Вы не забыли ли, триумфатор, зачислить и их в “пятую колонну”? А в Минске давно живут со своими семьями две мои сестры. Тоже “колонна номер пять”? Да вы сами-то, триумфатор, случаем не из “палаты номер шесть”?” Увы, кажется, это был не Быков...

НО ВОТ И ЗВОНОК. Народ устремляется в зал. Я занимаю место в 23-м ряду у самого прохода. Справа над сценой — большой лик Христа, слева — Богородица с Младенцем, на стенах — эмблемы юбилейного Рождества. Моя соседка справа — давняя знакомая, скромная и, как тут же вдруг обнаружилось, очень религиозная женщина. Между нами происходит мини-дискуссия. Разумеется, она спрашивает: “Вы верите в Бога?” О, куда ныне деваться от этого вопроса! Как совсем недавно столь же обязательно: “Вы за “Динамо” или за “Спартак”?” Устало, но внятно отвечаю: “Я в Бога не верю, но он, Всеведающий, в меня верит, ибо знает, что я Его не подводил и не подведу”. Соседка смотрит на меня изучающим взглядом апостола Петра у ворот рая.

Внимание! На сцену выходят их высокопреосвященство и полковник Путин. Подчиняясь древнему советскому инстинкту, все встают. Перед Владимиром Святым я бы тоже встал, но с какой стати вставать перед человеком, который считает Владимиром наших дней душителя моей Родины? Да и перед Путиным нет причины вскакивать. Вот если скажет хорошую речь, тогда, что ж, можно и похлопать. А какого рожна заранее-то из кожи лезть? Помнится, здесь, в Кремле, но в другом зале на подобной встрече творческой интеллигенции я и перед членами Политбюро не вставал к изумлению сидевших рядом Татьяны Глушковой и Юли Друниной.

Недоразвиты у меня эти инстинкты — вскакивания и хлопанья.

А в Путине привлекательна его моторность. Успел уже везде побывать, даже в мой родной Литературный институт заскочил, хотя там студентов и преподавателей всего-то вместе сотни полторы. Между прочим, мне рассказывали, будто бы там ему кто-то попенял, что, мол, нехорошо было сказано “надо гадину истреблять на корню”. Он признал и заметил: “Увы, культурки не хватает...” Что ж, сама нехватка, конечно, не радует, но откровенность заслуживает медали.

К тому же, Путин — не туп. Он хорошо обучаем. Может быть, лучше, чем Абрамович-Чукотский, восхищающий сообразительностью Березовского. Действительно, вспомните, Путин появился перед нами с ворохом нелепостей на устах. О вторжении чеченских бандитов в Дагестан сказал, что это, мол, зайцы с соседнего поля нагрянули, мы их в два дня перебьем. Потом поставил на одну доску Сталина и Ельцина — как же иначе, дескать, ведь оба верховные главнокомандующие! При вручении наград солдатам вздумал еще и поздравления от кремлевского чучела передавать. Культурка... Но, смотрите, уже избавился от умственной хвори, подцепленной, скорей всего, от Анатолия Парижского.

Но вот встал патриарх и подошел к микрофону. Я включил диктофон. Речь предстоятеля была достаточно краткой. Главным в ней был, разумеется, призыв к смирению, терпению и примирению. Чего еще властям надо? Удивило своей бодростью такое заявление: “Еще недавно, каких-нибудь десять лет назад, подобная рождественская встреча здесь, в Кремле, была бы немыслима, но сегодня вместе с церковью и государственные деятели, и военачальники, и деятели культуры, врачи и учителя, политики и журналисты...” Вообще-то говоря, представители всех перечисленных профессий собирались в Кремле или в Большом театре частенько всегда, в частности, и в пору Горбачева, деятельность которого во главе государства вы, ваше святейшество, еще будучи тогда митрополитом, именовали “титанической”. Правда, собирались не по случаю Рождества, а, например, по случаю очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, великой Победы над врагом, грозившим гибелью Отечеству, по случаю юбилея Пушкина или Толстого, Глинки или Чайковского, Сурикова или Репина... Да что ж перечислять! Вы же сами, ваше святейшество, не раз бывали в Кремле и на годовщине Октября и на других празднествах.

Однако вот что ныне важно отметить. Да, десять лет назад немыслима была рождественская встреча в Кремле. Но тогда немыслимо было и многое другое. Например, празднество хасидов здесь же, в Кремле, среди святынь православия. А вот совсем другое. По дороге сюда на это пышное празднество мне встретились в переходах метро и на улицах шесть нищих и не меньше дюжины проституток. Десять лет назад это было немыслимо, невообразимо. А вернусь я домой после этих возвышенных рождественских речей и песнопений, включу телевизор и в уютный дом мой ворвется гнусная орда садомитов. Десять лет назад в нашей стране это не могло никому присниться в самом страшном сне, но уже планировалось там, где вы, ваше святейшество, зывали к раввинам о помощи в борьбе против русского антисемитизма...

Начинает речь Путин:

— Я бы хотел сегодня вспомнить первого президента России Бориса Николаевича Ельцина...

Где-то сзади, в углу зала, раздаются аплодисменты и длятся семь секунд.

— В новое тысячелетие Россия вступает обновленным государством.

Речь идет в первую очередь об объединении нации во имя повышения авторитета и

достоинства страны на основе общечеловеческих гуманистических принципов, историческим и логическим продолжением которых стал приоритет права и свобод...

Какое обновление, когда экономика упала до уровня первого года первой пятилетки? Какие авторитет и достоинство страны, когда официальные лица США говорят нам в глаза: “Мы совершили большую ошибку, позволив России считать себя самостоятельным государством”. Какие права и свободы, если народ не защищен от нищеты, болезней и убийц... Не иначе, как Анатолий Парижский сочинял этот рождественский спич...

Когда я размышлял над словами Путина о “объединении нации”, моя тихая набожная соседка спросила меня:

— А вон там, впереди, не Чубайс ли?

Я вгляделся. Да, это был он.

— Как вы думаете, сколько тут метров?

— Пожалуй, метров пятнадцать.

— С такого расстояния я бы не промахнулась, — задумчиво сказала тихая набожная соседка и посмотрела на Чубайса взглядом то ли Веры Засулич, то ли Марии Спиридоновой. Вероятно, она имела в виду — плюнуть.

— Т-с-с... Пока давайте слушать...

90-е годы в новой России — это время становления новых отношений государства и церкви, отношений исключительно уважительных...

Ну, началось-то становление еще в сентябре 1943 года, когда товарищ Сталин пригласил сюда, в Кремль, высших иерархов церкви, душевно побеседовал с ними и распорядился выполнить все их просьбы... Что ж, никто не против уважительного отношения государства к церкви, но почему же все эти 90-е годы уважительное отношение к церкви сочеталось у государства с издевательским отношением к народу — это по-божески?

— Именно эти новые формы жизни, а также неустанный труд духовенства во многом позволили сохранить гражданский и межконфессиональный мир в стране...

О каком мире он декламирует, когда в Чечне льется кровь, и уже, по официальным данным, погибли более 600 наших солдат и офицеров?

НА ЗАДНИКЕ СЦЕНЫ находился большой телеэкран, справа и слева от сцены — два поменьше. И вот после этих двух речей там одна в трех лицах появилась всем известная диктор телевидения милая Анна Шатилова. Она сказала, что когда-то славянофил Хомяков выдвинул идею объединения всех людей на основе любви к Богу, красоты, нравственной полноты жизни и свободы личности. И вот, говорит, мы обратились к известным политикам, а также к патриарху с просьбой высказаться на сей счёт. И дальше на протяжении всего вечера между музыкальными и литературными номерами возникали на трех экранах по очереди эти политики и патриарх со своими размышлениями о сих предметах.

Первым был Евгений Примаков, вторым — Геннадий Зюганов, а третьим... хотите верьте, хотите нет... Жириновский! Право, уж лучше бы Сванидзе посадили, лучше бы Доренко, даже Новодворскую легче было бы вынести, а тут...И это на рождественском вечере в Кремле в кампании с его святейшеством! Вот уж что особенно немыслимо было десять лет назад...

Вам приятно в великий праздник видеть эту личность? Вам интересно знать, что он думает, допустим, о нравственной полноте жизни? Разве вы недостаточно осведомлены о полноте,

разнообразии и безобразии его собственной жизни? Или организаторы вечера полагают, что Алексей Хомяков говорил от лица таких, как Жириновский, когда писал:

**Мне нужно сердце чище злата
И воля крепкая в труде,
Мне нужен брат, любящий брата,
Нужна мне правда на суде...**

Уж особенно не нужна этому рождественскому собеседнику патриарха правда на суде, которым грозит ему, как пишут об этом “Советская Россия” и другие газеты, юная молдаванка Мария Новак, изрядно потерпевшая от неуёмного стремления Жириновского к нравственной полноте жизни.

Размышлизмы Жириновского о нравственности, о божьей благодати, а потом еще лекции на эту же тему какой-то Гули, президентши какого-то очередного фонда, доконали меня. Я попрощался с Верой Засулич и, пригнувшись, направился к выходу.

...Ночь была теплой и звездной. От Кутафьей башни я повернул направо, медленно шел по темному и безлюдному Александровскому саду и читал вслух Хомякова:

**Спала ночь с померкшей вышины.
В небе сумрак, над землею тени,
И под кровом темной тишины
Ходит сонм обманчивых видений.**

**Ты вставай во мраке, спящий брат!
Освяти молитвой час полночи!
Божьи духи землю сторожат,
Звезды светят, словно божьи очи.**

**Ты вставай, во мраке спящий брат!
Разорви ночных обманов сети!
В городах к заутрене звонят:
В божью церковь идут божьи дети...**

**Ты вставай, во мраке спящий брат!
Пусть зажжется дух твой пробужденный...**

Меня прервал тихий голос:
— Подайте Христа ради...

[Вернуться в Линдекс](#)

В.Бушин снова поднимает вопрос о ничтожествах в рядах российской интеллигенции. Говорит и о ничтожестве и политических лидеров в сравнении со Сталиным, например. О гнусности самих основ "новой" России, сравнивая например, открытость процессов против "врагов" народа и полную подкованность деятельности комиссии Яковлева по реабилитации.

Бушин В.С. "[Культурки не хватает...](#)", 2000 г., 100000 экз., 24,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **ЛАМПАДНЫМ МАСЛИЦЕМ — ПО КОСТЕРКУ**

No: 22(287)

Date: 1-06-99

В нынешнюю пору сильно возросло внимание общества к жизни нашей церкви, в частности, к поступкам и заявлениям её высших иерархов. Надо полагать, что это объясняется надеждой и упованием на то, что церковь сможет сыграть важную роль в вызволении народа из той зловонной пропасти, в которую загнали его невежественные и бесстыдные, злобные и прожорливые горе-реформаторы во главе с достойным их президентом. Однако до сих пор эти упования, увы, не сбываются...

Высшие иерархи напоказ предстают перед народом в облике больших друзей и великих почитателей, да хвалебщиков разрушителя страны. Разве можно забыть, что ведь не где-нибудь, а находясь в патриаршьей обители, сей субъект заявил на всю страну: "Только Бог может отстранить меня от власти!" Ну, разумеется, все под Богом ходим. Однако есть еще для всех смертных, в том числе и для властителей, законная Конституция, а для президента — процесс отрешения. Так вот, субъект на всё это наплевал. И что Патриарх в ответ на такое наглое заявление отца-реформатора, сделанное с балкона его обители, скромно опустил очи долу и промолчал.

Что ж, не будем строги. Может, долг гостеприимства обязывал Его Святейшество смиренно терпеть непотребство на государственном уровне? Но вот в день тезоименитства Минотавра Святой отец сам припожаловал к нему в гости. И не с пустыми руками. Преподнес отменный подарочек — статуэтку равноапостольского святого князя Владимира, похоже, что золотую. И при этом, сияя дружеской улыбкой, восхищением и умилением, изрек слова, которые даже перевешивали золотую статуэтку: "Вы, Борис Николаевич, поистине наш новый Владимир Святой". И это было уже после расстрела Дома Советов, после позорной чеченской бойни, после новых капитуляций перед США и НАТО... Святой правитель благоденствующей державы!.. И все, разумеется, передавалось по телевидению. Как же тут было не подумать, с каким чувством слушали эти запредельные восторги и смотрели всю эту умильную сцену хотя бы те, трупы чьих сыновей и братьев, жертв чеченской бойни, числом до 270-ти, до сих пор хранятся неопознанными в рефрижераторе № 24 города Ростова. Я уж не говорю о миллионах сырых и страждущих...

Вспоминается, что когда представители Чечни находились на переговорах в Москве и могли быть взяты в любой момент в заложники, Минотавр тайно и трусливо слетал на полчаса в Грозный, точнее, на грозненский аэродром. Там по какому-то поводу обратился к рядовому солдату с вопросом. Тот ответил: "Так точно, товарищ главнокомандующий!" Минотавр, проигравший войну, представьте себе, рассердился на солдата и злобно буркнул: "Не главнокомандующий, а верховный главнокомандующий!" Теперь мог бы сказать и так: "Верховный и святой!"

Трогательное единство было явлено и в вопросе об антисемитизме. Ельцин, постоянно окружая себя весьма недоброкачественного свойства евреями, в роли то министров, то

советников, помощников, частенько твердит о борьбе против антисемитизма как о важнейшей задаче времени, да уж не важнее ли, чем восстановление разрушенной экономики, укрепление обороны или борьба с туберкулезом и сифилисом, набирающими массовость. И вот в свое время из сообщений прессы мы узнали, что и наш Предстоятель, явившись в США вслед за Г. Старовойтовой, предпринял там шаги в любезном Ельцину направлении: призвал американских раввинов к совместной борьбе против русского антисемитизма... И это в ту пору, когда включи один канал телевидения — и к тебе в квартиру с воплем "Евреи — самая талантливая в мире нация!" вламывается малограмотный хам Жириновский;* включи другую — и вприпрыжку вбежит Познер с рассуждениями о том, что Россия ничем не отличается от Гватемалы: у нее такая же судьба, для нее обязательны так же законы истории; включи третью — бочком войдет Ноткин, ведя за руку какого-нибудь Льва Борисовича или Наума Ефимовича; включи четвертую — вползет нестерпимо слащавая Дубовицкая... Уж не говорю о прочих сванидзах...

Все помнят, что когда наши войска уходили из Германии, наш главнокомандующий ликовал так, словно это было не перенесение линии нашей обороны на сотни верст к Востоку, ближе к Родине, а наоборот, на сотни верст к Западу, чуть ли не к Рейну. Мало того, что он заставил наших солдат, маршировавших на Родину, спеть песню на немецком языке, еще и сам пустился в пляс, да, к изумлению Европы, впервые в жизни стал дирижировать в припадке экстаза... Картину этого национального унижения и фарса опять же весьма согласно дополнил Патриарх: прибыв в Германию, он принес немцам извинение... От чьего имени? Кто его уполномочивал? За что извинение? За то, что наш народ, потеряв миллионы своих лучших сыновей, принес немцам освобождение от фашизма, и сотни тысяч наших солдат полегли как раз на немецкой земле? Или за то, что после войны они пятьдесят лет жили отдельно в двух государствах? Да они веками жили до Бисмарка в бесчисленных крошечных княжествах!.. А главное, кто из светских или церковных лидеров Германии принес извинение России за весь тот трехлетний кровавый кошмар и грабеж, вплоть до трамвайных контактных проводов и платформ чернозема из Воронежской и других благодатных областей? Может, еще на Нюрнбергском процессе извинился Геринг? Или потом — Аденауэр? Или Брандт? Или хотя бы собирается извиниться Шрёдер?.. И это унижительное для всех нас, оскорбительное для памяти павших в Великой Отечественной войне извинение приносится в то самое время, когда со всех церковных и нецерковных амвонов льются речи о возрождении национального самосознания народа, о взлете духовности и т.п.

Но время идет и приносит все новые свидетельства дружбы и единения двух больших сердец. Ельцин вот уже много лет носится с идеей перезахоронения тела В.И.Ленина. Как вспоминает сейчас "Московский комсомолец", эту грандиозную мысль еще в 1989 году на I съезде народных депутатов СССР подбросил Минотавру известный страдалец советской эпохи Марк Захаров, за что, видимо, и стал вскоре членом Минотаврского совета. Впрочем, по другим сведениям, первым сказал "Э!" другой страдалец и член — Юрий Карякин, автор афоризма "Россия, ты одурела!"

Последний раз Ельцин публично высказал свое заветное желание два года назад во время пребывания в Ленинграде. Но тогда его уже никто не поддержал, кроме певички Пугачевой, что было вполне объяснимо: большинство прихлебателей власти поняли, наконец, всю глупость и мерзость затеи, а Пугачева только что на престижном европейском конкурсе песни получила

17-е место и находилась в полном трансе, могла сказать что угодно.

На днях выскочил на телевидение, уже совсем с крышей на боку, Жириновский и предложил Ельцину назначить его председателем комиссии по перезахоронению тела В.И.Ленина. Видимо, рассуждал при этом так: если председателем по захоронению екатеринбургских останков был сын юриста Немцов, то почему в данном случае не стать председателем другому сыну юриста. Ну, болтовню Ельцина уже все забыли, Жириновского давно принимают за парламентского дурачка и, казалось бы, дело заглохло.

Но вот его решил оживить сам Патриарх. В день святых Кирилла и Мефодия, во время крестного хода он под наставленной на него телекамерой вдруг предался размышлениям на давно заданную и любезную президенту тему: "Красная площадь — значит красивая. Она самая главная, центральная. А здесь устроили погост деятелей революции. Я надеюсь, со временем будет создан Пантеон. Потому что это аморально, когда здесь устраиваются рок-концерты. Это же пляски на костях..."

Мягко выражаясь, здесь много неточностей. Во-первых, не знаю, как в Эстонии, где Его Святейшество провел изрядную часть лучших дней своей жизни, а у нас на Руси погостом принято называть не любое кладбище, а сельское. Так, Пушкин писал: "Тело Татищева предано земле в погосте, состоящем в одной версте от его деревни". Сказывают, что Его Святейшество большой почитатель Лескова. У того в "Соборяхнах" можно прочесть: "В углу этого погоста местилась едва заметная хибара церковного сторожа, а в глубине утился низенький трехконный домик просвирни..." Тоже речь идет о кладбище сельском. А на Красной площади — государственный мемориал выдающихся сынов Отечества. И слово "погост", где хоронят всех окрестных жителей деревни, звучит здесь уничижительно.

Во-вторых, на Красной площади похоронены вовсе не одни только "революционные деятели". Да и что такое "революционные деятели"? Они были ими в основном до октября 1917 года, а потом за известным исключением революционеров перманентных, кстати, конечно, на Красной площади и не нашедших места, они стали государственниками, столпами державы, её защитниками. Здесь похоронены великие ученые, знаменитые полководцы, пионеры космоса... Его Святейшеству не по душе, что здесь покоится прах И.В.Курчатова и С.П.Королева, И.Д.Папанина и Ю.А.Гагарина, Маршалов Г.К.Жукова и К.К.Рокоссовского? Да уж не потому ли, что все они были членами Коммунистической партии Советского Союза? Или главная печаль Его Святейшества — могилы В.И.Ленина и И.В.Сталина?.. Тогда тут уместно сказать, что наша Родина остается пока независимой не благодаря его перманентно хмельному другу, сидящему в Кремле, а благодаря великому труду, неусыпной заботе как раз тех, чей прах в кремлевской стене и около нее. Названный друг только разорял страну, разрушал своей бездарностью и сумасбродством ее могущество и славу, а те возвели ее до уровня сверхдержавы, вручили атомное оружие, которое сейчас только и уберегает нас от судьбы Югославии, в чем сомневаться могут только такие олухи царя небесного, как Гайдар или Юшенков.

Кроме того, полезно напомнить, что весь "погост" занимает лишь узкую полосу у стены, это малая часть огромной площади.

Заявление Патриарха не было образцом прямоты и ясности. С одной стороны, он явно выражал недовольство тем, что на красивейшей и самой главной площади похоронены "деятели революции", а с другой возмущался, что "на их костях", то есть на костях именно их, устраивают пляски. С одной стороны, не упоминал конкретно Ленина и Сталина, но с другой,

говорил о всех "деятелях", а значит и о них.

Сразу после смерти И.В.Сталина, 6 марта 1953 года, было принято решение ЦК КПСС и Совета министров ССР о строительстве Пантеона, куда предполагалось перенести прах всех похороненных на Красной площади. Но, думается, что в те траурные дни это решение было принято в спешке, во всяком случае, его широкого предварительного обсуждения не было. И не случайно в последующие лет тридцать пять советской власти никто о Пантеоне не вспоминал. И вот теперь вспомнили и поддержали решение коммунистов Марк Захаров, Ельцин, Пугачева, Жириновский и, увы, Патриарх.

Что ж, пантеоны есть в некоторых странах. Так, в Вестминстерском аббатстве покоится прах Ньютона, Диккенса, Дарвина... Почему в благоденствующей стране и не обсудить такую проблему в тихое благополучное время. Но ведь Его Святейшество не может не знать, что вопрос о Мавзолее превратился в нынешнее взрывоопасное время в предмет острейшей борьбы между силами патриотическими и антирусскими. И вот, проходя по Красной площади, Предстоятель взял и плеснул лампадным маслицем на готовый вспыхнуть костерок, который может стать пожарищем... И ведь не скажешь: "Прости их, Отче, ибо не ведают что творят..."

[Вернуться в Линдекс](#)

О том, как патриарх Алексий невольно принес извинение немцам при выводе российских войск из Германии, а потом подключился к известной маниакальной эпопее демократов - убрать мавзолей Ленина с Красной площади.

Бушин В.С. "[Лампадным маслом - по костеру](#)", "Завтра", №22, 1999 г., 100000 экз., 12,0 Кб.

Смотри также

[Деграция](#)

[Церковь](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **ЛОШАДЬ В БОЛОТЕ**

No: 41(254)

Date: 13-10-98

4 ОКТЯБРЯ в гневной, взволнованной речи на митинге у Дома правительства по случаю пятой годовщины расстрела кровавой ельцинской бандой сотен москвичей генерал А.Макашов употребил слово "жиды". На другой же день в программе новостей, министр юстиции П. Крашенинников пригрозил генералу санкциями по обвинению в разжигании межнациональной вражды.

Какая оперативность! Но где ж были вы или ваши коллеги, мусье, когда, скажем, московские евреи благодаря содействию тогдашнего министра иностранных дел А.Козырева, еврея по происхождению, широко справляли свой религиозный праздник в Кремле близ религиозных святынь русского народа, его древнейших соборов? А ведь это не слово, это оскорбление действием, что, как вы должны знать, гораздо более серьезно. А неужели вы не видели ту знаменитую телепередачу, в которой при участии евреев на глазах зрителей зарезали свинью, на которой было намалевано имя нашей Родины? Или вы считаете, что это всего лишь юмор, который способствует пищеварению и укрепляет дружбу народов? А не приходилось ли вам слышать о книге группы соавторов-евреев, озаглавленной ими "Распродажа Российской империи"? Или взять примеры совсем свежие. Еврей Сванидзе объявляет в своем "Зеркале": "Сегодня — день памяти жертв фашистского террора". А дальше идет телесюжет, в котором жертвами представлены только евреи, одни евреи, никто, кроме евреев разных национальностей. И никаких других сюжетов. Так Сванидзе почтил память многих миллионов людей. Вот вам тепленький еврейский националист, разжигающий межнациональную вражду, ежедневно входя в каждый дом. А 4 октября была передача о жертвах ельцинского террора. И о ком же там шла речь? Опять фигурировал один-единственный еврей — какой-то Брагинский из служащих городской управы. И все это зная, все это видя, вы ловите на слове Макашова! И вы сидите в кресле министра юстиции?..

А.Макашов, конечно, не первый, кто публично употребил крамольное словцо. Известно, что Пушкин не на митинге, не в горячах, а в своих гениальных произведениях, написанных не спеша и обдуманно, употребил слово "жид" 41 раз, да еще есть на его бессмертных страницах слова "жидовка", "жиденок", "жидок". У Лермонтова "жид" встречается 30 раз, жидовка — 9, есть еще и "жидовин", "жидовский", "жидомор"... Разумеется, все это не дает никаких оснований считать великих поэтов антисемитами. Чтобы увериться в этом, достаточно прочитать две "Еврейские мелодии" Лермонтова или его конгениальный перевод "На севере диком" из Гейне.

К тому же эти слова часто употреблялись ими совсем не в национальном смысле. Так, Пушкин писал: "Читал стихи и прозу Кюхельбекера, — что за чудак. Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, где все дышит мифологией и героизмом, — славяно-русскими стихами". Как известно, Кюхельбекер вовсе не еврей. Здесь слово "жидовский" означает "идуший вразрез с общепринятыми взглядами, представлениями". Или вот:

**Оставь Петрополь и заботы.
Лети в счастливый городок.
Зайди к жиду Золотореву,
В его, всем общий уголок.**

Едва ли человек по фамилии Золотарев — еврей. Пушкин знал четырех Золотаревых: Алексея Михайловича, Ивана Федоровича, Василия Васильевича и Матвея Алексеевича — все они русские. Здесь имеется в виду последний из них — помощник надзирателя по хозяйственной части Царскосельского лицея. И словом "жид" лицеист Пушкин, приглашая в гости друга, шутливо назвал человека, у которого, попросту говоря, можно пображничать, — шинкарь, что ли:

**Мы там, собравшись в кружок,
Прольем вина струю багрову...**

В советское время не только слово "жид", но и "еврей", и всякое негативное упоминание о евреях стали преследовать и решительно изгонять даже из произведений русских классиков.

В 1894 году Чехов записал в дневнике: "Такие писатели, как Н. Лесков и С.В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха (так как наши критики почти все евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящих в русском человеке ни больше, ни меньше, как скучного инородца). У петербургской публики, в большинство руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский, и Гоголь уже не смешит ее". (Собр. соч. в 30 томах. Наука. 1980. Москва. Том 17, с. 224). Можно спорить с таким взглядом классика, но наши литературоведы, те же критики и издатели на протяжении долгих лет просто выбрасывали строки, что взяты в скобки и подчеркнуты.

А что на протяжении десятилетий они вытворяли с Блоком! Например, в его известном синем восьмитомнике приводится такая дневниковая запись поэта, сделанная 27 июля 1917 года "История идет, что-то творится; а... они приспособливаются, чтобы не творить..." Что за чушь? Кто приспособливается? Опять вырван кусок! И сделал это литературовед Шапиро, проживший всю жизнь под красивым псевдонимом Владимир Орлов. На самом деле, у Блока так: "История идет, что-то творится (в смысле создается. — **В. Б.**); а жидки — жидками: упористо и умело, неустанно нюхая воздух, они приспособливаются, чтобы НЕ творить (то есть, так как — сами лишены творчества; творчество — вот грех для еврея)". Да ведь это точно о недавнем окружении Ельцина на все буквы алфавита от Авена до Ясина! Уж мы нагледелись за эти годы, как они, нюхая воздух, упористо и умело болтая о возрождения России, приспособливались к тому, чтобы не созидать, а разрушать экономику, нравственность, наш образ жизни.

"И Я ХОРОШО ПОНИМАЮ ЛЮДЕЙ, по образцу которых сам никогда не сумею и не захочу поступить и которые поступают так: слыша за спиной эти неотступные дробные шажки — обернуться, размахнуться и дать в зубы..." Вот генерал Макашов и размахнулся, и дал. И великий Блок его хорошо понимает. Так что если вам, господин министр, вздумается посадить генерала на скамью подсудимых, то не забудьте посадить рядом Чехова, друга Левитана, и Блока,

почитателя Гейне.

Да уж заодно не забудьте и Куприна, автора "Гамбринуса", который писал Ф. Д. Батюшкову еще в 1909 году, в пору "черты оседлости" и прочих кошмаров: "Все мы, лучшие люди России (себя я к ним причисляю в самом-самом хвосте), давно уж бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот избранный народ столь страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что все мы осознаем это, но в сто раз ужасней, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно печатно иносказательно обругать царя и даже Бога, но попробуй-ка еврея! Ого-го! Какой визг поднимется среди этих фармацевтов, зубных врачей, докторов и особенно громко среди русских писателей, — ибо, как сказал один очень недурной беллетрист Куприн, каждый еврей родился на свет Божий с предначертанной миссией быть русским писателем. "Свидетелями именно такого очередного визга, но уже не фармацевтов, а депутатов Госдумы и тележурналистов, мы и оказались ныне, министр.

"Мы, русские, уж так созданы нашим Богом, — продолжал Куприн, — что умеем болеть чужой болью, как своей... Тверже, чем в мой завтрашний день, верю в великое мировое загадочное предназначение моей страны, и в числе всех других ее милых, глупых, грубых, святых и цельных черт — горячо люблю ее за безграничную христианскую душу. Но я хочу, чтобы евреи были изъяты из ее материнских забот... "Думаю, что Куприн, конечно, имел в виду не всех, ну не таких же, хотя бы, как герой его "Гамбринуса", но по отношению к таким, как любимые ельцинские вице-премьеры да министры, советники да помощники, чубайсы да немцовы, — по отношению к этой своре оводов, загнавших Россию в болото, мысль писателя изъять их из материнских забот Родины представляется мне недостаточной.

Если бы вы, министр, были честным и смелым человеком, то давно бы увидели, поняли и объявили: никто столько не сделал для раздувания межнациональной вражды, как сам Ельцин. Это он постарался поссорить Россию и Украину, с кровью оторвав у русского народа Крым. Это он три года молча смотрел пьяными глазами, как чеченские националисты глумятся над русскими, а потом, не умея и не желая найти мирное решение проблемы, бросил на Чечню неподготовленные русские полки во главе с кучкой малограмотных бездарных вояк: Грачева, Куликова, Степашина... Река крови на долгие десятилетия разделила русских и чеченцев... Это он не пошевелил пальцем, чтобы защитить и поддержать русских в бывших республиках Союза, где их превратили в людей второго сорта, и тем самым провоцировал дальнейшее глумление над ними и, естественно, взаимную вражду народов.

Особые заслуги у Ельцина в раздувании антисемитизма. Он окружил себя отбросами еврейской нации — людьми злыми и невежественными, бездарными и наглыми, хищными и беспощадными. Они и без того вызывали отвращение. Навязанный Западом "курс реформ" был чужд России и вел только в болото, а ельцинские выдвигенцы умели только болтать и разрушать, их руками Ельцин выполнял самые грязные и подлые дела — вроде приватизации. И народ возненавидел их люто. Этого русофоба и антисемита, проклинаемого всей страной, вы и обязаны, господин Крашенинников, привлечь к ответственности. Но вы этого не сделаете, ибо вы — раб.

**ЕСЛИ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ОТДАДУТ ГЕНЕРАЛА МАКАШОВА
ФАШИСТАМ НА РАСТЕРЗАНИЕ, ТО ОНИ МОГУТ ЗАБЫТЬ О ПОБЕДЕ НА
ДУМСКИХ И ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ!**

[Вернуться в Линдекс](#)

В связи с нашумевшей историей, выпадом генерала Макашова против жидов на одном из митингов В.Бушин приводит развернутые доказательства о не тождественности понятия жид и еврей. Приводит примеры из Пушкина. Одновременно говорит о заслуженной неприятии тех подлых вторжений в русскую культуру, которые на протяжении длительного времени делали евреи.

Бушин В.С. "[Лошадь в болоте](#)" , "Завтра", №41, 1998 г., 100000 экз., 11,0 Кб.

Смотри также

[Евреи](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **МЕНУЭТ ПРЕЗИДЕНТА**

No: 3(372)

Date: 16-01-2001

ЗА ЦЕЛЫЙ ГОД своего президентства Владимир Путин, конечно, притомился. От бесчисленных визитов, заседаний, решений, встреч... И ему, мне кажется, захотелось хотя бы под Новый год, как ныне говорят, расслабиться. Хотя бы немного. И он, судя по всему, сказал себе примерно так: "Созову-ка я портативную пресс-конференцию и поваю на ней Ваньку, отмочу дюжину хохм в духе сердечного друга Хазанова". Сказано — сделано.

Пригласил трех журналистов: Виталия Третьякова, луноликую Татьяну Алдошину, недавно взошедшую на телегоризонте, и теоретика разноцветных патриотизмов Михаила Леонтьева. Сели они все за круглый стол и действие началось...

— Что новенького? И какое в свете чудо? — спросили любознательные журналисты.

— Как, разве вы не знаете? — радостно отозвался президент. — В нашей экономике впервые за пятнадцать лет обнаружилась положительная тенденция. Есть рост от 10 до 20 процентов, а в иных секторах промышленного производства — до 30!

На лицах журналистов обозначилась ошарашенность. Но никто не решился спросить, в каких же секторах промышленности такой бурный рост: в космической? авиационной? тракторной? или в секторе производства новогодних елочных украшений?..

— Правда, — скороговоркой добавил он, — немножко увеличилась безработица...

Однако с чего же это? Помнится, в первую пятилетку при таком росте безработица была ликвидирована полностью. Но и тут задать вопрос никто не посмел. Президент был доволен. Первая хохма прошла без сучка и задоринки. Как у дружка Гены.

Впрочем, немножко очухавшись, Татьяна Алдошина спросила: в результате чего одержана Сталинградская победа в экономике?

— Да как же! — просиял президент. — Дума и правительство приняли довольно внятные экономические решения. Например, установили равный для всех подоходный налог в размере 13 %.

— А?.. А?.. А?.. — попытался что-то спросить Леонтьев.

— Конечно, — прервал его попытки президент, — наверное, с социальной точки зрения это не очень справедливо, но здесь мы руководствовались экономической логикой, которой на эти соображения справедливости наплевать. Мы — за такую новаторскую логику. Эта логика, пусть и зверская, направлена на повышение доверия к государству. Она уже явно породила в обществе определенные социальные ожидания позитивного характера. А это же великое дело — ожидания позитивного характера! Ельцин просидел на них благополучно десять лет. Даст Бог, и мы... Главное сейчас — позитивные ожидания и максимальная, полная свобода, в том числе свобода бедных от обеспеченной жизни! А представители крупного бизнеса, как, впрочем, и бывшие наши граждане в Израиле, разумеется, вправе рассчитывать на моральную и иную поддержку государства. Почему? Да потому что далеко не всегда государство является собственником эффективным, мы это уже неоднократно проходили и знаем это хорошо.

Мне слышалось, что Алдошина шепнула Третьякову: "Где он проходил это, да еще неоднократно и хорошо знает? Уж не на Кубе ли, где недавно был?" Тот ответил: "Первый раз у Собчака на лекциях проходил, потом — у Грефа в задушевной беседе. Они и отбили у него память о том, что когда у нас собственником было государство, Россия была великой державой, соперником США, а теперь, когда собственником стали Березовские-Ходорковские, мы безуспешно пытаемся догнать Колумбию". При слове Куба у меня мелькнула догадка: не перепутал ли Путин данные кубинской экономики с данными российской? Там за последние пять лет ежегодный рост ВВП составил 4,4 %, причем в сахарной промышленности — 18 %, в нефтяной — 32 % и т. д. А ведь собственность там в руках государства. Подобная путаница порой случается с переутомившимися людьми. Недавно известный пустопляс Немцов, устав от уже многолетней чечетки на телеэкранах, заявил: "Кастро давно выжил из ума". Это он просто перепутал Фиделя со своей собственной полоумной личностью. Ведь что такое СПС, который Немцов возглавляет? Союз именно таких субчиков.

— Нельзя не отметить и такой факт, — продолжал президент.

— Десять лет назад мы почему-то решили, что все в этом мире сердечно нас любят. Мне показалось, Третьяков шепнул Алдошиной: "Кто это "мы", которые так решили?"

Та ответила: "Не понимаю, что заставляет президента говорить от лица самых крутых идиотов, — ведь это именно они решили, что весь мир в нас души не чает, и что мы должны любить всех, кого попало, — только они, и никто больше. Помните Бакатина? И он до сих пор на свободе. Правда, говорят, спился, но и доныне ждет благородного жеста американцев в ответ на выданные им секреты".

— Но вскоре выяснилось, — продолжал президент, — что это не так: нас любят не шибко, не крепко нас обожают, кое-где даже терпеть не могут. Получив ряд увесистых оплеух и отменных зуботычин от цивилизованного сообщества во главе с США, мы стали соображать несколько лучше. Вдохновляет и то, что мы преодолеваем заскорузлые имперские амбиции и все успешнее обретаем амбиции уездные и даже волостные, блещущие новизной. Тут мы опять впереди планеты всей.

Журналисты не смели пошевелиться от ужаса. Леонтьев сказал было: "Однако..." Но президент опять не дал ему развернуться:

— Но мы должны двигаться дальше по пути либерализации и прогресса, указанном Горбачевым и Собчаком, много сделавших для разрушения отсталой советской системы. В ближайшее время надо, оставаясь на уровне уездно-волостных амбиций, еще и абсолютно деполитизировать наши отношения с другими странами. Абсолютно! Все отношения!

— Однако, — кажется, это был все-таки голос Леонтьева, — разве страны остального мира исповедуют этот принцип? В частности, НАТО — это что такое: деполитизированный экономический союз, или военно-политический блок?

Не ответив на вопрос о НАТО, Путин продолжал:

— Но наряду с экономическим взлетом и другими отрадными фактами, — лицо оратора стало грустным, — есть у нас и факты, достойные сожаления.

Журналисты подумали, что сейчас он скажет о гибели "Курска", о 47-градусных морозах в Приморье, где сейчас замерзают люди, о бесконечных взрывах, пожарах, авариях и тому подобных вещах. Но вдруг услышали:

— Ужасное дело: взорвали памятник Николаю II...

Все разинули рты. Вот его печаль! Вот забота главы государства!.. Но во-первых, ведь когда это было! Неужели президент до сих пор терзается этим больше, чем замерзающими в Приморье?

Алдошина все-таки спросила:

— Какой урок лично вы извлекли из гибели "Курска"?

Как известно, тогда президент остался в сочинской резиденции у теплого моря и лепетал: "Я же не подводник! И ничем не мог помочь, только мешался бы..." Из этого видно было, что человек просто не понимает значения поста главы государства и руководителя вообще. 4 ноября 1805 года в славном сражении у австрийской деревни Шенграбен 6-тысячный отряд князя Багратиона задержал на сутки 30-тысячный авангард маршала Мюрата, обеспечив этим благополучный отход главных сил русской армии под командованием Кутузова на Ольмюц. В описании этого сражения есть у Толстого в "Войне и мире" такие строки: "Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам князя Багратиона и к отдаваемым им приказаниями и к удивлению замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями. Благодаря такту, который выказывал князь Багратион, князь Андрей замечал, что, несмотря на эту случайность событий и независимость их от воли начальника, присутствие его сделало чрезвычайно много. Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своею храбростию". Такова сила "эффекта присутствия" руководителя в сочетании с его тактом и, конечно, авторитетом. Она явилась одной из причин блестящего успеха.

Но Путин и на сей раз говорил что-то невнятное и уклончивое о "моральном уроке для всех нас"... Видимо, он полагает, что уклончивость, двусмысленность, лавирование — это главное оружие политика. Так думал, например, и Горбачев. Лавирование, компромиссы, умолчания — вещи в политике неизбежные, но они не могут быть ее сутью. Крах политического слизняка Горбачева показал это с предельной ясностью.

ВООБЩЕ-ТО, ПО РАЗМЫШЛЕНЬИ ЗДРАВОВОМ, трудно сказать: было все сказанное президентом в этом интервью сознательным набором хохм, увиливанием от прямых ответов, или неосознанным тиражированием замшелого вздора обанкротившихся демократов, тем более, что ведь и дальше следовало нечто весьма странное. Так, из уст президента изверглось нечто такое, что журналисты сперва совершенно остолбенели, но потом, конечно, в душе рассмеялись, посчитав это очередной забористой хохмой:

— К Анатолию Борисовичу я отношусь с огромным уважением!

Вона!.. Президент уважает самого ненавистного в стране человека, которому даже Явлинский при всем народе лепил в глаза: "Вы уникальный лжец, Анатолий Борисович. Вы лжете каждую секунду". Григорий Алексеевич имел полное право заявить об этом моменте своей биографии:

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа...*

А академик Ж. Алферов сказал, помнится, так: "Мы ждали "социализма с человеческим лицом", а получили мурло Чубайса..."

Доверять политическому прохвосту, ограбившему с помощью своих ваучеров весь народ и разбогатевшему на этом? Уважать дельца, публично бросившего своим единомышленникам клич: "Больше наглости! "? Хвалить негодяя, просто спятившего с ума от ненависти к родной стране? Это ясно было видно хотя бы в той прошлогодней передаче "Глас народа", в которой он заявил, что довоенные оборонительные сооружения Советского Союза, в противоположность французской линии Мажино, немецкой линии Зигфрида, финской линии Маннергейма, были направлены не вовне, против вероятного противника, а внутрь страны, против своего народа, чтобы он не разбежался по границам. "Что ж это за страна!" — воскликнул тогда этот социально опасный полоумный. Наконец, восхищаться человеком, для которого смерть десятков миллионов сограждан — пустяк, недостойный размышления? Работавшему с ним в Госкомимуществе Владимиру Полеванову, пытавшемуся смягчить грабительскую приватизацию, Чубайс однажды преспокойно сказал: "Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут. Русские бабы нарожают". ("Советская Россия", 23.12.00). В новейшей нашей истории можно припомнить лишь одно заявление такого рода. Владимир Солоухин в своей антисоветской книге "При свете дня", которую издал "при участии фирмы "Belka Trading Corporation" (США)", то есть на американские деньги, и за которую гонорар получил в долларах, уверял, что в 1918 году Ленин, мол, "бросил крылатую фразу: пусть 90 процентов русского народа погибнет, лишь бы 10 процентов дожили до мировой революции".

Нечто похожее действительно было тогда сказано, правда, приведенные цифры стояли в обратном порядке: "Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать" ("Наш современник", № 11-12, с. 249). Да, что было, то было. Но слова эти принадлежат не Ленину, а Григорию Евсеевичу Зиновьеву, может быть, и не кровному родственнику Чубайса по линии его матушки Раисы Хаимовны, но уж, несомненно, его духовному отцу. Ленин же подобные заявления решительно осуждал.

Но президент все продолжал шуточки того же пошиба. Вздумал, например, превознести Ельцина: "Это человек мужественный, он не боялся брать на себя ответственность". Так можно сказать лишь о том руководителе, который сделал дело, а потом отчитался, ответил за него перед парламентом и народом. Но этот обкомовский выкормыш за все долгие годы своего шкурного и пьяного правления ни единого раза ни за одну свою подлость не отчитался ни перед кем, кроме американского президента. А после того, как до его импичмента не хватило всего 24 голосов, он, наложив в главнокомандующие штаны, и с трона сбежал, как шкурник и трус. Ведь что такое импичмент, которому не хватило лишь 24 голосов? Это Бирнамский лес, двинувшийся на Горки-9. Это 79-й стрелковый корпус 3-й Ударной армии, поднявшийся утром 30 апреля на штурм рейхстага. Вот тогда и Гитлер, ни перед кем не отчитавшись, улизнул от ответственности, правда, немножко более кардинально. А ведь тоже не боялся брать на себя ответственность, не сваливал на Геббельса вину за развязывание Второй мировой. Но Гитлер все-таки был честнее Ельцина. Перед самоубийством он не сказал адмиралу Деницу, назначенному им президентом и главнокомандующим: "Берегите Германию, как я ее берег!" А ведь этот могильщик сказал подобное Путину!.. И представьте себе, он до сих пор уверен, как

заявил в недавнем интервью "Комсомольской правде", что не удрал с поста, тряся отяжелевшими штанами, а, проявив "большое политическое искусство, ушел изящно и вовремя".

Собеседники президента молчали, видимо, вконец парализованные обилием экстремальных шуточек. Или размышляли: "А хохмы ли это?" Путин же все метал и метал бисер перед парнокопытным благодетелем: "У него очень большой опыт международных связей". Да, у него невиданный в нашей истории международный опыт, но это опыт не связей, а лакейства, ползания на брюхе перед такими сильными, как США или Германия, и хамства по отношению к верным друзьям, как Северная Корея или Куба.

Помянутое интервью Ельцина "Комсомолке" появилось одновременно с путинским интервью трем журналистам. В нем немало любопытного, о чем стоит сказать. Так, пенсионер говорит, что "соответствующие кремлевские службы по-прежнему исправно присылают информационные сводки и отчеты", с чтения которых он начинает каждый свой день. Уверяет также, что раза три-четыре в неделю к нему в Горки-9 являются на плановые (!) встречи министры, чаще других — силовики: военный, внутренних дел, директор ФСБ... Если это не старческий бред мании величия и не те же хохмы, то хочется спросить: ушел ли Ельцин в отставку? Но не только министры, говорит, являются сюда: "Недавно имел честь принимать у себя Галину Борисовну Волчек и Эрнста Иосифовича Неизвестного... Имел моменты личного общения". Ну, в этом никаких сомнений. Для лиц известного круга нет ничего слаще моментов личного общения с питомцами муз известного-неизвестного круга. Когда Ельцин говорит, что "у нас с Путиным нет принципиальных разногласий", то это надо понимать, что нет разногласий и в данном вопросе. Скорее всего, очередные моменты личного общения тот и другой получают от Майи Плисецкой, Марка Захарова и Иосифа Кобзона. Ведь о писателях Бондареве или Распутине, об артистах Игоре Горбачеве или Людмиле Зайцевой, о театрах МХАТ имени Горького или "Содружество" на Таганке они просто не знают и не слышали... Но вообще-то, надо заметить, что интерес к искусству у отставника сильно изменился и расширился. Давно ли мы видели, как он самозабвенно наяривал на деревянных ложках "Кирпичики", и казалось, что это — предел его музыкальных возможностей и мечтаний, а теперь заявляет: "Я очень увлекся музыкой. Мои любимые композиторы Вивальди и Моцарт". Ах! Ах!..

Но главное, чем так и шибает в нос все интервью, это все та же тошнотворная самовлюбленность, все та же неизбывная злобность уникальной божьей твари. С одной стороны, прихорашиваясь, фарисействует: "Выше жизни, выше людей я быть не могу и не хочу... Учусь смотреть вокруг, анализировать..." Но тут же — обвинение общества в близорукости, в незрелости, проявившихся, мол, в том, что не поддержали его мудрое намерение ликвидировать Мавзолей. С одной стороны, фарисействует: "Ни с кем я счета сводить не собираюсь". Но тут же — горько сожалеет, что не ликвидировал не только Мавзолей, но и Компартию, да еще и подначивает на это преемника: "Зря откладывал. Сделать это все равно придется. Напрасно я переложил ответственность на будущего президента". Тут совсем о другом хочется сказать нынешнему президенту: "Зря откладывал. Сделать это все равно придется, и чем раньше, тем лучше", — о предании суду всей ельцинской банды.

Поразительно наивный корреспондент спрашивает: "Есть ли люди, перед которыми вам сегодня хотелось бы извиниться?" Извиниться? Ельцин обалдел, не сразу, пожалуй, понял, о чем его спрашивают. Да перед кем ему извиниться? "Я всегда расставался с людьми нормально, по-

человечески". Это не о тех ли согражданах, которые начиная с 1992 года, не выдерживая его живодерских реформ, "расставались" с ним по миллиону ежегодно? А корреспондент еще: "Часто ли испытываете угрызения совести?" Тут он ответил тотчас: "Никаких угрызений не испытываю. Совесть моя чиста". Так же ответил бы, если спросили, разве что только вышедший на пенсию шакал.... И нахваливать, превозносить шакала, говорить, что учиться у него может только руководитель, которому абсолютно безразлично, что о нем самом думает народ.

Приходит на память, что ведь и раньше, даже совсем недавно, Путин делал странные заявления, в частности, о прошлом нашей Родины. Так, выступая 4 декабря по телевидению о новом гимне, вдруг объявил, что Россию "не без основания (!) именовали тюрьмой народов". Уж если Россия, где ни один народ не вымер, не изгнан, не истреблен, все дожили до нынешних дней, если она — тюрьма, то как же назвать, допустим, США, которые, захватив чужие земли, довершили истребление индейцев, начатое бандитами Европы, а жалкие остатки загнали в резервации? А потом еще и оттяпали половину соседней Мексики. Это даже не тюрьма, а электрический стул народов. Ничуть не менее свирепы были с поработочными за морями во всем мире народами Испания и Португалия, Англия и Франция, Голландия и Бельгия, Италия и Германия. Подумал бы об этом президент Путин. А заодно назвал бы хоть один народ, одну страну, что добровольно вошли бы в состав этих колониальных держав. Не было таких народов и стран, все они в разное время оказались жертвами беспощадной агрессии, захвата, порабощения. Да заодно вспомнил бы о Богдане Хмельницком, Переяславской Раде 1654 года, о Георгиевском трактате 1783 года и о других событиях, лицах, датах, связанных с добровольным вхождением украинцев, грузин, армян, калмыков в русскую "тюрьму народов"? Ну где это видано, чтобы в тюрьму — добровольно! Ведь ничего подобного не было в истории стран Запада, которых невежды и ненавистники России все время ставят нам в пример как беспорочные и великие образцы демократии и гуманизма.

В ТОМ ЖЕ ВЫСТУПЛЕНИИ ПУТИН не оставил без своих президентских милостей и советское время. Сперва вслед за наставниками помуржил замусоленную тему "ужасов сталинских лагерей". Ну как можно заводить декламации об ужасах 50-70-летней давности, когда нынешний день, сегодняшняя реальность лезут в глаза всем и вопиют на всю страну: в тюрьмах и лагерях — теснота, убожество, туберкулез. Вот упекли на четыре года Тамару Павловну Рохлину. Адвокаты заявляют: нет ни единого доказательства ее причастности к убийству мужа и отца больного ребенка. Все обвинение построено на "логических доводах", на собственном признании: она, мол, иной раз говорила мужу: "Я тебя убью!". Да мало ли что говорит жена мужу, а муж — жене в столь насыщенной эмоциями семейной жизни. Еще Маркс писал, что личная жизнь гораздо богаче общественной. И в подтверждение этого Пьер Безухов в уже упоминавшемся романе Толстого не только кричал своей жене Элен "Я убью тебя!", но и швырял в нее такие бесполезные для здоровья предметы, как мраморный ломберный столик. Правда, через несколько лет она умерла, но никому не пришло в голову обвинить в ее смерти мужа... Перед Новым годом газеты сообщали: "Тамара Рохлина находится в камере, где на 12 квадратных метрах теснятся еще 14 женщин. Там очень холодно. Кормят на 67 копеек в сутки".

Граждане России не могли не сопоставить два эти факта по их близости во времени: полное безразличие президента к судьбе своей горемычной соплеменницы и расторопная любезность, с которой он по первой же просьбе отпустил за океан американского шпиона

Поупа, приговоренного к долгому сроку заключения. А ведь по определению суда он нанес ущерб нашей стране, ее обороне на 7 миллиардов долларов. Да еще в эти же дни президент рассыпался в благодарностях перед Клинтоном за некий устроенный им невиданный "прорыв" в российско-американских отношениях. А приведя заявление Буша "США и Россия не являются больше врагами или противниками, как было в советское время", воскликнул, ликуя: "Разве это не позитив!" Да, да, товарищ президент, и "прорыв" невиданный, и "позитив" огромный, почти такой же, какой Германия обрела 9 мая 1945 года, подписав акт, по которому уже безоговорочно не являлась нашим врагом или противником...

В том выступлении по телевидению, обосновывая, защищая новый гимн, президент счел полезным высмеять при этом наш первый советский государственный гимн "Интернационал". Ныне много развелось охотников поглумиться над гимном борьбы трудящихся — от старого циркача Дюрсо из леоновской "Пирамиды" до известной теледамы Сорокиной. Циркач потешался: "Если провести мероприятие, как намечено, до основания, то что останется затем?" А теледама визжит в лицо неизвестно как попавшему на ее передачу "Глас народа" честному человеку: "Знаем мы вас! Весь мир до основанья, да?" Как видим, имеются в виду с детства всем известные великие строки:

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья. А затем —
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.*

Но президент, идя той же стезей, превзошел здесь всех, он сказал: "Помните, как бодро и громко мы пели в свое время, что все разломаем до основанья, а затем мы свой, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем". Во-первых, гимны, сударь, везде и всегда поются бодро и громко. У советского народа имелись особенно веские основания петь свой гимн именно так. Во-вторых, зачем же вместо грозного слова "разрушим" (Carthaginem esse delendam — Карфаген должен быть разрушен) вы сунули житейско-бытовое словцо "разломаем"? В-третьих, да, в построенном нами новом мире кто был ничем, тот стал всем. Это, впрочем, вовсе не означало, что те, кто представлял собой нечто, стали ничем. Где же тут повод для глумления? Кто в последнее царствование были в России "всем", те, по точному слову Нины Берберовой (между прочим, дочери действительного статского советника), "двадцать лет вели страну от позора к позору". И за все это расплата — Октябрь... И вот, кто был ничем, тот стал всем: сын сапожника, изгнанный семинарист, арестант стал руководителем великой страны, мировым лидером, почитаемым всеми державами; сын деревенского скорняка, унтер-офицер стал маршалом Советского Союза, самым выдающимся полководцем армии-победительницы и всей Второй мировой войны; сын рядового колхозника первым в мире совершил космический полет; дети неграмотных рабочих и крестьян стали известными всей стране учеными, писателями, артистами... И ведь такой стала судьба миллионов! Чем же вам это не нравится, президент? Вам бы гордиться вчерашним днем России, заботиться о прославлении его, а вы вместо этого глумитесь над ним вместе с циркачами из литературы и с телевидения.

Президент еще и присовокупил с усмешкой: "Чем это закончилось, хорошо известно". Что — это? Если история Советского Союза, то она закончилась тем, что ваши учителя Горбачев,

Яковлев и Собчак предали свою партию, Советскую власть и Родину, отдали ее на разграбление своим и заморским березовским. А ваш крестный отец пошел в прямое услужение американцам, по требованию которых и по своему слабоумию доведя страну до всеобъемлющего краха. И первый советский гимн "Интернационал" здесь ни при чем. А если вы имели в виду его судьбу, то должен напомнить, что, перестав быть нашим государственным гимном, "Интернационал" не умер. В 1959 году, когда вы, президент, пошли в первый класс, советская межпланетная станция "Луна-2" первой в мире достигла поверхности Луны. А весной 1966 года, когда вы ходили в седьмой класс, Советский Союз, конкретно говоря, именно те, кто был ничем, а стал всем, первыми в мире осуществили мягкую посадку на поверхности Луны автоматической станции "Луна-9". Потом уж, с 1971 года, за нами потянулись американцы со своими "Роверами". С первыми нашими аппаратами на Луну был доставлен советский герб. У вас и от этого с души воротит? Или ваши родители были не пролетариями?.. На упомянутой станции "Луна-9" было установлено музыкальное устройство. И в назначенный час станция послала по радио на Землю и в космос начальные такты мелодии "Интернационала": "Вставай, про-клятьем заклеиме-е-енный, весь ми-и-ир голодных и рабо-о-ов..." Вся страна слушала гимн стоя, весь мир прильнул к приемникам. Поэт Евгений Долматовский в книге "50 твоих песен", подаренной мне весной 1968 года в Коктебеле, писал об этом: "Песнь пролетариев Земли стала первой песней Вселенной". А вы — "разломаем..." Поразмыслил бы о том, сколь различна судьба нашего герба и вашего. Какой эпохальный символ: наш серп и молот — на Луне, а ельцинский двуглавый орел — уже на дне Баренцева моря, на обшивке погибшего "Курска", куда его поспешили прилепить неумолимые угодники. Ваш крестный отец говорит: "Я категорически против возвращения старого гимна. У меня с ним ассоциация только одна — партийные съезды". Конечно, потому что ничего, кроме съездов, на которых он произносил холуйские речи во славу Хрущева или Брежнева, он не знал. А народ помнит, что гимн гремел в День Победы, в день возвращения Гагарина из космического полета, в дни наших невиданных спортивных побед на хоккейных полях, в гимнастике, в катании на льду, в шахматах... А где будет звучать новый гимн? Вот хотя бы на последнем чемпионате мира по хоккею наша команда потерпела 4 (четыре!) поражения подряд и в итоге — 11-е место! А молодежная команда перед Новым годом с трудом заняла 7-е место.

Все честные люди во все века мечтали до основанья разрушить мир насилья. Но нигде не мечтали об этом так страстно, как на Руси:

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас встретит радостно у входа,
И братья меч вам отдадут...*

Ну так посмейтесь, Путин, вместе со своим Хазановым да с телемадам Светланой Грицацовой заодно еще и над Пушкиным: ведь тоже к разрушению призывал, мечтая, чтобы кое-что пало, кое-что рухнуло... А вы же вон что: "Давайте направим всю нашу энергию и весь талант не на разрушение (к чему, дескать, призывает "Интернационал" и чем под его звуки, выходит, занимались наши темные отцы), а на созидание".

Великому гимну еще много работы во всем мире, а особенно — в нашей стране. К

российскому "миру голодных и рабов" он взывает:

*Никто не даст нам избавленья —
Ни Бог, ни царь, ни МВФ.
Добьемся мы страны спасенья,
Разрушив все, что сделал Греф.*

*Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Чубайса с бандой оголтелой
Смахни в помойное ведро!*

*Лишь мы, достойнейшие люди
Великой армии труда,
Владеть землей российской будем,
А хакамады — никогда!*

*Когда же гром великий грянет
Над сворой кохов и сванидз,
Народ плевать в них дружно станет
На лучших улицах столиц.*

ДУМАЮ, ЧТО НЕ ТОЛЬКО МЕНЯ, но и трех собеседников президента, и всех, кто его слушал, просто ошарашило еще и такое его заявление: "Мы в свое время, в советское время, — и еще раз подчеркнул, — в советское время, так напугали весь мир, что это привело к созданию огромных военно-политических блоков". Трудно поверить, но виновницей создания военных блоков, "холодной войны" и раскола послевоенного мира президент объявил свою Родину. Чем же наша Родина так ужасно напугала весь мир? Может быть, тем, что страну, где 75 процентов населения было неграмотно, мы превратили в страну сплошной грамотности и высокой культуры? Или тем, что отсталая сельскохозяйственная окраина мира, рынок сбыта, чем "весь мир" и хотел бы видеть нас вечно, вдруг за какие-то двадцать мирных лет, под руководством коммунистов, стала высокоразвитой промышленной державой, оставившей позади всю Европу? Или тем переполошили мы их, что во Второй мировой войне почти все державы Европы в считанные дни и недели бросали знамена перед бронированными немецкими полчищами, а мы, к изумлению Запада, не только устояли, но и разгромили врага, освободили пол-Европы, взяли Берлин и спасли весь мир от фашистской чумы? О, это особенно могло напугать!.. Или тем застращали, что за несколько лет после войны восстановили свою экономику, двинулись дальше и стали вместе с США сверхдержавой? Или тем, что во множестве великих начинаний и исторических свершений мы были первыми? Первыми из воевавших стран Европы в 1947 году отменили карточную систему; первыми в июне 1954 года построили атомную электростанцию в Обнинске; первыми в октябре 1957 года запустили искусственный спутник Земли; первыми в 1959 году создали атомное гражданское судно, ледокол "Ленин"; первыми в том же году посадили межпланетную станцию на Луне; первыми в 1961 году послали

человека в космос; первыми в 1964 году запустили трехместный космический корабль; первыми, как уже упоминалось, забросили свой герб на Луну и огласили оттуда Вселенную нашим позывным; наконец, первыми с 1953 года 28 раз завоевывали звание чемпиона мира по хоккею, что и во сне не видела Европа со всею музыкой своей...

Если вам, президент, так захотелось поговорить о запугивании, то обратите взгляд не на свою Родину, а прежде всего на родину восхищающего вас Клинтона, специалиста по прорывам. Это англо-американское командование послало 13-14 февраля 1945 года более 1400 бомбардировщиков на Дрезден, и они за три налета обрушили на город 3749 тонн бомб, под которыми погибли свыше 135 тысяч человек и уничтожено 35 тысяч зданий. И цель была только одна — запугать своей мощью нас и весь мир, ибо, во-первых, Дрезден — город музейный, никакого военного значения он не имел; во-вторых, до конца войны оставалось меньше двух месяцев, и это было всем ясно; наконец, по предварительной договоренности, город находился в советской зоне оккупации, что делало адрес угрозы уж совсем ясным. Эту же цель — запугать нас и весь мир, имела и американская атомная бомбардировка 6 и 9 августа 1945 года японских городов Хиросима и Нагасаки, повлекшая еще больше жертв.

Президенту России следует знать, что "холодная война" имеет точную дату рождения, адрес и имя ее отца. Она родилась 5 марта 1946 года и не в России, а в США, в городе Фултон, ее отец — Черчилль, имя которого ваши собчаковидные друзья произносят только с закрытыми от благоговения глазами. Это он в тот день призвал к созданию англо-американского военного блока против СССР. Так подумайте, кто же кого пугал. И учтите, что мы не ответили на призыв и угрозы Черчилля тем же. Сталин тогда сказал лишь, что сэр Уинстон становится на путь Гитлера... 4 апреля 1949 года десять стран Европы, а также Канада и, разумеется, во главе с США подписали Атлантический пакт, создали военный союз НАТО. Позже присоединились еще две страны. Всего набралось четырнадцать. Не побрезговали даже Люксембургом. И это произошло еще до того, как мы создали свою атомную бомбу. Но и тогда мы не прибегли к созданию военного блока. В сентябре 1949 года оккупационные зоны США, Англии и Франции, вопреки имевшейся договоренности, превратились в Федеративную республику Германию. И лишь в ответ на это была создана ГДР. В последующие годы Советское правительство неоднократно обращалось к правительствам США, Англии и Франции с предложением об участии СССР в НАТО, о создании системы коллективной безопасности, но все наши предложения игнорировались. Что, с перепугу они языка лишились, товарищ Путин?.. А в 1954 году, опять-таки вопреки договоренности, в НАТО была принята ФРГ, 15-я страна. К тому времени объединенные вооруженные силы союзников в Европе составляли около 100 дивизий сухопутных войск, до 5 тысяч самолетов. И только после этого, только опять-таки в ответ на создание НАТО, в ответ на прием ФРГ, в ответ на наращивание военных сил в Европе и создание во всем мире американских военных баз, только после всего этого 14 мая 1955 года был подписан Варшавский Договор. В него вошли 8 государств, то есть в два раза меньше, чем в НАТО, и не было среди них ни одного американского или азиатского государства, как США, Канада и Турция в НАТО. Вот как выглядит подлинная история запугивания всего мира, а не высосанная из пальца с целью ублажить Запад за счет своей Родины.

Но все же, если смотреть в корень, то, конечно, надо признать: мы страшно напугали "весь мир", он кошмарно боялся, но не наших танков — у него их было не меньше, не наших самолетов — у него их было больше, не наших ракет — мы с нашей огромной территорией

были уязвимы. Он ужасно боялся того, чего у него не было и не могло быть — нашего образа жизни: социальной справедливости, духа человечности, витавшего над всем обществом, бесплатного образования и медицины, широкого доступа всего народа к сокровищам мировой культуры, добрых отношений между народами, нашей веры в будущее... Это и страшило, это и внушало ненависть. Вот о чем и надо было сказать.

За год своего президентства В. Путин встречался уже с руководителями многих стран. Так вот, как жаль, что в том предновогоднем интервью никто из трех журналистов не спросил его: "Уважаемый, вам приходилось слышать, чтобы хоть один президент, глава правительства или министр иностранных дел хоть одной страны мира, ну хотя бы немец Шредер, хаял прошлое своей родины, глумился над ее старым гимном, ну хотя бы над гимном "Deutschland uber alles", взваливал на нее ответственность за чужие грязные дела?" Он наверняка ответил бы: "Конечно, нет!" И тогда журналисты могли бы сказать ему: "А что заставляет вас заниматься этим? Вы же единственный в своем роде президент во всем мире. И останетесь таким, пока по капле не выдавите из себя Собчака и Ельцина, как Чехов призывал выдавливать раба".

Собчак умер, а у Ельцина скоро юбилей — 70 годочков отпакостничал. Он объявил: "Мы уже с Владимиром Владимировичем думали, как отметить эту дату... Я размышляю. Даже с форматом не определился. Можно ведь позвать и сто гостей, и пятьсот, и тысячу... Я пока не определился". Так вот, Владимир Владимирович, помогите ему определиться с форматом, дабы его юбилей политического покойника не обернулся политическими поминками живого.

[Вернуться в Линдекс](#)

Прекрасный анализ итогов годового правления Путина. Автор показывает ужасные вещи. Страшно даже не то, что Путин пытается выдать черное за белое, не то, что он врет, а то, что он искренне верит в то, что несет. Все это ставит на повестку дня отказ от обычных методов критики подобных людей, поскольку у них не адекватная логика.

Бушин В.С. "[Менуэт президента](#)", "Завтра", №3, 2001 г., 100000 экз., 40,0 Кб.

Смотри также

[Враги](#)

[Реформы и реформаторы](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **НЕ БЫТЬ СЛЕПЫМ**

No: 46(259)

Date: 17-11-98

По моим наблюдениям, наша оппозиционная пресса опять — в который уже раз! — явила миру свою прозорливость и гибкость. Речь идет о ее откликах на открытое письмо Эдуарда Тополя “Возлюбите Россию, Борис Абрамович!”, с которым писатель недавно обратился к Б.А.Березовскому “и другим олигархам” со страниц еженедельника “Аргументы и факты” №38.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО тотчас отозвался в “Завтра” №40: “Это не русско-еврейский диалог. Это спор евреев между собой. Спор о том, как лучше защитить свои интересы... Но почему российская массовая газета, а не “Еврейская газета” Т.Голенпольского, публикует этот еврейско-еврейский спор?”

Во-первых, с самого начала было ясно, что спора не будет: Березовский ничего не ответил и не ответит. Это не “спор”, а инвектива. И думаю, во-вторых, что Тополь выступил не в районного размаха “Еврейской газете”, которую, подобно каким-нибудь еврейским “Литературным вестям” В.Оскоцкого, и среди евреев-то читают немногие, а в массовой русской газете именно с целью предстать со своей антиберезовской инвективой перед лицом многомиллионного русского читателя. А среди них до сих пор многие не слышали, например, а кто слышал и ныне еще не верят, что “все или почти все деньги” их Родины “оказались в еврейских руках”. И странно видеть недовольство тем, что теперь они узнали об этом не от Бондаренко, а из еврейских уст. Но дело не только в пользе просветительства...

В том же номере “Завтра” Виктор Тростников в статье “Мир не будет вашим!” заявляет: “Что касается Березовского, то я не знаю о нем ничего, кроме того, что он богат, но это еще не основание, чтобы ругать его”.

Поразительное дело! “Я не знаю...” Имя человека не сходит со страниц газет, его лик, что ни день, сияет на всех телеэкранах, а столичный публицист, часто выступающий в оппозиционной прессе, не ведает о нем хотя бы того, что он был членом Совета безопасности, играл важную роль в чеченской трагедии, сейчас занимает ответственный пост в структурах СНГ, близок к семье президента и т.д. Ничего не ведает и не стесняется признаваться в этом. Вот так и работаем... Не знаешь — спроси. Сегодня не знать Березовского — это все равно, что забыть, сколько тебе лет и как зовут родную тещу.

Еще более изумляет полная неосведомленность публициста о происхождении в наши дни богатств на Руси. О, это истинно русский человек наших дней! На его глазах родной народ ограбили, а он как с неба свалился: “Это еще не основание, чтобы ругать грабителей”... И гордо

продолжает: “Вот если бы вы рассказали, чем Березовский вредит России, я мог бы как-то определить свое отношение к нему”.

Ах, да что там Березовский! Вы, господин Тростников, определили бы свое отношение хотя бы к Жириновскому. И о нем ничего не ведаете? Ну так для начала примите в расчет, что, как объявил в Думе Виктор Илюхин, а потом — “Новая газета” в № 39, “живя исключительно на одну (далеко не огромную) депутатскую зарплату, депутат Жириновский за последние пять лет умудрился приобрести в личную собственность 122 квартиры и 227 автомобилей”. Неужели и эти данные не помогают вам определить свое отношение к этому народному избраннику?

Как человеку религиозному вам тут могло бы помочь святое писание, где, как известно, объявлено: “Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие небесное”. А понять, почему в небесной канцелярии провозглашена такая дискриминация, вам как русскому патриоту могли бы помочь русские пословицы и поговорки в таком роде, например: “Богатому черти деньги куют”. Или: “Богатому житье, а бедному нытье”. Или: “От трудов праведных не наживешь палат каменных” и т.п. Но странное дело! Как видим, ни ваша религиозность, ни ваш патриотизм не открыли вам глаза даже на столь важные вещи и на столь ясные фигуры. Что уж говорить в таком случае о понимании Тополя и его весьма неординарного поступка. Тем более, что вы еще и говорите ему: “Еврейскую междоусобицу в прессе перенесите, пожалуйста, за пределы нашей страны — нам она неинтересна”. Вслед за другими повторяя банальность о междоусобице, вы здесь еще, похоже, и лицемерите: если бы письмо Тополя было вам неинтересно, то молча прошли бы мимо, но ведь вместо этого вы весьма расторопно кинулись на него отвечать... А рядом в газете еще две статьи, и вместе — это целая полоса.

Патриотов больше всего возмутило в письме Тополя “расовое еврейское высокомерие”. В самом деле, он пишет, например: “Мы избранники Божьи, и мы действительно избранный им народ, чтобы вывести народы мира из язычества и варварства в мир десяти заповедей цивилизации”. Все так.. Но такое самомнение — это что, для вас новость? Неужто никто из вас не помнит хотя бы стишок “Союз И”, когда-то появившийся одновременно в журнале “Москва” и в “Дне поэзии”? Там вся суть в концовке:

Без союзов язык немеет.

И я знаю: сойдет с колес,

Человечество быть не сумеет

Без народа по имени И.

Кто автор? Семен Израилевич Липкин, уроженец Одессы, один из древнейших ныне представителей народа И, сейчас ему 87 годков. В справочнике “Кто есть кто в России” (М., “Олимп”, 1997) о нем сказано: “Запоздалая слава пришла к Липкину во времена Горбачева... Судьба его поражает прежде всего масштабами и всеохватностью личности поэта, его внутренней свободой и трудолюбием”. Все это могу подтвердить, ибо до недавних пор Семен Израилевич был долгое время моим соседом по даче. Правда, слава пришла к нему гораздо раньше, и есть у меня некоторое сомнение относительно всеохватности его трудолюбия, поскольку когда мы с женой, не разгибая спин, копошились на своей земельке, Семен Израилевич, если мне память не изменяет, в котелке и с тросточкой прогуливался мимо со

своей прекрасной поэтессой Инной Львовной Лисянской, обычно тоже державшей что-то в руках, может быть, драгоценный веер.

Кстати сказать, сознательная, демонстративная публикация помянутого стихотворения сразу в двух изданиях никаких неприятностей автору не принесла. Из Союза писателей они с женой вышли сами, и было это позже, а через несколько лет они были восстановлены, в чем автор этих строк принимал посильное участие, но тогда меня, разумеется, сильно озадачило высокомерное объявление, что “человечество быть не сумеет” без Семена Израилевича в котелке и Инны Львовны с кастаньетами. Но потом я понял, что тут довольно распространенная национальная болезнь, и у таких, как Липкин, она неизлечима. И понимание этого пришло ко мне через того же Семена Израилевича. Дело было так.

ОДНАЖДЫ В ЗОЛОТУЮ ПОРУ казарменного социализма группа московских литераторов была приглашена в Кабардино-Балкарию. Мы провели там несколько творческих вечеров. Все было прекрасно. Липкина, известного переводчика, принимали, как национального героя. Ему подарили роскошную папаху и бурку — не хуже, чем недавно чеченцы подарили Лебедю. А при проходах на аэродроме, куда его доставили в отдельной машине, еще и преподнесли огромный букет. Меня же там мало кто знал, но я чем-то пришелся по душе секретарю райкома партии, обаятельной русской женщине, отвечавшей за всю нашу поездку. Может быть, понравился я тем, что никогда нигде не голосил, будто человечество быть не сумеет без народа по имени Р.

И вот после прощального застолья в каком-то санатории секретарь райкома привезла меня на аэродром, тоже на машине, и там презентовала еще более великолепный букет, нежели у Липкина. О, надо было видеть при всем этом лица его провожающих!..

То ли случайно, то ли потому, что оба оказались букетносцами, мы с Семеном Израилевичем в самолете сидели рядом. И не успел самолет еще взлететь, как он спросил меня: “Вы знаете, что такое салям алейкум?” — “Конечно! — ответил я. — Нас же здесь всюду приветствовали этими словами”. — “Нет, вы не знаете, что такое салям алейкум!” — сокрушенно вздохнул мой прославленный сосед и с гордостью объяснил: “Салям алейкум — это шолом алейхем. Вот! Это мы им дали”. Такого рода просвещением он донимал меня всю дороженьку до Москвы. Вот тогда-то, на высоте десять тысяч метров, за облаками, я и понял, что болезнь неизлечима. И тогда же, слушая поднебесные рулады Липкина и вконец одурев от них, я сочинил ответ на его “Союз И”:

Без союзов язык онемает.

Я и сам бы без них онемел.

Но поэзия выжить сумеет

Без поэта по имени Эл.

Да, болезнь порой неизлечима, особенно — среди литературской публики. Вот еще пример этого — стихотворение поэта-анималиста “Розовые лошади”:

***До сих пор не знаю,
отчего были розовы лошади эти.***

От породы?

**От крови,
горящей под тонкую кожей?**

Или просто от солнца?

**Весь табун был гнедым,
вороным и буланым.**

**Две кобылы и жеребенок
розовели, как зори
в разнооблачном небе.**

Эти лошади держались отдельно.

**Может быть,
ими брезговали вороны?**

**Может быть,
им самим не хотелось к буланым?**

**Может быть,
это просто закон мироздания —
масть шла к масти?**

**Но среди двухсот тридцати
коннозаводских,
пересчитанных мною
на долгом досуге,**

**две кобылы и жеребенок
розовели, как зори,
развевались, как флаги,
и металась языками
большого пожара.**

О чем странный стишок и кто сей поэт-анималист? Вы все поймете, если я скажу, что он — Борис Слуцкий, напечатано это в 1972 году в журнале “Юность”, где поэзией ведал Натан Злотников. Тогда евреев в стране было примерно два с половиной миллиона — “две кобылы и жеребенок”, а все остальное население — примерно 230 миллионов. Причем гнедые, т.е. рыжие или бурые, это можно считать, что русские и другие славяне. Вороны, т.е. черные, это, скажем, черноволосые турки. Буланы, т.е. желтоватые, это калмыки, буряты и другие представители желтой расы. Все тщательно обдумано. А как возвышенно и проникновенно сказано о кобылах и жеребенке! Они розовы, а не буланы, у них тонкая кожа, горящая кровь, они подобны зорям, флагам, языкам “большого костра”, под которым, конечно же, надо понимать мировое еврейство. А остальные 230 — обычные лошади...

Вот к каким каббалистическим ребусам прибегали поэт-коммунист и беспартийный интернационалист, чтобы воспеть вековечный “закон мироздания” — обособленность, неслиянность тонкокожих евреев с прочим “коннозаводским” населением — и восславить их великую спасительную роль для всего человечества...

А ВЫ, ДРУЗЬЯ-ПАТРИОТЫ, негодуете на Тополя за то, что он мурлычет о божественном

предназначении евреев учить язычников таблице умножения, азбуке и тому, как их женам пользоваться биде. Подумайте, какой вес могут иметь такие героические заявления в устах человека, который прямо признается: “Мы с вами, конечно, атеисты, Борис Абрамович, и ваши друзья-олигархи тоже. Мы выше этих пошлых детских сентенций”. Богоизбранные атеисты!.. Но более всего вы возмущены тем, что Тополь говорит о нас “эта страна”, “этот народ”. Да право же, рядом с такими хитроумцами, как Слуцкий и Липкин, он просто беззащитен в своем простодушии и открытости.

А ведь иные из вас дошли до того, что поставили на одну доску письмо Тополя и недавнее интервью Альфреда Коха. Так, Жанна Касьяненко пишет в “Советской России”: “Откровения Тополя стали для общества шоком... мы ахнули: так вот как, оказывается, они к нам относятся! Не меньшее (!) потрясение несет в себе и интервью Альфреда Коха, прозвучавшее 23 октября... И здесь (!) степень беззащитности и обнажения может соперничать с самой омерзительной порнографией”. Уму непостижимо!

Один говорит о нашей Родине с презрением и ненавистью: “Я не понимаю, что такого особенного в России... Она никому не нужна (смеется). В мировом хозяйстве нет для нее места... Россия только мешает... Россия никому не нужна, не нужна никому Россия, поймите (смеется)... Это обанкротившаяся страна”... Другой пишет с горячим сочувствием и болью, призывает помочь нам: “Сегодня народ, среди которого мы живем, в настоящей беде. В стране нищета, хаос, отчаяние, голод, безработица, мародерство чиновников и бандитов. Наши возлюбленные, русские женщины на панели. Так скиньтесь же, черт возьми, по миллиарду или по два, не жидитесь, а помогите этой нации”.

Один, злобно глумясь над муками вскормившей его страны, всю вину за нынешнее наше отчаянное положение взваливает на нас самих, на русских: “Многострадальный народ страдает по собственной вине... Этот народ по заслугам пожинает то, что плодил... Они так собой любят... Они уже не в состоянии ничего сделать”. Другой, прямо назвав имена “кукловодов”, которые при развале СССР благодаря своей ловкости “смогли оказаться ближе всех к пирогу” и продолжают думать лишь о том, как еще “набить свой сейф миллиардом долларов”, иначе говоря, смело указав своим обогатившимся соплеменникам на их тяжкую вину перед вскормившей страной, предъявив им суровый счет, он в глаза предупреждает о весьма вероятных или уже неотвратимых последствиях: “Тот факт, что ни свой божий дар, ни свои деньги (только что он разъяснил, какие это “свои” деньги, — В.Б.) вы все еще не употребили на благо этой страны и этого народа, — это самоубийству подобно!”

Перед нами два совершенно разных отношения к России, два противоположных объяснения русской беды, перед нами два антипода, а многоголосый хор дружно твердит: “Это близнецы! Яблочко от яблони... Ворон ворону...”

Один дает совет, как обезоружить его страну и превратить в колонию: “Чтобы отобрать у России атомное оружие, достаточно парашютно-десантной дивизии. Однажды высадиться и забрать все эти ракеты к чертовой матери!” Другой взывает: “Возлюбите Россию!” И старается протрясти потерявших представление о реальности соплеменников тенью страшного прошлого: “Знайте, когда в Германии все деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь о преумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер, и кончилось это холокостом”.

Здесь он дает свое невероятное для еврея объяснение самой причины холокоста, вину за который возлагает и на евреев тоже. Патриоты не заметили даже этого! Но ведь иные из них

писали, как совсем недавно — за гораздо более невинную реплику не об исходной причине, а лишь о масштабе холокоста — француз Ле Пен был лишен неприкосновенности члена Европарламента. Тут один из самых рьяных патриотов брякнул даже такое: “Как видите(!), Тополь нимало не сомневается в том, что они, евреи, имеют право устроить холокост и русского народа, и всего СССР”. О, слепые поводыри слепых!..

А ОН, ВСЕ В ТОЙ ЖЕ НАДЕЖДЕ прошибить вековую стену, на помощь кровавым теням прошлого вызывает еще и кровавые призраки возможного будущего: “Это легко начинается: только дай нищему и злему гарантию ненаказуемости, он пойдет жечь, насиловать и грабить везде — и в Полтаве, и в Москве, и в Лос-Анджелесе”. И наконец: “Даже если вы успеете улететь из России на своих личных самолетах, вы все равно будете кончеными людьми. Вы станете просто беженцами на иноязычной чужбине...”

В этих страшных пророчествах и угрозах наши патриоты видят лишь одно — тревогу автора письма о своих евреях. Ж.Касьяненко уверена: “Тополь призывает Березовского возлюбить Россию, потому что иначе придется плохо их же соплеменникам. Только ради этого и следует ослабить вожжи. Только для того, чтобы русские не устроили погром! Десятки миллионов людей других национальностей Тополя не волнуют”. То же твердят и остальные. Конечно, если не видят даже мысли и чувства, явленные прямо, как разглядеть то, что не лежит на поверхности.

Они хотят, чтобы еврей агитировал своих соплеменников-банкиров точно так же, как лидеры патриотов агитируют их самих: “Россия!.. Родина!.. Народ!..” А проницательный Тополь прибег к доводам самым сильным и, вероятно, даже к единственно возможным в данной ситуации — к пророчествам и призракам той опасности, которая грозит в случае неизменного эгоизма именно евреям в целом, и этим “кукловодам” персонально. Ведь все иное уж наверняка отскочит, как от стенки горох. Он сделал то, что мог. Поучитесь у него, патриоты, а не учиняйте ему “элементарный отпор”. Уж столько мы нагляделись всего элементарного...

И к этому Коху подошли элементарно: “Бацилла хихикает”... Да какое мне дело до бациллы! Антисоветчики, русофобы, мерзавцы всегда были и будут. Гораздо важнее показать бульон, в котором такие бациллы размножаются, и тех, кто его приготовил, — прежде всего Ельцина и Черномырдина. Ведь этот грязный русофоб был не рядовым чиновником их администрации, а вице-премьером и главой Госкомимущества. Кто его туда сунул? Кто продвинул на такой важнейший пост? Кто теперь будет за него отвечать?..

История еврейского народа знает немало мужественных бунтарей против косных эгоистических догм гетто, и судьба их была печальна. Моисей Маймонид, философ и врач из Кордовы, бывшей тогда, в XII веке, центром талмудизма, в своем знаменитом “Кодексе принципов иудаизма” заявил, в частности: “Кое-кто думает, что неиудея разрешается обманывать: это ошибка, основанная на невежестве. При сделках запрещается обольщать и обманывать ЛЮБОГО человека. К неиудею нужно относиться точно так же, как и к иудею. Всякий обман, двуличие, хитрость и плутовство по отношению к неиудею — презренны в глазах Всемогущего. И все, поступающие несправедливо, отвратительны Господу Богу”. Разве не в этом же суть письма Эдуарда Тополя?.. Талмудисты донесли о трудах Маймонида инквизиции: “Вы очищаете ваши общины от еретиков, очистите и нашу тоже”. И в 1232 году его книги были сожжены, а на могиле бунтаря высекли: “Здесь лежит отлученный еврей”.

В 1616 году Уриель да Коста (по русской литературно-исторической традиции Д`Акоста) опубликовал в Гамбурге "Тезисы против Традиции", где обличал "фарисеев". Его тоже отлучили от иудейства. Но в 1624 году он издал новую крамольную книгу — "Исследование фарисейского учения путем сравнения его с Писанным Законом".

Разве не подобное исследование содержит письмо Эдуарда Тополя?.. Талмудисты Амстердама, где жил Д`Акоста, обратились с жалобой в суд, обвинив автора в том, что его трактат подрывает не только иудейскую, но и христианскую веру. И по решению судей-христиан, ставших послушным орудием чужой воли, книга была сожжена. Соплеменники затравили строптивца, и в 1640 году в возрасте пятидесяти пяти лет он покончил с собой. В 1847 году, накануне революции, Карл Гуцков напишет о нем свою лучшую пьесу. А в 1895 году молодой Станиславский блистательно сыграет в этой пьесе роль трагического героя...

Еще печальнее оказалась судьба, может быть, самого известного в еврейской истории бунтаря — Спинозы. Амстердамский раввинат предал философа анафеме и огласил над его головой страшные слова: "Будь он проклят... Да выделит Господь его для гибели из числа всех племен Израилевых со всеми проклятиями свода небесного, вписанными в Тору. Пусть никто не говорит с ним, никто не напишет ему, никто не окажет ему милости, никто не пребудет с ним под одной кровлей, никто не подойдет к нему близко". Не произнесено ли уже такое проклятие над головой Эдуарда Тополя?

В жестокой нищете и в полном одиночестве Спиноза умер в возрасте 44 лет.

Так не жидитесь, патриоты, на внимание и доброту к тому, кто хочет стране добра.

[Вернуться в Линдекс](#)

В.Бушин анализирует реакцию оппозиции на известное письма еврея Тополя к еврею Березовскому, в котором высказаны пожелания умерить прыть во имя конечной победы богоизбранного народа. Бушин, с одной стороны, удивляется реакции оппозиционеров на давно известные признания евреев о себе и о других народах-гоях. А с другой стороны, призывает не стричь всех евреев под одну гребенку.

Бушин В.С. "[Не быть слепым](#)", "Завтра", №46, 1998 г., 100000 экз., 22,0 Кб.

Смотри также

[Евреи](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **ОСАНКА БЛАГОРОДСТВА**

No: 37(302)

Date: 14-09-99

ПОЭТ ОДНАЖДЫ ВОСКЛИКНУЛ: *“Льстецы! Льстецы! Старайтесь сохранить / И в подлости осанку благородства...”* Но разве этот совет полезен только льстецам?.. За последние годы на политической сцене перед нами прошла длинная вереница персонажей, чрезвычайно озабоченных осанкой благородства. Вспомните, допустим, Сергея Станкевича. Ведь сам лик его излучал святость. И кто бы мог подумать — его обвинили в мелких взятках!.. А Собчак? Сама принципиальность, сама справедливость, сама боль за народ. И вдруг при первом намеке прокуратуры на то, что он не всегда чистит по утрам зубы, он то ли наклеивает бороду, то ли наряжается в изящные одежды своей супруги и на спортивном самолете вроде “Сессны”, на котором в 1986 году Руст приземлился на Васильевском спуске, летит в Париж, приземляется чуть ли не на крыше Елисейского дворца и долго-долго сидит там голодный... А Березовский? Всегда прав, во всем прав, ни в чем не виноват, как ангел, чист, а его почему-то никто не любит, даже Сорос, распространяют сплетни о каких-то его счетах в каких-то банках какой-то Швейцарии... Я уж не говорю о таких поистине корифеях благородства, как Горбачев и Яковлев. И все-таки даже на таком фоне Григорий Явлинский выделяется своей постоянной озабоченностью осанкой благородства. Это можно было видеть совсем недавно.

Накануне рассмотрения в Думе кандидатуры В.Путина на РТР состоялся примерно такой, как я его запомнил, разговор Г.Явлинского с Н.Сванидзе: “Многие члены фракции “Яблоко” будут голосовать против”. — “Вы говорите об этом с пониманием и даже сочувствием. Но почему против?” — “Да ведь подполковник Путин — дитя спецслужб. Он отрубил там пятнадцать лет”. — “Хорошо. Но ведь это наша, а не иностранная спецслужба, она стоит на страже интересов России, а не США”. — “Все равно — низзя! Только при лишенных малейшего понятия о благородстве коммунистах во главе правящей партии мог быть поставлен председатель КГБ Андропов. Низзя!” — “Позвольте, но в США, которые для нас, демократов, остаются немеркнущим маяком, президентом был Буш, такой же кагэбешник”. — “США очень далеко. И потом это особый случай”. — “Допустим. Но вот же совсем недавно вы сами выдвинули на тот пост, что сейчас предложен Путину, Примакова, который еще вчера возглавлял разведку и, кажется, был прямым начальником Путина”. — “Примаков? Это особый случай. Он консолидировал общество”. — “Консолидировал, т.е. делал доброе дело? Тогда, во-первых, зачем же вы так рьяно выступали против его правительства, а самого изображали слепцом, не видящим у себя под носом взяточников и ворюг? Во-вторых, почему не допустить, что и Путин сделает что-то путное? Ведь сама фамилия внушает надежду”. — “Низзя!” — “А до этого аж в самом Совете безопасности у нас сидел человек с двойным гражданством. И вы, Григорий Алексеевич, помнитесь, не шумели по этому поводу”. — “С двойным? Это особый случай...” Каков же итог? Да, видимо, Явлинский уверен, что осанку благородства удалось сохранить...

В последовавшей затем истории со Степашиным осанка была еще благородней... Вскоре после своей трагикомической отставки тот заявил: “Ведутся очень активные консультации с

нашими ведущими политиками". Это с кем же? С Примаковым, Лужковым, Шаймиевым, Чубайсом и Рушайло. Явлинского среди этих ведущих не оказалось. К этому был такой довесок: "Мои симпатии к "Отечеству" я не скрывал никогда... Я поддерживал и поддерживаю "Отечество". О "Яблоке" — ни слова. И вдруг стало известно, что была предпринята попытка войти в "Яблоко", но она не удалась. Вполне возможно, по той причине, что Степашин хотел возглавить избирательный список, что было бы вполне естественно: ведь все собратья по отставному премьерству возглавили — и Гайдар, и Черномырдин, и Кириенко, и Примаков. А что Степашин — рыжий? Мало того, ведь он самый свеженький из премьер-отставников, и если те, кроме Примакова, даже не входят уже ни в какие рейтинги, то у него, наоборот, что-то там зашевелилось между 5-ю и 10-ю. Но не таков Явлинский! Он первое место в списке и самому Господу Богу не уступит. Так и повелит начертать в списке: 1. Явлинский Г.А.; 2. Саваоф; 3. Иваненко... и т. д.

Не случайно выразительную букву "я", с которой начинается его имя, он вставил опять же на первое место, в название своего объединения, чего нет больше ни у кого, даже у Жириновского. Осанка благородства!..

Но он объяснил размолвку совсем не так и, разумеется, очень благородно. Видите ли, говорит, как обнаружилось, Степашин — генерал, и верховный главнокомандующий всегда имеет возможность оказать на него какое-то давление, и может случиться так, что ему придется выйти из первой тройки, а тогда Избирком вправе все объединение снять с выборов. Вот и пришлось расстаться...

Очень убедительно! Но все же есть вопросы. Во-первых, что, разве Степашин в политике и во власти единственный генерал? Да их там ныне как сельдей в бочке: Руцкой, Лебедь, Николаев, Семенов, Хака... Пардон! И никого из них главноверх не терзает. Во-вторых, как президент Ельцин, разумеется, имеет возможность оказать то или иное влияние на любого гражданина страны, но разве как главноверх он вправе вторгнуться в совершенно не военную сферу и зычным голосом приказать: "Генерал Степашин, из списка "Яблока" бегом арш!" Очень сомнительно. В свое время даже патриарх не смог запретить Глебу Якунину стать депутатом. Ну, правда, потом его лишили сана. Так неужели ради высокой идеи служения народу в союзе с Явлинским не мог бы Степашин при необходимости пожертвовать генеральским званием, полученным отнюдь не в кровопролитных сражениях за свободу Родины? В-третьих, ведь Степашин такой же кагэбешник, как Андропов и Примаков, Буш и Путин. Опять особый случай? В чем его суть? И наконец: если Степашин так дорог "Яблоку", то почему нельзя поставить его имя в списке четвертым? Ведь тогда зычная команда главноверха, буде она прогремит, не имела бы для объединения трагических последствий. Согласились же на четвертое место в списке и Лапшин, и Борис Федоров, и Крашенинников, а ведь первые два — лидеры партии и движения, а третий — недавний министр...

А ДАЛЬШЕ СОБЫТИЯ РАЗВИВАЛИСЬ уж совсем красиво. Вдруг объявляют: пакт Явлинский — Степашин заключен! Отставник идет вторым номером!.. Как так — разве он уже не генерал? За что разжаловали? Неужто, как бедолагу Ковалева, засекали в бане с наядами? А кагэбешное прошлое, то есть служба в ФСБ? Или выяснилось, наконец, что это Федеральная служба Кролиководства? А бездарное участие на высокой должности в бездарной чеченской войне? Ведь именно по этому единственному пункту Явлинский голосовал за отставку Ельцина при

попытке импичмента! Что ж, забыто? Отринуто? Предано?.. И наконец, как это голосование за отставку Ельцина, возмущение его “безумным стилем” работы и руководства страной, уподобление кремлевской Семьи — Семье свергнутого индонезийского президента Сухарто, в страхе ждущего возмездия народа, — как все это совместить с неизменными клятвами Степашина в верности Ельцину, с заверениями “итти с ним до конца”? Как негодование президентом за то, что он “всех нас считает за мусор”, увязать с нежными благодарностями ему Степашина “за все”, в том числе и за то, что “он ввел меня, мальчишку, в большую политику”?

Нет, оказалось, что в бане с наядами никто Степашина не заставлял, он остается генералом, и от пламенной любви к Ельцину не отрекся, наоборот, живет трогательными воспоминаниями их последнего, как признается, “просто замечательного для меня разговора с Борисом Николаевичем (мы давно так не говорили и давно так не понимали друг друга)”. Но теперь Степашин почему-то вдруг перестал опасаться команды “Бегом арш!” и не ожидает ее. А Явлинский столь же неожиданно почему-то вдруг перестал замечать пылкую любовь генерала и брезговать его прошлым, даже тем зафиксированным в его биографии фактом, что на посту директора ФСК он без ведома армейских командиров позволил своим подручным вербовать добровольцев в Чечню. “А когда те попали в плен, он отрекся от них”. “Что же касается вообще войны в Чечне, то здесь пошли на компромисс, объявили: “Степашин признал ее ошибкой”. Десятки тысяч погибших, сотни тысяч беженцев, разорение цветущей республики — и даже спустя три года это не признается кровавым государственным преступлением огромного масштаба, в котором принимал самое активное участие, а названо всего лишь ошибкой, оказывается, и раскаяния не заслуживающей, поскольку оно не последовало. Ну а уж если только ошибка, то чья? Неизвестно... Осанка благородства не позволяет назвать имена... Вот на такой сговор с такой фигурой, не скупясь и не привередничая, пошел Явлинский в расчете на большую выгоду...

Впрочем, ничего нового в этом лицедействе нет, и гораздо примечательней другое — восторг и ликование, эйфория и экстаз, охватившие души участников пакта. Явлинский радостно возопил: “Настало наше время!” И тут же придался мечтаниям в духе известной героини Островского: “Вот если бы к степенности Серапиона Мордарьевича прибавить развязность Балтазара Балтазаровича...” — “Вот если бы к моему рейтингу прибавить рейтинг Степашина!..” И что? Получилось бы 15. А сам генерал и вовсе оборзел. В разговоре со Сванидзе он решительно заявил, что начинает “бег на дистанцию в 800 метров”, — т. е. борьбу за президентское кресло. И добавил: “Я! Мы! Готовы взять ответственность за страну!”

Боже мой, и это говорит человек, который, как упоминалось, отрекся от попавших в плен солдат, незаконно завербованных его ведомством. 13 августа в интервью “Комсомольской правде” он допытывался у своего собеседника Александра Гамова: “Для кого я ненадежный, Саш? Для власти? Для страны? Для президента? Для губернаторов? Для зарубежных партнеров?..” Остановись, генерал! Ты ненадежен и проклят хотя бы уж теми солдатами, если они живы, от которых отрекся.

Но он тут же и сам себя опровергает в лучших традициях знаменитой унтер-офицерской вдовы: “Потому-то меня и убрали, что я надежный! Для всех надежный.” Вот те раз! Кто убрал-то? Президент. Зачем он будет убирать главу правительства, который для него надежен? Значит, именно для него и ненадежен, несмотря на всю свою пламенную любовь к нему.

Правда, тут есть одна жутковатая подробность:

“Я не стал обслуживать интересы определенной группы, которая и посчитала, что в этой ситуации я ненадежен”. Так что лично для президента генерал, может быть, и надежен, и мил, но есть “определенная группа”, которой он не по нраву, и она столь могущественная, столь вездесуща, что в силах по своей прихоти заставить президента, невзирая на вселенское позорище для него, выставить главу правительства, не проработавшего даже трех месяцев. И храбрый генерал, то и дело толкующий о своей офицерской чести (“Я ответил: “Борис Николаевич, я ни в какой другой команде не состою, а с вами я остаюсь, это факт”. “И сказал, как положено офицеру: “Честь имею!”), сей храбрый генерал не смеет не только назвать хоть одно имя из таинственной “определенной группы”, но даже намекнуть, что это такое, откуда она. А ведь ясно же, что это противозаконная антигосударственная сила, которая делает все, что хочет. Степашин обязан был знать о ней еще на своих прежних должностях директора ФСК, министра юстиции и МВД. И не только знать, но и объявить о ней народу и вести с ней борьбу. А он и теперь трусит.

СТЕПАШИН ПРОДОЛЖАЕТ упоенно нахваливать себя: “Я никого обслуживать никогда не хотел, меня никто никогда не покупал. Не все же продаются и не все же покупаются в нашей стране”. Да, вполне возможно, что тебя и не купили, генерал. Но ведь есть более эффективный способ заставить молчать — угроза. Вот тебя и запугали, и не смеешь открыть рот, и есть основания полагать, что генеральские штаны с лампасами несколько отяжелели... Таков мир, что создан демократами и их отцом избранником: президент действует по указанию какой-то темной силы, министры, отвечающие за безопасность страны, глава правительства знают эту силу, но не смеют ее даже назвать, а тихо и послушно уходят в отставку и по ее требованию рассыпаются в благодарностях тому, чьими руками та сила вышибла его вон. И после этого он еще уверяет, что придет первым в беге на дистанцию 800 метров и готов взять ответственность за страну. Да ведь если та группа помыкает спесивым матерым политбюрошником, то что ей помешает еще бесцеремонней помыкать скороспелым генералом в тяжелых штанах?

Среди похвал Степашина своей неподкупности и принципиальности, честности и “если угодно, порядочности” одна похвала, пожалуй, превосходит все: “Меня просто нельзя переделать!” Просто!.. Он, что, нас за дураков держит или у самого крыша поехала? Да кто же не знает, что в двадцать лет он вступил в партию, в двадцать два года окончил Высшее политическое училище МВД, в двадцать четыре закончил Военно-политическую академию им. Ленина. Аспирантуру там же. В тридцать защитил кандидатскую диссертацию “Партийное руководство противопожарными формированиями”... Это был путь самого завязатого партийно-политического функционера, и дальше все шло бы в этом духе, но вдруг выскочил из преисподни Ельцин со своими демократами и он — просто! — вдруг поворот на 180 градусов: сделался врагом коммунизма, разоблачителем социализма, верным слугой ельцинизма... И тем не менее — Меня не сломать! “На этом и стою, и стоять буду, сколько смогу”.

Ведь и озаглавлено интервью в этом величественном духе: “Меня убрали, потому что я не продаюсь!” И не соображает, в каком свете таким заголовочком представил своего друга-преемника Путина, интервью которого, кстати, тут же, на соседней странице газеты. Значит, искали на пост премьера, искали такого, который продается, и вот нашли: Путин Владимир Владимирович. Ура!.. Вот, Явлинский, какого интеллектуального Голиафа вы имеете у себя за спиной. Ведь при случае он и вас может осветить не менее ярко, чем Путина. Так что свои

рейтинги вы хоть складывайте, хоть умножайте, хоть возведите в куб, а ничего хорошего вас не ждет. На вопрос, с кем бы он хотел работать, Степашин ответил: "Прежде всего с людьми, которые понимают, что происходит в нашей стране..." Есть известные основания полагать, хотя бы по его неколебимо страстной любви к президенту, что сам он едва ли что понимает, а коллега по пакту, при всей неприязни к президенту, едва ли имеет возможность поделиться знаниями.

[Вернуться в Линдекс](#)

О том, как два отъявленных мерзавца - Г.Явлинский и С.Степашин строят из себя благородных людей.

Бушин В.С. "Осанка благородства", Завтра", №37, 1999 г., 100000 экз., 15,0 Кб.

Смотри также

[Реформы и реформаторы](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **ЧЕРНОЕ И КРАСНОЕ** (*Раздумья между двумя датами. Статья первая*)

No: 25(394)

Date: 19-06-2001

— Эка врать здоров ты, Киселев, посмотрю я на тебя.

Л. Толстой. "Война и мир", т. 4, ч. 4, гл. 8.

Утром 9 мая в девять часов, надраивая мелом ордена и медали, чтобы идти к Белорусскому на демонстрацию, включил телевизор, Первую программу. Пока ящик разогревался, кряхтел и дергался, я подумал: "Кто там сейчас выскочит? Скорей всего, Даниил Гранин, Григорий Бакланов и покойный Зиновий Гердт в записи". Жду... Первыми появляются покойный Давид Самойлов в записи, а вживе — мой старый друг Бакланов. Кто третий, дожждаться я не смог. Так что ошибся не очень. Это и понятно. Ведь именно они, а не кто другой, не только главные страдальцы Второй мировой войны, но и главные герои, главные писатели Великой Отечественной...

Бакланова я давно не видел. Заметно отяжелел болезный, но по духу всё тот же: серьёзный, строгий, как член Военного трибунала, надутый, как пятикратный лауреат. Хоть бы разочек улыбнулся — ведь праздник же! Нет, и все обличает. Еще в 1990 году в журнале "Знамя", который он тогда многоуспешно возглавлял, в передовой статье по случаю Дня Победы уверенно писал: "Войны этой — и Второй мировой, и нашей Отечественной — могло не быть... Но народами правили ничтожные трусливые политики и преступники, и вот это вело к войне". Тут приходит на память то, что говорил Сталин. По воспоминаниям Маршала Жукова, когда после капитуляции Германии в Москву приехал генерал Д.Эйзенхауэр, он в беседе с американцем "подчеркивал, что Вторая мировая война явилась результатом крайней ограниченности политических руководителей западных государств, попустительствовавших безудержной агрессии Гитлера". Бакланов, конечно, не хочет обижать западных политиков и, как видим, на одну доску с действительно ничтожными и трусливыми руководителями Англии и Франции — Чемберленом, Галифаксом, Даладье — с действительным преступником Гитлером поставил и руководителей родной страны, прежде всего Сталина, как у них водится. Примерно то же самое твердил мой старый друг 9 мая и на этот раз. За десять с лишним лет ничто не поколебало его. Какая духовная мощь и стойкость!..

КАПИТАНУ ЗАЛКИНДУ СТЫДНО ЗА СТРАТЕГА ИЗ ОВСЯНКИ

Раньше говорили: "Никогда так не врут, как перед войной и после охоты". Увы, после войны

тоже врут. Да еще как! Причем иные деятели, в зависимости от выгоды, оголтело врут то в одну сторону, то еще более оголтело — в прямо противоположную. Тут наиболее известная фигура — Виктор Астафьев. Он в эти дни тоже фигурировал на экране телевизора в компании с Васильевым, который Борис Львович.

Когда-то на страницах "Правды" он писал: "Мы достойно вели себя на войне... Мы и весь наш многострадальный героический народ на века, на все будущие времена прославивший себя трудом и ратным подвигом". И это была честная правда. Но для подтверждения её писатель явно хватал через край. Уверял, например, что в августе 1943 года в бою под Ахтыркой 92-я гаубичная бригада, где он служил телефонистом, уничтожила более 80 танков и "тучу пехоты" противника. Более восьмидесяти! По нашим тогдашним меркам, это целая танковая бригада и еще танковый полк. А "туча пехоты" — это уж не иначе как целая дивизия. На каждое наше орудие (их, по его словам, было 48) шло по несколько вражеских танков. И почти каждое орудие уничтожило по два танка. Иначе говоря, наша бригада не просто нанесла сокрушительное поражение гораздо большим силам врага, но и едва ли не полностью уничтожила их. Отменно!.. В другой раз Астафьев писал, что 17-я артиллерийская дивизия, в которую входила его артбригада, "в последних на территории Германии боях потеряла две с половиной тысячи человек. Противник понес потери десятикратно больше". То есть 25 тысяч. Выходит, одна наша дивизия уничтожила по меньшей мере две полносоставные дивизии врага, а по нашим меркам, три-четыре. Сокрушительно! 1:10...

Но как только власть колебнулась и пошло повсеместное охаивание всего прошлого, в том числе и нашей победы в Великой Отечественной войне, тут же в компании Волкогиновых, Афанасьевых, Радзинских вылез со своими лакейскими речами и герой-телефонист: "Мы просто не умели воевать. Мы и закончили войну, не умея воевать... Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами". Горбачев был очень доволен такими рассказами, и вскоре клеветник получил звание Героя и еще несколько премий, в том числе, разумеется, как тот же Горбачев и Шеварднадзе, иностранных.

И представьте себе, у этого стратега из Овсянки не только старому "патриотическому" вранью, но и новому, антипатриотическому, тоже есть свои доказательства. В "Московских новостях" (где же лучше — на шести языках выходил!) он писал: "Мы все время, на протяжении всей войны имели огромное численное превосходство над немцами. Вы посмотрите в "Истории Великой Отечественной войны" на любую из карт 1941-го и даже 1944 года: там обязательно девять красных стрелок против двух-трех синих. Это девять наших армий воюют против двух-трех армий противника". 9:2, 9:3. Подлинные карты, дескать, выдают лжецов, не догадавшихся заменить их поддельными. Ведь любая стрелка на военной карте, как он совершенно уверен, означает не бригаду, не дивизию, не корпус, и не что-то иное, а именно армию... Такой тупости я среди фронтовиков не встречал. Вот он читает, допустим, в "Истории", что в начале нашего контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года мы не имели численного превосходства над противником ни в живой силе, ни в технике (за исключением авиации). А потом смотрит на карту и видит: красных стрелок (наши удары) штук 15, а синих (контрудары немцев), ну, допустим, 5. "Эге, — смекает ротный телефонист, — значит, у нас было трехкратное превосходство в силах, необходимое для забрасывания противника своими трупами, а историки бесстыдно лгут".

Из таких рассуждений видно, что писатель, будучи в молодости на фронте, и в старости, увы,

не достиг в своих военных познаниях того уровня, которым обладали даже среднего ума коллеги по телефонной службе. В самом деле, во-первых, наша армия и немецкая понятия совершенно разные. У нас очень редко численность армии превышала 100 тысяч человек, обычно это было 50 -70 тысяч. У немцев же это и 100, и 200, и 300 тысяч, как, например, знаменитая своим прорывом до Сталинграда и своей гибелью там 6-я армия Паулюса. Но главное в другом: стрелки на карте означают лишь направление ударов и контрударов. А у основания стрелок или прямо на них обычно ставят циферно-буквенное обозначение воинской части, соединения или объединения. (Впрочем, на мелкой карте или схеме этого может и не быть). Если, допустим, фронт или армия предприняли удар в двух или трех направлениях, то от их обозначения на карте разойдутся две или три стрелки. К тому же движение воинской части, её наступление или отступление (и объяснять-то это неудобно, право, но что же делать, если такой писатель пошел!) может быть обозначено несколькими стрелками. Вот все их Астафьев и подсчитывал и пришел к выводу: "Мы не умели воевать, забросали врага трупами, а теперь мерзавцы-историки лгут народу, который я так безумно люблю. И вот я их разоблачил!.." В свое время, когда Астафьев только высочил со своими открытиями, капитан в отставке А.И. Залкинд спросил его со страниц "Военно-исторического журнала", который тогда редактировал В. Филатов, еще не свихнувшийся на патриотизме генерала Власова: "Кто это "мы"? Ведь в числе воевавших "неумех" были Жуков, Рокоссовский, Конев, Говоров, Мерецков. Как могли они, не умея воевать и не совершив чуда, кончить войну в Берлине и Праге? Кто же умел — немцы? Но ведь они не устояли против "неумел". Сочинителю следовало бы в ответ признаться честно: "Как в молодости не умел я читать военную карту, так и в старости не сподобился. А премии страх как люблю и собрания своих сочинений обожаю, особенно ежели по милости Ельцина в 15-ти томах. Ну вот и..." Увы, этого сказано не было...

ПОЧЕМУ В ЛЕНИНГРАДЕ НЕ СОСТОЯЛАСЬ БЫ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О ГУМАНИЗМЕ АСТАФЬЕВА

Но с еще большей наглядностью Астафьев выказал свою дремучесть в известном заявлении о том, что, мол, надо было не защищать Ленинград, а сдать его на милость победителя. Это как же так? Почему? А потому, говорит, что защита города привела к большим людским потерям. Он, видите ли, гуманист. Но если так, то не надо было защищать и Брест, и Москву, и Одессу, и Киев, и Севастополь, и Сталинград — это ж все привело к еще большим потерям. И вообще не надо было сопротивляться нашествию и защищать Родину. Ведь были тому и вдохновляющие образцы для подражания. Австрия, например, в 1938 году даже приветствовала сквозь слёзы немецкую оккупацию; Чехословакия в 1939-м, имея 45 прекрасно вооруженных дивизий, мало того, что не пикнула против 30 дивизий захватчиков, но и в ужасе решительно отказалась от помощи Советского Союза, который, согласно договору о дружбе и взаимной помощи, уже подтянул свои войска к западной границе. А Дания, потери которой при оккупации составили 2 (два) человека! А Болгария и Румыния, Венгрия и Финляндия, ставшие сателлитами Германии! А Люксембург, наконец! Все они своим примером и зывали к Советскому Союзу: "Смирись, гордая держава! Выкинь белый флаг, великий народ!" Ну почему, негодует гуманист из Овсянки,

почему не последовали мы примеру Великого герцогства Люксембург?! При оккупации не пострадал ни один из его 300 тысяч жителей...

Вот ведь диво дивное! Человек был на войне, даже небольшое ранение получил, которое шестьдесят лет к месту и не к месту тычет в нос собеседнику, но так и не понял: против кого воевал, какие цели ставил себе враг. 21 июля, через месяц после начала войны, Гитлер нагрянул в штаб генерал-фельдмаршала Лееба, командовавшего армейской группой "Север", и потребовал у него немедленного взятия Ленинграда. В связи с этим в военном дневнике верховного главнокомандования вермахта было записано: "Фюрер указал на следующие моменты: "Необходимо возможно скорее овладеть Ленинградом..." Это зачем же? С какой целью? Может, для того, чтобы в Таврическом дворце провести общегородскую читательскую конференцию на тему "Виктор Астафьев как гуманист"? Нет, цель имелась в виду несколько иная: "Дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет подорван, а с падением Ленинграда может наступить полная катастрофа". Широко мыслили, далеко глядели гитлеровские генералы... А какая судьба ждала город в случае его взятия? И тут всё они распланировали. Еще 8 июля тот же Гальдер в дневнике записал: "Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом вынуждены будем кормить в течение зимы... Это будет "народное бедствие", которое лишит центров не только большевизм, но москвитов вообще". Понимает ли Астафьев, что значит "полностью избавиться"? Едва ли. А это значит вот что: уничтожить всех жителей города, в том числе и всех читателей тоже. Так что конференция в Таврическом дворце, увы, не могла состояться. Выходит, Ленинград надо было защищать во что бы то ни стало.

КАК БЫ ЕВГЕНИЙ КИСЕЛЕВ, СДАВ НТВ, БРАЛ БЕРЛИН

Понятно, что в нынешнее время у стратега Астафьева нашлись последователи. Одним из них оказался, конечно, Евгений Киселев, о котором, как следует из эпиграфа к данной статье, писал, с присущей ему правдивостью и психологической глубиной, еще Лев Толстой... Этот Киселев, будучи изгнан с НТВ, как известно, зацепился зубами за ТВ-6. И там, получая от хозяина 55 тысяч долларов в месяц, от усердия то и дело давая петуха, продолжает прежние пакости, которые заклеил автор "Войны и мира". В своей первой после Дня Победы передаче он решил хоть запоздало, но откликнуться на минувший праздник, для чего пригласил в передачу почему-то не Гранина, не Бакланова, не Новодворскую даже, а кинорежиссера Тодоровского Петра Ефимовича, участника войны с 1944 года. Прекрасно. Чем Тодоровский хуже Гранина? Такой же мультимиллионер, такой же член ВКП(б) с двадцати лет.

К астафьевской гуманистической теме "Перстом в старые раны" сей Киселев подошел с другого фланга. Тот уверял, что в начале войны не надо было защищать Ленинград, а этот заявил, что в конце её не надо было с боем брать Берлин. Довод у обоих один: жертвы! Зачем же, говорит, идти на жертвы, если тогда "война была уже практически закончена, Германия была обречена". Петр Ефимович тотчас подхватил: "Надо было взять осадой или другим способом". Каким другим, неизвестно. Может быть, ельцинским, т.е. отключением

электричества, воды и канализации, — так он выживал с госдач неугодных чиновников Зорькина, Коржакова, Скуратова... А лучше всего, выходит, осадой, т.е. окружить город и ждать, когда немцы сдадутся или сожрут друг друга с голоду. А сколько ждать? Да сколько угодно. Чего спешить? Война-то практически закончена, Германия обречена.

Как интересно! Германия-то действительно была обречена, правда, не только в апреле-мае 45-го, но еще 22 июня 41-го, когда, как признал Гитлер, "немцы распахнули дверь в Россию, но не знали, что за порогом". А за порогом-то почему-то оказались не австрийцы со своим дрожащим Шушнигом (до восьмидесяти лет продрожал!), не чехи с суперинтеллигентным Бенешем, не люксембургцы со своим блистательным герцогом, а великий народ во главе с великим Сталиным. Сей народ не желал быть рабом и имел для этого силу.

Ведь мудрец Киселев как считает? Война продолжалась 1418 дней, а закончилась 8 мая, Берлин же был взят 2 мая, т.е. за 6 дней до безоговорочной капитуляции. А 6 это 0,5 % от 1418, так что с точки зрения арифметической война тогда действительно "практически закончилась". Зачем же было спешить? Чего было лезть на рожон? Сиди и жди, когда наливное яблочко само упадет тебе на золотое блюдечко... Очень умно! Однако же ведь и немцы, не считаясь ни с какими потерями, страшно спешили взять не только Ленинград, но и Москву. Даже 3 декабря, за два дня до нашего контрудара, командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Федор фон Бок докладывал Гитлеру: "Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, я не теряю надежды. Еще остаётся небольшая возможность взять Москву. Все решит последний батальон". Вот как лезли из кожи, вот какая остервенелость — до последнего батальона! А казалось бы, чего суетиться, имея такой грандиозный территориальный успех? Остановись, посиди, выпей чашечку кофе, почитай "Убиты и прокляты" Астафьева, посмотри вдохновляющие киселевские "Итоги", подтяни новые силы, и уж после этого... Нет! Москва требовалась им позарез и немедленно. Да почему же? А потому прежде всего, что здесь была еще большая, чем при расчете взять Ленинград, надежка сломить "славянский дух", после чего ожидалась "полная катастрофа". Так почему же и мы, штурмуя Берлин, не должны были думать о "тевтонском духе" и скорейшей "полной катастрофе" во имя сбережения многих жизней. Ведь это только теперь нам известно, что война кончилась 8 мая, а тогда никто не мог назвать даты её завершения.

БЕГ ПО ДОРОЖКЕ НЕВЕЖЕСТВА НА МАРАФОНСКУЮ ДИСТАНЦИЮ

Умник Киселев рассуждает так: Германия повержена, остался один Берлин, и на него прёт дуром Красная Армия, и во всей стране — никого больше. А между тем, ему полезно было бы знать, что, во-первых, для защиты своей столицы немцы стянули 214 дивизий и 14 бригад общей численностью более миллиона солдат и офицеров, множество боевой техники. Гарнизон самого Берлина составлял 200 тысяч войск да 200 батальонов "фольксштурма". Во-вторых, история войн знает случаи сокрушительной неудачи наступающей армии именно у столицы противника, когда, казалось бы, полная победа уже в кармане. Именно такая неудача, даже гибель, постигла 13 сентября 490 года до нашей эры 20-тысячную армию персов в битве против 11 тысяч греков у деревне Марафон, что всего в сорока верстах от столицы Афин; так произошло 26 августа 1812 года с великой армией Наполеона, получившей смертельный удар

при Бородине под Москвой; так в августе 1920 года случилось и с Красной Армией у стен Варшавы; так было в декабре 1941 года с самими немцами у стен Москвы... А в апреле-мае 1945 года в связи со смертью 12 апреля Рузвельта у немцев была особая надежда на замешательство среди союзников, на разлад между ними, на сепаратное соглашение с англо-американцами. Да и как не быть таким надеждам, если они вели тайные переговоры с немцами и в 1939 году, и в 1943-м, и в 1945-м... В-третьих, когда началась Берлинская операция, то к северу от него еще две недели продолжала сопротивление мощная группа армий "Висла". А к юго-западу от Берлина во время боев за него и позже до 11 мая продолжала борьбу не менее мощная группа армий "Центр". Так что наступающая Красная Армия, идя на Берлин, могла ожидать ударов и с севера, и с юга. И добавьте к этому теперь широкоизвестный факт: в те дни Черчилль отдал тайный приказ собирать и хранить оружие разбитых и сдавшихся на Западе немецких частей на случай возможного использования его позже этими же частями против Красной Армии. Такая уверенность у Киселева, будто он собственной персоной сидел под столом то ли у Рузвельта, то ли у Черчилля, то ли у Эйзенхауэра в штабе союзных войск. А между тем, Трумэн в своей книге "Год решений 1945" честно признавал, что на Дальнем Востоке американцы, не считаясь с жертвами, хотели прежде нас овладеть Порт-Артуром и Дальним (Дайреном). Ну что такое эти города по сравнению с немецкой столицей! Однако ж... Правда, как и с Берлином, не удалось.

ЗАЧЕМ КИСЕЛЕВ НЕ ГЕНЕРАЛ!

Так вот, 1 апреля 1945 года, именно в тот день и час, когда Киселев сидел у Черчилля под столом, тот писал Рузвельту: "Русские армии, несомненно, захватят Австрию. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу...". А ведь незадолго до этого Черчилль говорил совсем другое: "Все наши военные операции осуществляются в весьма незначительных масштабах по сравнению с гигантскими усилиями России". А уж совсем недавно, в январе, когда немцы с силой последнего отчаяния саданули англо-американцев в Арденнах и они без штанов бросились наутёк, сэр Уинстон жалобно возопил к Сталину: "Маршал! Спасите!" Однако же в том апрельском письме Рузвельту он, обеспокоенный как бы русские не задрали нос, продолжал так: "Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на Восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять!" Вот какие пироги с капустой и яйцами, Киселев. И ни слова у обожаемого вами Черчилля о возможных потерях... Что ж, продвигаться на Восток союзникам было гораздо легче, чем нам, ибо им противостояли не 214, а только 60 дивизий...

Но это еще не всё. Мало ли что замышлял Черчилль. Он же сидел в Лондоне. А что думали, о чем мечтали сами военачальники? В последнем издании воспоминаний Жукова есть такие, не входившие ранее в текст книги строки о его встрече после войны в Москве с генералом Эйзенхауэром: "Много говорилось о Берлине, о последних завершающих операциях. Из всего сказанного Д.Эйзенхауэром можно было понять, что ему пришлось выдержать довольно серьёзный нажим У.Черчилля, настаивавшего на захвате союзными войсками Берлина. По

словам Д.Эйзенхауэра, его как Верховного главнокомандующего мало интересовал Берлин, так как советские войска стояли уже на Одере и находились от Берлина в четыре раза ближе, чем союзные войска.

— Мы стремились в первую очередь взять Бремен, Гамбург, Любек, чтобы захватить немецкие порты, а на юге — южную Баварию, северную Италию, западную Австрию... Черчилль категорически возражал против моих планов, считая, что дальнейшие действия союзных войск приобретают сугубо политическое значение... Он все еще требовал захвата Берлина и был не удовлетворен тем, что моими планами не предусматривается взятие Берлина. Черчилль настаивал перед Рузвельтом и Комитетом начальников штабов союзных войск, чтобы мы захватили Берлин раньше русских... Однако все атаки Черчилля в этом направлении были отбиты Вашингтоном, и я действовал в духе ранее принятых решений".

Так, по воспоминаниям Жукова, говорил Эйзенхауэр в Москве после войны. Но во время войны в Германии генерал думал и писал несколько иное. Так, английскому фельдмаршалу Монтгомери он признавался: "Ясно, что Берлин является главной целью. По-моему, тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнения". И прибавлял: "Если у меня будет возможность взять Берлин, я его возьму". (Важнейшие решения. Перевод с английского, М., 1964, с. 318.) А у него был для этого не потрепанный "последний батальон", как у фон Бока, а свеженькая, почти 3-миллионная армия.

Как видим, позиция американского генерала мало отличалась от страстного желания английского премьера. И трудно себе представить, что "атаки Черчилля" он отбивал так уж решительно, бесстрашно и кровопролитно. В беседах с Жуковым американец явно лукавил. Но при всем желании у союзников ничего не получилось бы с Берлином: были далековато, а русские шли и шли вперед...

К слову сказать, начальник штаба американской армии генерал Дж.Маршалл, тот самый, который позже придумал "план Маршалла", писал о Берлинской операции: "Хроника этой битвы даёт много уроков для всех, кто занимается военным искусством (А ведь Киселев постоянно занимается! Даже странно, что до сих пор не получил от Березовского звание генерала). Штурм столицы нацистской Германии — одна из самых сложных операций советских войск в ходе Второй мировой войны. Эта операция представляет собой замечательные страницы славы, военной науки и искусства".

МАРШАЛ ЖУКОВ В ПЛЕНУ У ГЕНЕРАЛА КИСЕЛЕВА

Однако наши витринные гуманисты опять свое и уже дуэтом: "Но какие жертвы! Какие потери! Жуков в своей книге назвал цифру. Взятие Берлина — 300 тысяч загубленных жизней". В какой книге? У Жукова только одна книга — "Воспоминания и размышления". Снимаю с полки её последнее трехтомное издание, в котором даже восстановлены те места текста, которые не вошли в прежние. Листаю страницы о Берлинской операции. И что ж вы думаете, православные, действительно нахожу слова: "около трехсот тысяч..." Господи помилуй, да неужто хоть на сей раз Киселев не укладывается в характеристику, данную ему Толстым?

Вглядываюсь, читаю: "Советские войска в этой завершающей операции понесли большие потери — около трехсот тысяч убитых и раненых".

Э-тэ-тэ-тэ-тэ... Значит, во-первых, не только убитых, но и раненых, которых, конечно, было гораздо больше, в несколько раз больше, чем убитых. А как показывает медицинская статистика Великой Отечественной войны, 72 % раненых не просто оставались в живых, а возвращались в строй (энциклопедия "Великая Отечественная война", М., 1985, с. 440). Наши врачи творили чудеса. Недаром же 43 военно-медицинских работника стали Героями Советского Союза и свыше 115 тысяч врачей, сестер, санитаров были награждены орденами (там же). Во-вторых, у Жукова речь идет не только о штурме Берлина, а о всей Берлинской операции. Но она началась не у стен фашистской столицы, а еще в 60-ти километрах от неё 16 апреля, и закончилась не взятием города 2 мая, а разгромом и пленением всей миллионной группировки 8 мая... Что ж вы делаете, ловкачи! Да за одно это Киселева надо бы катапультировать из директорского кресла и заставить вместе с Гинзбургом объявлять погоду на завтра.

КТО ЖЕ УГОДИЛ В АД

Да, потери, как видим, были немалые. Но многое делалось для того, чтобы свести их к минимуму. Сталин тогда сказал по телефону Жукову в ответ на его телефонный звонок о том, что хотелось бы больше сберечь людей: "Возьмем ли мы Берлин 2 или 3 мая, это не имеет большого значения. Я с вами согласен, надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап операции". За время войны и Сталин и Жуков многократно требовали от подчиненных думать о цене успехов: "Надо жалеть людей..." Это полезно было бы помнить всем, в том числе генерал-полковнику в отставке Ю.М.Бошняку, бывшему начальнику академии им. Жукова, любящему порассуждать о жестокости.

Генерал армии В.И.Варенников подарил мне большую, прекрасно изданную книгу "Георгий Жуков. Фотолетопись". Издатели нашли в ней место и для трех стихотворцев, что дорогой Валентин Иванович едва ли заметил. Для каких стихотворцев? Откуда? Да из той же самой упомянутой нами когорты, представители которой красовались 9 мая на экранах телевизора: Иосиф Бродский, Григорий Поженян, Галина Шергова... И все они об одном — о жестокости Жукова. Первый из них восклицает в стихотворении на смерть маршала:

*Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую!*

Сказано не как о защитнике Родины, а как о палаче или агрессоре. Жукову приходилось сражаться за родную страну больше на своей земле, а не на чужой. А при большом желании обвинить в "пролитии крови" можно любого полководца, в том числе самых уважаемых в народе, как, допустим, Кутузов. Это демагогия самого низкого пошиба. Дальше американистый стихотворец задает вопрос: "Что ж, горевал?" И Поженян в своем убогом бессвязном стишке отвечает: "Он солдат не жалел..." Бродский, получив такой ответ, продолжает:

*Что он ответит, встретившись в адской
области с ними?*

То есть с погибшими солдатами. Вы поняли? Стихотворец уверен, что маршал и погибшие солдаты попадут в ад. За что? За то, что спасли Россию. За что же еще! Другого греха за ними не было. Ну, если Жукова — в ад, значит, Гитлера и его генералов — в рай.

Такие же гнусные строки и дальше:

Маршал! поглотит алчная Лета

эти слова и твои прахоря...

Нобелевский лауреат решил блеснуть блатным словечком, неуместным и бестактным здесь, но не знает, что надо писать "прОхаря"(сапоги). Так вот, Бродский это слово, а Жуков — сапоги... А ведь в издании книги принимали участие две старшие дочери маршала. Хорошо хоть, что потуги трех поэтических уроженцев русской земли перечеркнул в книге иностранец Дуглас Орджил: "В самых тяжелых боевых ситуациях Жуков заботился о том, чтобы добиться успеха малой кровью".

Константин Симонов в своем замечательном военном дневнике на конкретном примере 107-й, впоследствии 5-й Гвардейской Краснознаменной Городокской стрелковой дивизии, одной из сотен, с цифрами в руках показал, чем в смысле потерь "была война для нас и для немцев в начале и чем стала для нас и для них в конце". Он писал, что, вспоминая историю войны, необходимо сравнивать усилия и жертвы с результатами. Так, по архивным штабным данным, "дорого заплатив в 1941 году за освобождение маленькой Ельни (4200 убитых и раненых), та же самая дивизия в 1945 году при взятии главной немецкой цитадели в Восточной Пруссии — Кёнигсберга, отдала всего 186 жизней". И писатель особо подчеркивал: "Цифры, которые я привожу, требуют душевной осторожности в обращении с ними, ибо любая самая малая в общей статистике войны цифра потерь всё равно означает осиротевшие семьи".

РОДИНА, "ИНТЕРДЕВОЧКА" И ЧУБАЙС

А с какой позорной для фронтовика развязной небрежностью говорил об этом же Тодоровский: "Мы потеряли 20 миллионов молодых людей. Это слишком большая цифра. Немцы, воюя, с 39-го года потеряли около 7 миллионов". Какая постыдно-пренебрежительная неряшливость во всем, какая ложь. Во-первых, что значит "слишком большая"? Ведь речь шла не о затратах на фильм "Интердевочка" Петра Тодоровского или на фильм "Катафалк" его сына Валерия, и даже не о средствах на подъем "Курска", — вопрос стоял о жизни и смерти народа и государства. Понимаете? — о жизни и смерти. Если вам скажут, что вы или кто-то из ваших близких болен раком и на лечение требуется 10 миллионов рублей, не иначе, и время не терпит, промедление — это смерть, а деньги у вас есть, то, что ж, неужели вы будете торговаться и, рискуя жизнью, тянуть время: "Слишком большая цена! А нельзя ли миллиончика за три?.. за пять?.. за семь?" Нет цены, которая для спасения жизни была бы чрезмерной. Во-вторых, мы потеряли не только молодых, не только тогдашних ровесников Тодоровского — на фронте были и пятидесятилетние. В-третьих, мы потеряли не 20 миллионов, а 28. Что, можно с чубайсовской людоедской лихостью сбросить 8 миллионов? Помните, как он — об этом писали газеты — заявил одному своему сотруднику? "Чего вы волнуетесь? Ну, вымрут 30 миллионов. Так они ж не вписались в наши реформы. Не беспокойтесь, русские бабы еще нарожают"... В-

четвертых, да неужто вам, фронтовик 44-го года, не приводилось встречать хотя бы такое, совершенно в духе Чубайса, заявление Геринга, сделанное в ноябре 1941 года: "В этом году в России умрёт от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы необходимо сокращать". Какие народы? Прежде всего русский. И ведь почти довели до 30 миллионов-то, правда, не за один год. Тут уместно заметить, что Чубайс как мыслитель шагает в ногу не только с Герингом, но и с самим Гитлером. Тот в свое время заявил: "Я освобождаю человека от унижительной химеры, называемой совестью". Эту же мысль Чубайс в обращении к единомышленникам по "Союзу правых сил" выразил лучше, чем Гитлер, — короче и энергичней: "Больше наглости!" И среди изысканных хакамад союза никто ему не возразил. Принято к руководству. Но мало того, сам наш драгоценный президент, обожатель "духовных ценностей", не так давно всенародно изъяснялся в любви к этому выродку.

ГИТЛЕРЫ, ЕЛЬЦИНЫ, ЧУБАЙСЫ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ...

А неужто неведомо вам, Тодоровский, старому человеку, что миллионы и миллионы наших национальных потерь — это гражданское население, это: псковская деревня Красуха, где в 43-м году немцы заживо сожгли 280 жителей, это белорусская Хатынь, где в том же году немцы сожгли и расстреляли 149 человек, в том числе 75 детей, это украинский Бабий Яр с его Сырецким лагерем смерти, где в 41-43-е годы было истреблено больше 100 тысяч украинцев, евреев, русских, это 260 лагерей смерти в одной лишь Белоруссии... Хоть бы о евреях-то вспомнил, Петр Ефимович, если вам с Чубайсом русские миллионы ништо... Тут же полезно вам сообщить: немецкие историки пишут, что Германия захватила в плен около 5 миллионов советских солдат и офицеров. А после войны вернулись из плена лишь 1836 тысяч. Если первая цифра верна, то где же остальные — более 3-х миллионов? Разбудите лютые тени Гитлера или Геринга, а всего лучше — Гимmlера. Генерал армии А.М.Гареев в данном случае совершенно верно пишет: "Если бы Красная Армия, придя на немецкую землю, поступала по отношению к мирному населению и военнопленным так же, как фашисты — к советским людям, то соотношение потерь было бы другим, но этого не случилось. И не могло случиться". Почему? Да потому, что Сталин сказал: "Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством... Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаются." И сказал он это не после войны, а еще в начале, в труднейшую для нас пору, 23 февраля 1942 года, когда немцы были в 150-ти верстах от Москвы... Именно такой позицией партии и правительства, всего народа объясняется тот факт, что из советского плена вернулись в Германию 1930000 немцев — все, кроме тех, что за это время умерли от болезней и ран.

МОЛОДАЯ РУССКАЯ КНЯЖНА ПРОТИВ СТАРОГО РУССКОГО ЕВРЕЯ

А что стоит, фронтовик Тодоровский, за вашими словами о том, что вот, мол, немцы воевали с 1939 года, а потеряли всего "около семи миллионов"? Запишите: в войне против Польши в 1939 году вермахт потерял 10 600 убитыми и 30 300 ранеными, против Франции и англичан в 1940-м — 27 074 убитых и 111 043 раненых. Таковы потери в двух самых больших агрессиях. Но картина катастрофически изменилась при нападении на Советский Союз. Это вынудило Гитлера в январе 1943 года издать декрет "О всеобщем использовании мужчин и женщин для обороны империи", т.е. провести тотальную мобилизацию, охватившую мужчин в возрасте от 16 до 65 лет и женщин от 17 до 45. Некоторые авторы уверяют, что все-таки моложе 17 лет немцы в армию не брали. Но вот что русская княжна Мария Васильчикова, приятельница графа Шуленбурга, работавшая в министерстве иностранных дел Германии, записала 3 мая 1943 года в своем знаменитом "Берлинском дневнике": "Герберта, пятнадцатилетнего сына Бредовых, призывают в войска противовоздушной обороны". 17 июня: "Д-р Сикс вызвал меня, чтобы обсудить новое иллюстрированное издание. Он просто не понимает, что уже нет возможности издавать журнал с иллюстрациями или без: все, кто для этого необходим, давно мобилизованы". 31 июля: "В министерстве полный кавардак. Провозглашение "тотальной войны" Геббельсом вселило во всех ужас. Наш отдел информации обязан высвободить 60 процентов персонала: мужчины пойдут на фронт, женщины — на военные заводы". Саму княжну тоже из министерства направили работать в госпиталь. 15 февраля 1945 года она записала: "Большинству раненых либо уже за пятьдесят, либо нет и двадцати. В основном это только что призванные". 12 марта: "Не хватает не только гробов: родственники вынуждены сами рыть могилы, так как все могильщики призваны"... Как видим, мели подчистую: от пятнадцатилетних до могильщиков. Это подтверждает и кинохроника: есть известные кадры, где Гитлер идёт вдоль строя новобранцев, останавливается, может быть, у того самого пятнадцатилетнего Герберта и похлопывает его по щеке. Уж кто-кто, а кинорежиссер Тодоровский должен бы знать эти кадры и принять в расчёт, прежде чем пускаться в рассуждения о немецких потерях. Записи княжны Васильчиковой и смысл кадров кинохроники подтверждаются тем, что писал Маршал Жуков о посещении в мае 45-го года одного госпиталя для немцев: "Первое, что мне бросилось в глаза, это то, что большинство раненых были юноши, почти дети от 15 до 17 лет. Выяснилось, что это фольксштурмовцы из разных отрядов, сформированных в Берлине в начале апреля".

КАК СПАСАЛИ, СПАСАЮТ И БУДУТ СПАСАТЬ РЯДОВОГО РАЙАНА

Киселев всё никак не может уговориться и с акцентом жителя Оклахомы спрашивает: "А вы смотрели, Петр Ефимович, американский фильм "Спасти рядового Райана"? Ах, какой шедевр!.. Там рассказывается, как ради спасения одного-единственного рядового солдата была проведена целая армейская операция. Вот он, истинный американский гуманизм! И там же все на документальной основе!.. Тодоровскому фильм понравился не шибко, но этот-то блаженный верит, что там всё — святая правда... Да что ж это за "армейская операция" на фронте, в которой не погиб ни один человек? А если, как всегда бывает, кто-то погиб, то какой же смысл в таком спасении Райана, даже если бы это был Евгений Райн — большой поэт,

великий переводчик, автор двадцати сценариев, почитатель и друг Иосифа Бродского, воспитанник Ленинградского института холодильной промышленности?

Тодоровский подхватывает, но как-то косноязычно: "Ну, американцы на это... чтобы сохранить свою живую силу..." И дальше — ни слова об американцах. А ведь можно было кое-что еще сказать о том, как американцы всегда и везде стремятся беречь себя за счёт других. Генерал Гареев опять прав, свидетельствуя: "Пренебрегая общесоюзными интересами и исходя исключительно из эгоистических национальных интересов, США вступили в Первую мировую войну лишь в апреле 1917 года, когда исход войны был predetermined" — то есть за полгода до капитуляции Германии. А что было во Вторую? Немцы захватили почти всю Западную Европу, разбили французов, вышвырнули и осатанело бомбили англичан — лучших друзей Америки, их танковые орды рвались к Москве, а ни один американский солдат еще не сделал ни единого выстрела. Почему? А во имя американского гуманизма, ради спасения рядового Райана. И только 8 декабря 1941 года, после того, как японцы нанесли страшный удар по их Тихоокеанскому флоту, они вынуждены были ввязаться в войну... Недавно стало известно, что, оказывается, на другой день после объявления войны Японии президент Рузвельт пригласил нашего посла Литвинова и сказал, что американцы ожидают немедленного вступления в войну и Советского Союза. Поразительный образец чисто американского гуманизма! В те дни, когда фашистская орда стояла у стен нашей столицы, он навязывал нам войну на два фронта! А сами, после бесчисленных обещаний Сталину, отважились открыть второй фронт в Европе только в июне 1944 года, меньше чем за год до капитуляции Германии. Почему? А чтобы за счёт Ивановых, Петровых да Сидоровых спасти рядового Райана. Ну, тогда, в декабре 41-го, Сталин через Молотова и Литвинова должным образом ответил Рузвельту... А на каком высочайшем гуманистическом уровне закончили американцы войну против Японии! Взяли да сбросили на мирные города две новехоньких атомных бомбочки и отправили на тот свет десятки тысяч, искалечили сотни тысяч людей. Как при завоевании Америки у конкистадоров были порох и оружие, неведомые аборигенам, так и здесь. А зачем были эти бомбочки, когда вскоре после вступления в войну могучего Советского Союза она практически закончилась и Япония была обречена? Да всё из-за той же нежной заботы о рядовом Райане, которая так умиляет русско-еврейских умников с ТВ-6. И вот вам результат: за всю Вторую мировую США потеряли 405 тысяч убитыми. Англия тоже берегла своего Райана — 375 тысяч. А Югославия и Польша, допустим, не имели возможности беречься за морским проливом или за океаном, и вот итог: 1 миллион 706 тысяч и 6 миллионов. О нас уж не говорю...

Author: Владимир Бушин

Title: **ЧЕРНОЕ И КРАСНОЕ** (*Раздумья между двумя датами. Статья вторая*)

No: 26(395)

Date: 26-06-2001

ГУМАНИСТ СХВАЧЕН ЗА РУКУ...

Кто не знает Владимира Познера! Познера Владимира знают все. Он тоже принял участие в праздновании Дня Победы, хоть и с некоторым запозданием. Он счел необходимым напомнить миллионам сограждан, что западные союзники приняли капитуляцию Германии раньше нас. Это произошло 7 мая во французском городе Реймсе, в ставке Эйзенхауэра. Союзники предложили 8 мая объявить о победе и об окончании войны. Да, было такое дело. Но советское руководство не согласилось с этой поспешной, односторонней и суетливой церемонией, в которой от немцев принимали участие второстепенные лица, а от нас поневоле участвовал один только И.А.Суслопаров, всего лишь генерал-майор, начальник нашей военной миссии при штабе союзников. Сталин тогда категорически заявил (Познер об этом, конечно, ни слова): "Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть её подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством" (С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая, М., 1974, с. 441). Союзникам ничего не оставалось, как принять сталинские условия. И подписание Акта о безоговорочной капитуляции состоялось на другой день в Берлине, занятом Красной Армией. Его подписали высшие военные руководители Германии и приняли высшие военные руководители всех союзников. Днем Победы стало 9 мая.

Прекрасно. Но с какой стати Познер вспомнил о церемонии в Реймсе. Неужели хотел упрекнуть западных союзников? Нет, конечно. Он не был бы Познером, если и тут не придумал бы какую-нибудь гадость и не сунул нам её в день великого праздника и торжества в лицо. И вот Познер просвещает нас: поскольку, мол, Сталин был недоволен этой церемонией и отверг её, то Суслопарова немедленно вызвали в Москву и... конечно же, расстреляли. Ведь ничего другого эти познеры и представить себе не могут! На экранах, на страницах газет и книг они расстреливают и отдельных лиц, и тысячи, и десятки тысяч с той же легкостью, с какой Ягода и Агранов проделывали это в жизни. Познер вам и документ представит вроде расписки Жданова о колбасе.

Разумеется, с генералом Суслопаровым ничего страшного не случилось. С.М.Штеменко вспоминал: "На процедуре подписания Акта о капитуляции присутствовал и И.А. Суслопаров. Здесь он узнал, что Сталин лично по телефону сообщил Вышинскому (прибывшему в Берлин), что не имеет претензий к действиям Суслопарова в Реймсе" (там же, с.444). В подтверждение этого 7 июня в "Советской России" было напечатано письмо жителя Новоуральска Н.М. Лебедева, который в 60-х годах встречался с генералом Суслопаровым, благополучно выступавшим в их городе с лекциями от общества "Знание".

Итак, лжец пойман за руку. Лебедев пишет: "Мое письмо вряд ли заставит Познера извиниться перед телезрителями". Ну, посмотрим, товарищ Лебедев. Последнее явление Познера на экране, имевшее место 10 июня, внушает некоторые надежды на лучшее. Он там заспорил с коммунистом Тихоновым, депутатом Госдумы, о положении в Белоруссии. Познер побывал там и вот теперь воскликнул: "Как будто я очутился в СССР! Стоят памятники Ленину, Дзержинскому"... Вот что для него самое кошмарное, вот почему они так злобно и беспардонно лгут — от страха и ненависти. Потом, видно, не расслышав чего-то в словах собеседника, он

пролепетал: "Я только хотел понять..." И коммунист Тихонов ответил ему, вероятно, к удивлению т.Зюганова: "Скоро вы всё поймете!" Да, скоро они поймут: и как относится к ним народ, и кто раздувает антисемитизм, и что ждет их завтра.

АННА И ГАНС, ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ

Так завершилась первая вылазка Познера, а вторая его вылазка в эти праздничные дни — провозглашение идеи поставить памятник "всем погибшим во Второй мировой войне". Это я поддерживаю. Давайте, Владимир Владимирович, начнем, покажем пример. Как будем ставить: один памятник всем или много? Думаю, что наглядней будет, если много. Вот мое первое предложение. Был в Польше писатель, педагог, врач Януш Корчак, настоящее имя Генрих Гольдшмидт, автор книги "Как любить детей". Он старался спасти детей в Варшавском гетто и вместе с ними в 1942 году погиб в лагере смерти Тремблинка. И был, допустим, некто Одило Глобочник, бригаденфюрер СС, начальник всех лагерей смерти на территории Польши. Он, правда, не расстрелян, не сожжен в крематории, а покончил жизнь самоубийством, но все равно жертва войны: если бы не она, он не застрелился бы. Так вот, соорудим памятник и напишем на нем: "Вечная память писателю Янушу Кочаку и бригаденфюреру СС Одило Глобочнику — жертвам Второй мировой войны". Хорошо? Вам нравится?.. Пойдемте дальше. Была еврейская девочка Анна Франк, после которой остался известный всему миру потрясающий дневник. В шестнадцать лет она погибла в лагере Бельзен. И был Ганс Франк, рейхсляйтер Польши, после которого в этой стране осталось 6 миллионов трупов, в частности, он отправил в лагеря смерти 85 процентов польских евреев. Эта жертва Второй мировой в возрасте 46 лет по приговору Нюрнбергского трибунала была повешена. Так вот, соорудим памятник и напишем: "Анне и Гансу, двум незабвенным Франкам. Мир вашему праху. Скорбящие потомки". И это вам по душе, гуманист Познер? Что ж, валяйте дальше сами в том же направлении...

ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ С 22 ИЮНЯ

Владимир Познер имеет обыкновение в свою передачу "Времена" в качестве главного собеседника, так называемой "свежей головы", приглашать кого-то из достаточно известных людей. В последнюю перед Днем Победы передачу хорошо было бы пригласить кого-то из участников войны, пока они еще есть, но почему-то в кресле главного собеседника оказался на этот раз народный артист СССР Лев Дуров. Конечно, его все знают, он сыграл в кино более 130 ролей, а в театре даже Льва Толстого играет. Кому же, как не Льву, играть Льва. Когда началась война, ему было девять лет. Но Познер не ошибся в своем выборе...

Дурову почему-то захотелось поговорить об авиации. Что ж, тут много интересного и очень подходящего к празднику Победы. Если уж такой знаток авиационной темы, то сказал бы,

например, о том, что наша промышленность за годы войны, несмотря на утерю огромной территории и многих заводов на ней, постоянно пополняла существовавший парк боевых машин и в итоге произвела 119.635 самолётов, а немцы к тому, что уже было у них и что захватили в Польше, во Франции и других странах, произвели с помощью всей оккупированной Европы 80 600 самолётов ("История Второй мировой войны", т.12, с.168). За это же время мы стали выпускать 25 новых типов самолётов, включая их усовершенствования, в результате чего скорость возросла на 30-40 процентов, увеличились высота и дальность, улучшилась маневренность, усилилась вооруженность, возросла бомбовая нагрузка. А немцы сумели наладить массовый выпуск только нового самолёта — "Фоккевульф-190" да осуществили несколько модификаций (И.В.Тимохович. "В небе войны". М., 1986, с. 63). Превосходство нашей авиационной науки и промышленности, высокое мастерство наших лётчиков и позволили нам уничтожить в воздушных боях и на аэродромах 57 тысяч немецких самолётом, да еще зенитчики добавили около 20 тысяч (там же, с.5, 61).

У нас часто вспоминают, что в первый день войны мы потеряли 1200 самолётов. Правильно: около 800 на аэродромах и около 400 в боях. Но ведь при всей внезапности и массированности фашистского удара советские лётчики сумели совершить в этот страшный день около 6 тысяч боевых самолётывылетов, более десяти наших лётчиков в этот день таранили вражеские машины, а в итоге было сбито более 200 немецких самолетов, в которых за штурвалом сидели асы, имевшие ничем не заменимый уже двухлетний опыт войны (там же, с. 14). Именно о первых днях войны в изданной еще в 1957 году в ФРГ книге "Мировая война 1939-1945 годов" признавалось: "Потери немецкой авиации не были такими незначительными, как думали некоторые. За первые 14 дней боев было потеряно самолётов даже больше, чем в любой из последующих таких же отрезков времени. С 22 июня по 5 июля немецкие ВВС потеряли 807 самолётов всех типов, а за период с 6 по 19 июля — 477" (с. 472). По нашим данным, за отрезок времени несколько больший, чем первые две недели (с 22 июня по 10 июля), мы сбили в воздушных боях 752 самолета врага и уничтожили на аэродромах 348, то есть всего — 1100. Что ж получается? Даже по немецким данным, за первый неполный месяц боев немцы потеряли почти 1300 машин! В итоге таких действий нашей авиации и зенитчиков к 1 декабря 1941 года, т. е. за пять с небольшим месяцев, парк самолётов сократился у немцев на Восточном фронте с 4980 машин до 2830, несмотря на пополнение с Запада, да еще были 295 финских, 165 румынских, 70 итальянских и 50 венгерских самолётов. Но как было ни было, а потеряли они 2150 машин (то есть почти половину) и тысячи летчиков. И ведь такая картина сложилась не только с авиацией, но и с другими родами войск. Так, в "Приложении" к недавно вышедшим воспоминаниям известного генерала Н. Попеля "В тяжкую пору" составитель книги В. Гончаров, основываясь на новейших исследованиях, пишет: "Самым тяжелым для немцев были катастрофические потери танков... С июня по ноябрь 1941 года вермахт безвозвратно потерял 2326 танков (что больше трети всего парка) и около 800 бронемашин".

Чего после этого стоят рассказы таких стратегов, как Солженицын, будто Красная Армия, "сдавая чохом города", бежала от границы по 120 километров в день и только под Москвой опомнилась и уперлась. Сибиряки чудом спасли!.. Нет, именно в первые дни, недели, месяцы была заложена основа не только победы под Москвой, но и разгрома немцев в Берлине. Стоит сопоставить лишь два факта. Наполеон и Гитлер начали вторжение с одного рубежа и почти в один и тот же день, первый даже на два дня позже второго. И вот Наполеон с его пехтурой,

конной тягой да скрипучими обозами дотопал до Москвы в конце августа, а Гитлер с его танками, самоходками, автомашинами, авиацией, радиосвязью дополз до Москвы лишь в конце ноября — на три месяца позже! Где ж это, Александр Исаевич, раскорячились и так надолго увязли его ножки, столь быстрые да веселые в Западной Европе?

КТО КАК СЧИТАЛ. ПОКРЫШКИН И ХАРТМАН

Можно было ожидать, что народный артист Дуров накануне великого праздника напомним соотечественникам о каких-то доблестных делах нашей авиации в годы войны. Если не о том, о чем сказано выше, то, допустим, выразил бы восхищение подвигами Александра Покрышкина или Ивана Кожедуба, сбивших по шести десятков немецких асов, или Александра Горовца, который один вступил в бой против 20 фашистских бомбардировщиков и ценою своей жизни сбил девять из них.

А то сейчас появилось немало охотников объявить немецких летчиков непревзойденными асами Второй мировой. Есть такие усердные охотники на Украине, да и у нас водятся, например, в "Совершенно секретно" — Д.Хазанов (не родственник ли хохмача?), в "Аргументах и фактах" — Ю.Селиванов. Вот, говорят нам, полюбуйтесь: Эрик Хартман. На его счету 352 победы. Даже составители двусмысленной "Энциклопедии третьего рейха" сочли нужным подчеркнуть: "Многие военные историки подвергают сомнению количество сбитых Хартманом самолётов". Еще бы! Безо всякого боевого опыта он попал на фронт двадцатилетним лейтенантом прямо из училища в августе 1942 года и начал свою козьмакрючковщину: за 32 месяца до конца войны сбивал по одиннадцать самолётов каждый месяц, т.е. по самолёту каждые три дня. Нет больше! Ибо, во-первых, несколько раз (по некоторым данным, даже 16 раз) его сбивали и, конечно же, это не обходилось без травм, на излечение которых требовалось время. Во-вторых, такому герою, надо полагать, давали отпуска. В-третьих, во время Курской битвы его опять сбили, он попал в плен, но сумел бежать. Да, на всё это нужно было время. Так что закономерно предполагать, будто сбивал он не одиннадцать, а может быть, все пятнадцать самолётов за каждый месяц пребывания на фронте, т.е. через день. А ведь во второй половине 1942 года обстановка в воздухе была уже не та, что в самом начале войны: и летчики наши, набравшись опыта, стали уже другими, и самолёты — новые: на смену истребителю И-16 ("ишачку") да тихоходному бомбардировщику ТБ-3, наблюдая гибель которых летом 41 года, плакал Константин Симонов, явились машины гораздо более совершенные, во всем превосходившие немецкие: Ла-5, Ла-7, Як-9, Ил-2, МиГи... И потом: Покрышкин был почти на десять лет старше юнца Хартмана, летчиком стал за два года до войны, воевал с первого дня. Кожедуб тоже старше и тоже имел немалый лётный опыт до того, как в марте 1943 года попал на фронт.

Но главное в глубоком различии системы подсчёта сбитых самолётов у нас и у немцев. В своё время об этом обстоятельно писал в своей "Дуэли" Юрий Мухин. Сейчас об этом же пишет в "Патриоте" Герой Социалистического Труда академик А.П.Коваленко: "В ВВС Красной Армии это происходило намного сложнее и потому объективнее, чем в фашистских Люфтваффе". Так, у нас была обязательна фиксация результативной атаки фотоконтролем. При этом два участника боя

должны были видеть и свидетельствовать, что противник сбит, указать место его падения. Кроме того, падение удостоверялось наблюдателями на земле. К тому же, когда война шла на нашей земле, то если самолёт падал на территории, занятой немцами, то нашему лётчику удача не засчитывалась. Наконец, нашим пилотам засчитывались только победы, одержанные в небе.

А как было у немцев? Прежде всего в начале войны у них отсутствовал фотоконтроль. Принимались на веру доклады самих лётчиков. А если, допустим, эскадрилья из десяти самолётом сбивала три машины противника, то каждому из десяти записывалась победа. (У нас счёт коллективно сбитых велся отдельно.) И еще интересней: если сбит двухмоторный самолёт, то засчитывались две победы, если четырехмоторный — четыре. Наконец, засчитывались не только самолёты, сбитые в воздушном бою, но и те, что повреждены или сожжены на земле. Конечно, при такой системе можно было нащёлкать и 300, и 400. А вот были ли у немцев такие асы, как наш майор Алексей Маресьев (царство ему небесное!), который сперва сбил четыре немецких самолёта, а потом, вернувшись в строй без обеих ног, еще семь; как тоже без ног и тоже Герой Советского Союза Захар Сорокин, сбивший одиннадцать самолётов, но почему-то не вошедший даже в военные справочники, — он в апреле 1943 года сбил "короля Севера" Миллера, за которым числилось по немецкой системе 97 побед; как тоже Герой Михаил Девятаев, сбивший девять самолётов, попавший в 1944 году раненным в плен и сумевший бежать с друзьями на немецком самолёте с немецкого аэродрома... Не слышал я о таких немецких асах.

НА ГРАНИ БЕЗУМИЯ, НО НЕ ТОЛЬКО...

Вот и рассказал бы Лев Дуров о чем-нибудь из этих дел или вспомнил бы, как в августе 41-го года, в самую отчаянную пору наша авиация дальнего действия несколько дней бомбила Берлин. Первый удар был нанесен в ночь на 8 августа с острова Сааремаа. 12 бомбардировщиков ДБ-3 точно вышли на цель и сбросил и фугасные и зажигательные бомбы на центр фашистской столицы. Все самолёты вернулись на базу. Немцы не могли поверить, что их бомбили русские, которых они теснили уже за Смоленск, и утром уверяли друг дружку, что бомбили англичане. В последующие три ночи — новые удары. Всего до 4 сентября наша авиация, поднимаясь с аэродрома на острове Сааремаа, десять раз подвергла Берлин бомбардировке, сбросив на него 311 тонн бомб. А кроме того, с аэродрома под Ленинградом еще несколько бомбовых ударов нанесли по Берлину летчики во главе с легендарным Михаилом Васильевичем Водопьяновым, Героем Советского Союза по челюскинской эпопее. За этот подвиг, что был, как парад 7 ноября на Красной площади, — на грани безумия и бессмертия, большая группа лётчиков удостоена орденов Ленина и Красного Знамени, а десять человек стали Героями Советского Союза... Или рассказал бы Дуров о том, как во второй половине июня 1942 года, когда немцы опять рванули на Восток, наша авиация дальнего действия четырежды бомбила Кёнигсберг.

Нет, ни о чем подобном артист вспоминать не захотел. Он знал, чего именно ждёт от него Познер, и мы услышали вот что: "Как сейчас помню налеты немецкой авиации на Москву... Какой это был кошмар!.. Немецкие самолёты носились в московском небе за нашими, а те на

глазах всего народа удирали от них... Какой ужас!.." Ах, народненький... Да, налеты были. Первый — в ночь на 22 июля. Я его прекрасно помню... Летело 250 бомбардировщиков, но через тройное кольцо воздушной обороны удалось прорваться немногим. 12 из них были сбиты в бою, 10 — зенитчиками. Утром за успешное отражение налета Сталин объявил благодарность летчикам, артиллеристам, прожектористам, аэростатчикам, вносовцам и их командованию.

ЖИВА ЛИ ГАЗЕТА "КУРАНТЫ"?

23 июля — опять налёт, 24-го — опять, 26-го снова... С 22 июля до конца сентября было 36 ночных налетов, в которых участвовало более 5000 немецких самолётов (в среднем каждый раз по 135-140 самолётов), к городу прорвалось немногим более 110. В октябре, когда немцы подошли совсем близко к Москве, активность их авиации возросла: 31 массированный налет, прорвалось более 70 самолётов. Но возросла и сила нашего отпора: на подступах к городу и боях над ним сбито 278 самолётов. В ноябре — 41 налет, прорвались 28... 5 декабря началось наше наступление под Москвой, и налетов на столицу не было.

Газета "Куранты" (она жива?) в № 19 за 16 июля 1998 года живописала такую картину июльских налетов на Москву. В первый налет 22 июля немцы сбросили 1610 фугасных и более 110 тысяч зажигательных бомб, от зажигательных возникло 1140 пожаров и возгораний. Однако в другой статье на этой же странице сказано: "За весь период налётов на Москву потушено около 40 тысяч зажигалок и 2700 пожаров". Как эти цифры за один налёт и за все налёты могут быть согласованы и осмыслены? Неужели, допустим, на один первый налёт "пожаров и возгораний" приходится больше 40 процентов от общего числа?

И тут же: "По закрытым ранее данным (какой дурак им открыл их?), в Москве было полностью разрушено 574 жилых дома, 59 школ, 59 предприятий местной промышленности (союзная промышленность немцев не интересовала?), ликвидировано более 3000 крупных аварий". Заметьте: разрушено полностью! Но вот диво дивное: "Между тем, граждане не видели в столице крупных и массовых разрушений". Как же так? В чем дело? Оказывается, "перед войсками МПВО стояла задача ликвидировать пожары, восстановить разрушенное, и требовалось это сделать так, чтобы к утру — никаких следов!" Ну, известное дело, советская показуха... Дураков не сеют, не жнут... Ведь абсолютно не воображают, что лепечут! Можно к утру, допустим, засыпать, даже заасфальтировать воронки от бомб или убрать следы нескольких сгоревших домиков. Но как восстановить или ликвидировать развалины многих полностью разбомбленных промышленных предприятий хотя бы и местного значения, чтобы утром никто ничего не заметил? Разве утром жители этой улицы не спросят: "А куда же девался домик? Такой симпатичный был..." Разве сотрудники названных предприятий не удивятся: "Где же нам теперь работать?.." Пожалуй, так и было бы, если данные о немецких налетах были бы здесь приукрашены. И вполне понятно, почему газета не указала конкретно ни одно разрушенное предприятие и только одну школу из 59-ти. А ведь еще сказано, что сотни, тысячи домов, школ, предприятий "повреждено". Как им родную столицу-то не жалко...

Да, разрушения были, и под бомбежками погибли около двух тысяч человек. Но, во-первых,

всё это москвичи видели и знали, хотя, разумеется, как во всяком уважающем себя городе, следы бомбежек старались ликвидировать побыстрее. (Можно себе представить, что творилось бы ныне!..) А во-вторых, эти разрушения не идут ни в какое, даже самое отдаленное сравнение с тем, что немецкая авиация сделала, например, 26 апреля 1937 года с испанским городком Герника, в котором из 7 тысяч жителей в этот день погибли 1600 человек; или с тем, что немцы в сентябре 1939 года учинили с Варшавой; или с тем, во что превратили в мае 1940 года Роттердам; или с тем, как они бомбили Англию и её столицу... Об этом для народного артиста Дурова и для газеты "Куранты", если она жива, полезно рассказать пообстоятельней. С августа 1940 года до июня 1941-го немецкая авиация сбросила на Лондон, на Англию около 60 тысяч тонн бомб, и около 45 тысяч человек были убиты, около 50 тысяч ранены. Чего стоит судьба одного лишь Ковентри. За два налёта — 15 ноября 1940 года и 8 апреля 1941-го — на него немцы обрушили 800 тонн фугасных и 1600 зажигательных бомб. Город был стерт с лица земли, а с ним вместе и 20 процентов всей авиационной промышленности Англии. И чего это премьер Черчилль не требовал к утру ликвидировать все последствия налётов...

Тяжело было и в 1944 году. Тогда немцы уже имели ракетные снаряды Фау-1. С 12 июня в течение недели они выпустили с побережья Франции по Лондону более 8 тысяч снарядов. Хотя и не все они достигли цели, но 6 тысяч человек были убиты и около 40 тысяч ранены. Потом соорудили пятнадцатиметровые Фау-2 весом в 13 тонн и дальностью полета до 500 километров при скорости 7 тысяч в час. 8 сентября уже с базы в Нидерландах метнули на Англию более тысячи ракет, в том числе — 600 на Лондон. Погибли около 10 тысяч англичан. А Москва не только в сентябре, но и в июне 1944 года была уже вне досягаемости фашистских ракет...

Можно добавить еще, что бомбежка Москвы, её разрушения не идут ни в какое сравнение и с тем, что англо-американская авиация, прежде всего ради нашего устрашения, в свою очередь сделала за три налёта 13-14 февраля 1945 года с Дрезденом, где под бомбами погибли 135 тысяч жителей и разрушено 35,5 тысяч зданий; с Гамбургом, Лейпцигом, Кёльном; с тем, наконец, что союзники и мы сделали с Берлином...

Что же, Лев Дуров, вот так было и в Москве, в небе над которой немецкие самолёты гонялись за русскими? И как не совестно старому человеку перед Героем Советского Союза Виктором Талалихиным, ночью 7 августа сбившим тараном немецкий "Хейнкель", перед всеми, не щадившими своей жизни защитниками Москвы на земле и в воздухе...

ЭПИДЕМИЯ КОРОВЬЕГО БЕШЕНСТВА СРЕДИ БОЖЬИХ ОДУВАНЧИКОВ

А 6 мая, совсем уже близко к Дню Победы, кликнул и Сванидзе в свое "Зеркало" два драгоценных киносокровища — 93-летнюю Марину Ладынину, беспартийную большевичку с юных лет, и её молодую подружку — 86-летнюю Лидию Смирнову, члена КПСС с 1952 года. Обе — тоже народные артистки СССР, крупные лауреатки, особенно первая, — кажется, пятикратная. Позже, 5 июня с великим удивлением я прочитал в "Правде", что Ладынина "живет затворницей, ни в каких собраниях развратителей не участвует". Что, чулки вяжет, пасьянсы раскладывает?

По поводу того, что у Сванидзе говорила Смирнова в этой передаче, Александр Бобров задал

загадку в "Советской России": "Выжила из ума, или всю жизнь была скрытым врагом с партбилетом?" Но, по-моему, ничего скрытого здесь давно уже нет — ни в состоянии усохшей черепной коробки, ни в чем другом усохшем. Стоит только вспомнить, как она, матушка, млела и ликовала на всю державу, любуясь походочкой нового президента. Знать, вспомнилась одуванчику чудесная блатная песенка дней её молодости:

*Ах, если б видели вы Костину походочку!
Меня пленял в нем даже этот пустячок.
Когда он шел, его качало словно лодочку,
И даже этим он закидывал крючок...*

Ах, как много дала бы Лидия Николаевна за то, чтобы сейчас трепыхаться на таком крючке молоденькой рыбкой, даже без медали сталинской лауреатки!.. Но из-за несбыточности мечты вспыхнув ненавистью к вскормившему её советскому строю, эта круглая умница воскликнула: "Я крепко дружила с Галичем, но не знала, сколько людей сидели в лагерях". Матушка, так ведь и друг сердешный Галич не знал! Он распевал свои забубенные песенки о лагерях, о заключенных, об ужасах войны, но сам-то не отсидел даже десяти суток в вытрезвителе, а войну видел только в кино. Человек всю жизнь сочинял сценарии и либретто для таких шедевров социалистического оптимизма, как оперетта "Вас вызывает Таймыр", и крепко дружил с такими, как вы, жаль моя. Впрочем, хорошо известно, что этот либреттист не один дружил с вами лично. Это, во-первых. А во-вторых, сколько же сидели в лагерях? А.Бобров разъяснил старушке: в два раза меньше, чем сидит сейчас, в дни цветущей демократии. Причем, не было тогда в лагерях и тюрьмах ни эпидемии туберкулеза, ни массового одичания. Вон недавно показали по телевидению шахматный турнир среди рецидивистов. Событие! А тогда культурная жизнь в лагерях была ключом. Солженицын рассказывает, что один заключенный, профессиональный пианист, потребовал от администрации лагеря доставить ему рояль. Я, говорит, не могу без музыки, и в приговоре не сказано, что надо лишить меня квалификации. И что ж вы думаете? Рояль был доставлен! А сам Александр Исаевич в лагерном спектакле "Горе от ума" играл Чацкого, сотрясал глухую тайгу бессмертным монологом:

*Бегу. Не оглянусь. Иду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок.
Карету мне! Карету!..*

Все медведи и волки разбегались в округе. А карета была ему нужна, чтобы вывезти из лагеря вороха написанных там полубессмертных шедевров.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛАУРЕАТОВ ПОД ОДНИМ ОДЕЯЛОМ

Перед тем как начала вещать бабушка Марина, Сванидзе объявил: "Внимание! Она сейчас всех огорошит". И что же мы услышали? Долго и невнятно Божий одуванчик лепетала о страшной участи какого-то Аркадия, своего друга, который где-то кому-то прочитал какие-то невнятные стихи, и ему за это — аж 22 года лагерей. Его ли собственные стихи — неизвестно. Но посудите, какая дикая несправедливость: Мандельштаму за убогую эпиграммку на самого Сталина дали только три года ссылки в университетский город Воронеж, а тут — за чьи-то

стихии в семь раз больше, да не ссылки — лагерей у черта на куличках. "А в ту страшную сталинскую эпоху заключенным и ссыльным переписка была запрещена", — уверенно промурлыкала старушка... Ах, болезная, вот был такой двухголовый мыслитель, одна голова которого под русским именем Андрей Синявский публиковала правоверные статьи в советской прессе, а другая под еврейским именем Абрам Терц — антисоветские статьи в заграничной, в антисоветской. Так он, сидя за лицемерие в лагере, не только вел живейшую переписку, но и накатал три книги. А Солженицын-то, лагерная переписка которого еще не вся опубликована, при его усидчивости да трудолюбию приволок из лагеря целое собрание сочинений, в том числе несколько драм в стихах и поэм, от которых Твардовский падал в обморок, а очнувшись, говорил своему молодому любознательному другу Лакшину: "Владимир Яковлевич, голубчик, вам это читать не件лезно"... Впрочем, тут же забыв о запрете переписки для заключенных, Марина Алексеевна принялась жаловаться, как все 22 года дрожала она из-за писем друга Аркадия, которые скопились у нее в таком изрядном количестве, что уже не помещались в бюстгальтере, в котором тогда и без этого было тесно... Как подумаешь, экая чувствительность! А вот мой отец был в молодости царским офицером, что, по уверению того же Солженицына, считалось при Сталине опаснее, чем иностранный шпион. И что же? У нас в семье не только хранился его эмалированный синий значок об окончании Алексеевского юнкерского училища, но и портрет отца в офицерской форме висел на стене, как висит и сейчас; больше того, долгие годы мы хранили даже его офицерский браунинг... Однако каким же образом молодая Марина получала письма от молодого друга? Оказывается, говорит, их доставляли освобожденные товарищи Аркадия по заключению. Опять память подвела! Ведь до этого она божилась, что оттуда никто не возвращался...

А итог своего бормотания одуванчик подвела чётко: "Сталинское время было хуже войны!" Не может без ноотропила сообразить, что ведь победоносная война — это тоже сталинское время. Но главное в другом. Если это время хуже войны, то что ж ты, мать моя, сразу после окончания в 1931 году ГИТИСа только тем и занималась, что, прославляя это время, беззаветно плясала да радостно пела развеселые песенки в музыкальных комедиях своего супруга Ивана Пырьева, большого начальника советского кино, — в фильмах "Богатая невеста", "Трактористы", "Свинарка и пастух", "В шесть часов вечера после войны", "Сказание о земле Сибирской", "Испытание верности", "Кубанские казаки"... Ведь это же вы, беспартийная, а не я, коммунист, голосили на всю державу, прикинувшись свинаркой:

Нет на свете прекрасней, могучей,

Чем советская наша земля!..

Вы с Иваном Александровичем были единственной в стране семьей, имевшей дюжину Сталинских премий, и ведь все — первой степени по 100 тысяч рублей. О вас так и говорили: "Двенадцать лауреатов под одним одеялом"... Можно себе представить, как пылко любила тогда жена Пырьева советскую власть и как обожала товарища Сталина лично...

Но вскоре после "Кубанских казаков" (1950 год), увы, все переменялось. Пырьев почему-то перестал снимать в своих фильмах гражданку Ладынину, переключил свое пристальное внимание на других — на Марченко, Скирду... А другие режиссеры почему-то не приглашали мультилауреатку, хотя, казалось бы, всё оставалось при ней: и возраст всего лишь необальзаковский, и голосиста, и только что получила звание народной, которое после смерти Сталина никто не отобрал. Так и осталась в 42 года со своими премиями и званиями на бобах.

Кончилась роскошная лауреатская жизнь. Вот уже пятьдесят лет и сидит на бобах. Не мудрено, что за столь долгий и печальный срок не только осерчала на оставившего её покойного мужа, но возненавидела и товарища Сталина лично — из-за того, что он уже не мог давать ей премии даже третьей степени. И эту многолетнюю ненависть она, под умелым руководством Сванидзе, и выплеснула с экрана накануне Дня Победы: вот вам, ешьте, дорогие и любимые зрители!..

НА ЛОВЦА И ЗВЕРУШКА БЕЖИТ

Чем же объяснить феномен этих трех ведь русских же артистов — Льва Дурова, Лидии Смирновой, Марины Ладыниной? Впрочем, рядом с ними и Астафьев, и Васильев. Что заставляет их, прославленных и просто уже старых русских людей, лгать о прошлом своей Родины? Конечно, у любого могут быть свои обиды на прошлое, огорчения, разочарования в каких-то личных надеждах, в ком-то из людей того времени, как у Ладыниной, и на это можно посетовать, допустим, в мемуарах, но что побуждает уже в конце жизни перед лицом всего народа лгать, как лгут Чубайс или Новодворская? Право же, ничем они тут не отличаются от Чубайса, который однажды до того допер, что в полемике по телевидению с коммунисткой Светланой Горячевой заявил: "До Второй мировой войны во всех странах оборонительные укрепления — французская линия Мажино, германская линия Зигфрида, финская линия Маннергейма — были направлены вовне, против вероятного противника, а у нас — внутрь страны, против своего народа, чтобы люди не удрали за границу. Что ж это за страна!" И президент не так давно объявил всему народу о своем "глубоком уважении" к такому публичному идиоту!.. Тут все понятно: торговец тюльпанами свихнулся от ненависти. Но самое достослезное здесь вот что: ведь коммунистка ничего не возразила психу...

Но в случае с названными выше аксакалами и Божьими одуванчиками объяснение иное, чем в случае с Чубайсом: за годы горбачевско-ельцинского режима они оказались абсолютно деморализованы. Главную роль тут сыграло злобное русофобское телевидение. У этих людей не осталось ни национальной гордости, ни гражданского достоинства, ни элементарной душевной опрятности — всё вытоптано за 10-15 лет! Завтра заявит по телевидению какой-нибудь Норкин или Осокин, Андреева или Белова, что Берлин взяли не советские войска, а американские, и такой вот Дуров не только промолчит, но потом еще и возрадуется, а следом вознегодует: "Ах, мерзавцы сталинской эпохи! Сколько лет морочили нам головы! Вот она, правда-то матушка, столь дорогая широкому сердцу русского человека..."

И, конечно же, не случайно, что такие тертые ловцы душ, как Познер и Сванидзе, выискивают и приглашают в свои передачи именно деморализованных или тронувшихся, но известных служителей муз. И эти служители, несмотря на возраст или разжижение мозгов, всё-таки четко соображают, что если они вякнут хоть одно доброе словцо о прошлом, то впредь их уже не позовут на передачу ни Познер и Сванидзе, ни Миткова или Сорокина, ни Норкин или Хоткин. А покрасоваться-то всё еще хочется. Ведь всю жизнь красовались...

НА НАШИХ ГЛАЗАХ УМИРАЮТ ТОВАРИЩИ...

А 8 мая с Большим кремлевском дворце шел праздничный концерт. Было много прекрасных выступлений. С небольшой замечательной программой выступила фронтовая сестра милосердия Элина Быстрицкая. Как она прочитала стихотворение Симонова "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины..." Как сильно прозвучали в этот день слова:

По русским обычаям только пожарища

По русской земле разметав по пути,

На наших глазах умирали товарищи,

По-русски рубаху рванув на груди...

И вдруг выскакивает гражданин Газманов и во всё горло начинает:

— Господа офицеры!..

Что за господа? Какие господа? Откуда взялись? Мы только что видели, как, рванув на груди рубаху, умирали товарищи. В зале сидят участники Великой Отечественной войны, офицеры Красной Армии, старики, к которым за всю жизнь никто никогда так не обращался. Да и сейчас в армии говорят "товарищ". А если "господа" и в связи с Отечественной войной, то это следует расценивать только как обращение к немцам или к власовцам. Но происходит невероятное: весь зал (сколько там тысяч мест — пять, десять?) — встаёт и слушает весь вопёж такого же провокатора, как Иваненко, стоя. Да неужели из этих тысяч так никто и не понял, как он сейчас выглядит и как смотрит на него вся страна. Право, впечатление такое, что если бы хор запел "Deutschland uber alles" и при этом три первых ряда встали бы, то немедленно вскочил бы и весь зал... Что, слишком мрачно? Придумайте, кто может, что-нибудь повеселей...

Живет в Ленинграде драматург Александр Володин. Он гораздо моложе Ладыниной, но очень близки они духовно. В эти же, священные дни в "Новой газете" была напечатана его беседа с журналисткой Аллой Боссарт. Они прекрасно понимали друг друга. Из разговора выяснилось, что в молодости драматург был стукачом. Пристрастие к стукачеству осталось до сих пор, но обрело несколько иную форму. Судите сами. Вот он сообщает собеседнице: "Мне говорил Василь Быков: "Ты думаешь, кто такой Матросов? Нашли пьяного солдата и бросили на амбразуру..." Раньше он стучал на живых, а теперь переключился на покойников. А когда я прочитал его донос одному приятелю-фронтовику, тот сказал: "Где живет этот Володин — в Ленинграде? На Большой Пушкарской? А как настоящая фамилия — Лифшиц? И они еще под гитару Матвиенко об антисемитизме скулят!.. Слушай, старик, ты недавно получил Шолоховскую премию. Дай мне денег на дорогу. Дай хотя бы на билет в один конец в общем бесплацкартном вагоне. Обрато пешком дойду, если на попутках не удастся. Я разыщу там этого Лифшица и от имени всей Красной Армии, от лица живых и мертвых солдат Великой Отечественной по поручению Организации Объединенных Наций врежу ему по лабазной вывеске, не посмотрю, что он член партии с 1949 года. Старик, не поспешишь!.." Я дал ему на "Красную стрелу" в мягком международном вагоне в оба конца...

[Вернуться в Линдекс](#)

Писатель Астафьев, телеведущий Киселев, актер Дуров, Тодоровский, Познер и прочие - как они врут о войне, о советском солдате и стратеге. Врут из ненависти к той жизни, которая сделала из них людей и подарила жизнь в непоработанной стране. Отличная фактура статьи убедительно разоблачает эту гнусную ложь.

Бушин В.С. "[Черное и красное](#)", "Завтра", №25, 2001 г., 100000 экз., 82,0 Кб.

Смотри также

[Враги](#)

[История](#)

[Манипуляция сознанием](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Author: Владимир Бушин

Title: **НА ТВОЕМ БЫ МЕСТЕ...**

No: Denlit, 2(8)

Date: 16-02-98

Что бы я предпринял, сидя в высоком кресле главного редактора всемирно знаменитой газеты “Завтра” и вдыхая несказанный аромат своей собственной великой славы?

Прежде всего, я регулярно учинял бы нежные экзекуции своим сотрудникам, в первую очередь — заместителям. Например, я заботливо спросил бы одного из них: “Ты на кого работаешь, голубь, когда сочиняешь хвалебную до небес статью о романе Георгия Владимова “Генерал и его армия”, который тут же получает демократскую премию то ли Букера, то ли Пукера, то ли Какера?.. Ты кого поддерживаешь, ангел подколодный, когда ставишь в номер стихи безвестного графомана, который, вишь ты, грозитя, что, как Кутузов отступающих наполеоновских солдат, он заставит коммунистов жрать конину? Ведь тогда у нас в редколлегии состоял сам товарищ Зюганов, коммунист № 1-бис. А таким коммунистам, как Бушин, конина в охотку. Он еще весной 43-го года на фронте под Сухиничами жрал ее, как и все братья-славяне, в обмотках, так, что за ушами пицало. Где тогда был твой графоман?.. Ты кого прославляешь, болезный, когда захлебываешься от восторга по поводу позорной постановки в Малом театре деревянной пьесы Солженицына “Пир победителей”? Шолохов писал о ней, что ее форма “беспомощна и неумна”, а если говорить о сути, то “поражает какое-то болезненное бесстыдство автора”. Неужели для тебя творец бессмертного “Тихого Дона” меньший авторитет, чем сочинитель уже ныне, при его жизни, никем не читаемых гроссбухов? Да ведь и сам он еще в известном письме к IV съезду писателей СССР в мае 1967 года отрекся от этой пьесы, а теперь видит, что власти-то никакой в стране уже не существует, никакого надзора за приличием нет, скоро без штанов ходить будут, и он полез на чердак, разыскал там замшелую рукопись, стряхнул полувековую пыль и с тем же болезненным бесстыдством помчался в Малый... Собираешь ли ты, что делаешь, аспид, когда на первой полосе нашей газеты в день Красной Армии в одном ряду с портретами великих русских полководцев от Александра Невского до Георгия Жукова помещаешь — или это не ты? — портрет адмирала Колчака? Да это же беспримесный американский наемник! Почитай хотя бы, что писал о нем в “Нашем современнике” Вадим Кожинов. Он не только называет по именам его заокеанских советников и инструкторов, но и приводит дотошные цифровые данные о полученных из США военной технике и снаряжении: винтовки, пулеметы, пушки, шинели, связь...

Что я сделал бы еще на месте Александра Проханова? Конечно же, перестал бы печатать литературных психов. Например, того, который настроил книгу о генерале Власове, духовном сыне Колчака. Он, между прочим, и сам генерал. Ну, правда, пуровский, как, скажем, адмирал Гайдар, и скорее всего — волкогоновской выпечки. Так этот волкогоновец уверяет, что всеми самыми крупными победами в Великой Отечественной войне мы обязаны именно Власову. Как

это? Как это? А очень просто, говорит: под тайным, но непрекаемым командованием Власова было 50 дивизий, сформированных немцами из наших военнопленных, эти дивизии командование вермахта бросало во всех крупные битвы, но в решающий момент они расступались перед Красной Армией, и та наносила удар с фланга или тыла, что и давало нам победу. Ну, хорошо, один раз немцы могли оплошать, но как же они попались на удочку и второй раз, и третий, и пятый? Не глупые ведь люди. Это они показали, между прочим, и тем, что понимали русского солдата и Красную Армию гораздо лучше, чем наш власовец-волгогоновец: немцы боялись дать оружие в руки нашим пленным и лишь в конце войны, в отчаянную пору, в ноябре 1944 года, когда Красная Армия уже вступила на немецкую землю, сформировали не 50, а только две дивизии, одной из которых командовал Буняченко, другой — Зверев.

Но газетный генерал стоит на своем и требует памятника Власову рядом с памятником Жукову. Ну как же не псих! Тем более, что уверяет, будто его любимец был сознательно заслан к немцам и выполнял личное задание Верховного Главнокомандующего, и потому после войны его вовсе не расстреляли, а присвоили звание Героя Советского Союза, маршала, дали отменный пенсион и хотели было отправить доживать дни в Австралию от лишних глаз подальше, но там подняли бунт полчища кенгуру: "Не пустим на свою землю пособника Гитлера!" Тогда ему дали генеральскую квартиру на одной площадке с его будущим биографом и апологетом, и тот уверяет, что Власов жив и поныне; вероятно, заходит картишками переброситься.

На месте Проханова дал бы я полный отлуп от газеты и тому литературному психу (на сей раз не генерал, а газетный капитан первого ранга), что поносит чуть ли не всю нашу литературу, начиная со Льва Толстого. Его он называет "отравителем колодцев русской жизни", а его произведения — это, оказывается, "вагон книг типа (!) "Войны и мира". И при этом, естественно, взывает к авторитету — кого же еще! — дяди Сэма: "Весь это вагон художественности американцы точно называют "фикшн" — "фикция", вымысел, сочинительство." И не соображает при этом, что с помощью таких доводов можно объявить эшелон баракла не только почти всю русскую литературу — сочинительство же! — но и американскую тоже, хотя бы Фолкнера с его выдуманной Йокнапатофой.

Толстой, Бунин, Вересаев видятся психу то ли вдохновителями, то ли прямыми соучастниками Ягоды, Ежова, Берии, поскольку лет за 30-40 до них имели неосторожность напечататься в газете, которая потом стала большевистской. А свихнулся он на монархизме, и потому истинными светочами русской литературы считает лишь особы великокняжеские: известного Константина Романова да неизвестного Олега Романова, погибшего молодым, но успевшего сочинить несколько стихотворений. Например:

Братцы! Грудью послужите!
Гряньте бодро на врага!
И вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога.

Тем не менее, псих заявляет: "Князь Олег более народен, чем его сверстник Есенин". А недавно надеждой русской литературы объявил по телевидению Олег Романова еще и всем известный Радзинский, который, по нечаянно меткому замечанию Н.Сванидзе, в дополнительной рекомендации не нуждается...

В советской литературе капитан-монархист, естественно, признает и любит только Булгакова, только “Дни Турбиных”. Но, мамочка родная, какими ворохами новостей и открытий окружена эта африканская любовь! Пишет, допустим, что на премьере “Дней Турбиных”, которая-де состоялась во МХАТе “в начале тридцатых годов”. как только артисты на сцене по ходу пьесы затаили “Боже, царя храни...”, так весь зал вскочил и тоже благоговейно затаил. И вместе со всеми, говорит, затаил председатель Совнаркома Н.И.Рыков. А когда очухался от приступа монархизма, то побежал за кулисы и устроил артистам разнос: как, мол, посмели меня, предсовнаркома!..

Ах, как все это живописно! Но, во-первых, при чем же здесь артисты? Они лишь играли текст Булгакова, и разнос надо бы делать ему, художественному совету театра, дирекции. Неужто Рыков этого не понимал? Во-вторых, “ в начале тридцатых годов”, Рыков уже не был предсовнаркома, его сменил сорокалетний В.М.Молотов. В-третьих, премьера “Дней” состоялась во МХАТе вовсе не “в начале тридцатых”. Спроси любого пожарного или омовца, да что там — даже Ельцина, и они без запинки ответят: 5 октября 1926 года. Тогда действительно предсовнаркома был Рыков, но все-таки он не вскакивал и не пел царский гимн, ибо никто, кроме артистов на сцене, его не пел. Все другие рассуждения капитана о литературе — на таком же примерно умственном уровне.

И НАКОНЕЦ, ПОСЛЕДНЕЕ. У Александра Проханова юбилей. На его месте я непременно учел бы опыт некоторых нынешних посткоммунистических торжеств этого рода. Недавно я был на одном из них...

Как это делалось раньше? Ну, во главе стола или в президиуме рядом с юбиляром сажали директора или другого большого начальника, секретаря парткома, а то и райкома — по пропаганде, дальше — знатного стахановца, ветерана войны или труда... А что я увидел теперь? Все то же, только наоборот: секретарь, но не партийный, а союзописательский; не директор, а губернатор (недавний секретарь обкома); наконец, не ветеран войны, не стахановец, а старенький батюшка. Он-то, батюшка, был особенно уместен, ибо сподобился еще и стихи сочинять. За это его и приняли в члены Союза... И приглашали на юбилей.

А что дарили раньше на юбилеях? Разное. Допустим, однотомник Проскурина или “Книгу о вкусной и здоровой пище”, портрет Брежнева или шестеренку, увитую олеандром и т. п. Что подарили теперь? Икону. А кто подарил? Доктор социалистических наук, профессор, член КПСС с 1956 года, бывший редактор “Комсомольской правды”, кавалер ордена Красного Знамени, дважды лауреат премии имени Ленинского комсомола, автор замечательного исторического исследования “Боевой опыт комсомольской печати. 1917-1925” (в частности, ее опыт по борьбе с религией)...

А как раньше начинались такие торжества? Очень нередко — с пения гимна. Или “Интернационала”, или (уже после двух-трех рюмок) пели “Вот мчится тройка удалая”. А как обстояло дело теперь? Поднялся в президиуме батюшка, член секции поэзии, и возгласил: “Братие! Всякое доброе дело надо начинать с молитвы. Так воздадим же хвалу Господу нашему и возрадуемся хлебу насущному, что он нам сегодня послал!” Все вскочили и кое-кто даже затаил вслед за батюшкой. Оно и понятно: сегодня послано нам было отменно, столы ломались от яств и питий. Рядом со мной подпевала, например, мой старый друг Наташа

Дурова, знаменитая наша зверолюбка. От умиления и восторга я хотел было ее расцеловать, но вспомнил, что дня три назад на телевидении — кстати, тоже на чьем-то юбилее, она целовалась со своим удавом...

Так вот, на месте дорогого Александра Проханова я на свой юбилей для полного ажура или, как говорили у нас на Благуше, для понта тоже непременно пригласил бы парочку губернаторов (родного тифлисского — уж обязательно!), кого-нибудь из бывших боссов комсомольской или партийной печати, одного-двух лауреатов КГБ, одну циркачку с проволокой, но без удава, и уж, конечно, священнослужителя, желательно — из секции критики. Уж то-то они устроили бы торжество!..

И все, что я тут насоветовал, ты прекрасно успеешь сделать, ибо ты еще очень молодой — всего-то шестьдесят. А по духу и работоспособности тебе нет и сорока. А улыбка у тебя — та же, что и в двадцать лет.

[Вернуться в Линдекс](#)

В связи с юбилеем писателя и редактора газеты "Завтра" А.Проханова В.Бушин указывает на досадные, а то и вредные ошибки, допускаемые оппозиционной печатью. Когда бьют по своим или расхваливают врагов.

Бушин В.С. "[На твоём бы месте...](#)", "Завтра", №2, 1998 г., 100000 экз., 12,0 Кб.

Смотри также

[СМИ](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Title: **ЭДВАРД И ЕГО БРАТЬЯ**

Author: Владимир Бушин

No: 18(179)

Date: 5-05-97

ГЛАВНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ от новой книги Эдварда Радзинского “Сталин” и от его восьми телепередач на эту же тему нетрудно выразить в нескольких словах: убожество языка и примитивность образных решений, поразительная по широте неосведомленность и сознательная фальсификация, непонимание самых простых вещей и злобность, умопомрачительная ненависть к Советской стране, ее истории, ее деятелям и какое-то болезненное бесстыдство... Однако гораздо труднее сказать, что именно из этого экзотического набора преобладает у автора, и где конкретно в каждой из этих доблестей он достигает вершины, полного раскрытия своих потенциалов.

Действительно, вот образцы языка Радзинского. “Ленин начал стремительно приближаться к смерти”... “Сталин получил отсутствие хлеба”... “Надо приковать Горького канатами (!) к партии...” “Сталин двинулся (!) в Ленинград”... “Встретившись (!) с заключением (т. е. оказавшись в тюрьме.— **В.Б.**), Зиновьев сломлен”... “Сталин нес останки (!) Горького”, т.е. урну с прахом... “Похороны Кирова происходят (!) в Колонном зале”... Сколько раз я бывал в этом прекрасном историческом зале, и вот совсем недавно — на съезде КПРФ, но могилы Кирова там не видел... “Все обвиняемые (Зиновьев, Каменев и другие на процессе 1936 года) требовали (!) для себя расстрела”... Ну так уж и требовали! Зачем же в таком случае писали просьбы о помиловании. Я уж не говорю о том, что обвиняемых, преданных суду, именуют подсудимыми, а не обвиняемыми. Подобных примеров можно привести еще много, но, пожалуй, и этих достаточно, чтобы видеть, до чего автор глух к слову. В этом его можно сравнить разве что с такими же антисоветчиками, как Д. Волкогонов, писания которого изобилуют речениями вроде таких: “Верховный имел страсть к уничтожению противника”, или с Б. Окуджавой, читать романы которого — как ребусы разгадывать, ибо ему ничего не стоит дать вам, допустим, совет не злоупотреблять выпивкой во время панихиды, — бедолага путает панихиду с поминками. Все это наводит на мысль о том, что антисоветизм явно вреден для пишущей братии.

Кстати говоря, дурной язык не единственное, что делает этих антисоветчиков похожими друг на друга, как матрешки. Они совершенно одинаковы, например, в неутомимом стремлении свою образованность показать. Но, увы, не имеют для этого других возможностей и средств, как только шпиговать свои писания многозначительными посвящениями, мудрыми эпитафиями, глубокомысленными цитатами и т.п. У Радзинского всего этого — навалом. Тут и посвящение родителю-вдохновителю, и библейские образы, и античные герои, и редкостные эпитафии — из Писания и Тацита, из Роллана и Галана, из Платона и Наполеона... Да еще из какого-то натужно-загадочного “английского путешественника”... Все это в принципе само по себе вовсе не плохо. Почему не привести, если она уместна, цитату, допустим, из того же Наполеона, который умел хорошо сказать. Но если это делает такой автор, как Радзинский, не знающий даже когда Наполеон вторгся в Россию, то такая цитатка (а за ней — вереница!) просто убивает своей литературщиной и пошлостью.

Но вернемся к языку. Так вот, я лично не могу определить, где именно автор являет нам здесь свое высшее достижение. Не могу!

А возьмите фактические несуразности, нелепицы, искажения дат, имен, званий, коими напичкана книга. Пишет, например, что “в руках Колчака в 1918 году оказались неисчислимы людские резервы Сибири”. Какие неисчислимы? Даже двадцать лет спустя, по переписи 1939 года, на огромных просторах Сибири, почти в 10 миллионов квадратных километров, проживало лишь 17 миллионов человек, т.е. меньше двух человек на один квадратный километр. Это была самая малонаселенная территория страны. И американскому ставленнику Колчаку не удалось наскрести в свою армию более 400 тысяч. Это всего. А на фронт он мог выставить лишь 130-140 тысяч штыков и сабель.

Читаем дальше: “Во второй половине 1919 года Деникин повел свои войска на Москву, чтобы соединиться с армией Колчака. Ну, правильно, повел. А где же в это время был доблестный нахлебник американского президента Вильсона — может, уже к Петушкам подходил со своим воинством? Оказывается, еще в мае, как с большим сожалением сообщает сам же Радзинский, “Колчак потерпел сокрушительное поражение” на подступах к Самаре и повернул оглобли обратно в Омск, откуда и выполз. О каком же соединении могла идти речь? Видимо, автор очень смутно представляет себе, где Самара, где Омск, и как они удалены от Москвы. Это неудивительно для человека, который прожил жизнь в полной уверенности, что от западной границы СССР до Москвы всего лишь “полтысячи километров” с хвостиком.

Демонстрируя свои познания в других сферах, автор заявляет, что Л.Б. Каменев был председателем Совета народных комиссаров, т.е. главой правительства. Конечно, Каменеву нельзя отказать в ловкости и пронырливости, но все же, друг любезный, где ему удалось вклиниться между всем известными главами советского правительства: Лениным (1917-1924), Рыковым (1924-1930) и Молотовым (1930-1940)?

Не зная угомону, исследователь пишет, что летом 1930 года “были арестованы академики, виднейшие специалисты”, что “одним из главных обвиняемых на процессе “Промпартии” стал М. Рамзин — знаменитый теплотехник, директор Московского технологического института”. Во-первых, каких академиков, каких виднейших арестовали? Назвал бы хоть одного академика. Во-вторых, Рамзин действительно был знаменитостью. Когда вернувшись с фронта, я поступил зимой 1946 года в Энергетический институт, он там преподавал, и мы бегали на его лекции — поглазеть на знаменитость. Да, он был осужден, но в 1936 году помилован, а в 1943-м получил Сталинскую премию за свой знаменитый “прямоточный котел Рамзина”. Звали его, в-третьих, вовсе не “М.”, а Леонид Константинович. И в-четвертых, был он директором не какого-то загадочного “технологического” института, а Всесоюзного теплотехнического. Как же можно о знаменитости наговорить столько вздора! Это ж тебе не парикмахер Моисей из ЦДЛ, который, впрочем, тоже достоин уважения.

В свое время не меньше известен был и Ю.Л. Пятаков, член ЦК, заместитель Орджоникидзе по Наркомтяжпрому, позже осужденный, о нем Радзинский пишет: “член партии с 1905 года”. А на самом деле — с 1910-го. “В Гражданскую войну командовал армиями”. Какими? Где? Когда? На каких фронтах? Командовать армией это ведь потрудней, чем лясы точить по телевидению.

Не оставил Радзинский без своей милости и еще одну знаменитость — художника-конструктора В.Е. Татлина, заслуженного деятеля искусств РСФСР, как знакомому своего папы

он продлил ему жизнь аж на целых три года: умер, говорит, не в 1953 году, а в 1956-м.

И ЭТО НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ случай соревнования в могуществе и щедрости с самим Вседержителем. Пишет: “70-е годы. Я беседую с Львом Романовичем Шейниным. Толстый следователь, отправивший в годы террора на смерть множество людей. Удалившись от дел, он пишет пьесы — стал моим коллегой. Он кокетничает своим знанием тайн. Его даже радует мой вопрос: “Сталин приказал убить Кирова?” Он улыбается. И отвечает ласково: “Сталин был вождь, а не бандит, голубчик...” Живая сценка, правда? Однако нельзя не заметить, что, во-первых, следователи никого на смерть не отправляют, это прерогатива других участников судебного процесса. Во-вторых, весьма сомнительно, чтобы в семидесятые годы, когда хрущевское беснование, именовавшееся “борьбой против культа личности”, осталось далеко позади, молодой скромный голубчик мог обратиться к известному драматургу и с бухты-барахты брякнуть такой вопрос. Тем более, в-третьих, что вопрос задан в провокационной форме, навязывающей ответ, и Шейнин как опытный следователь сразу обратил бы на это внимание. В таких случаях спрашивают так: “Кто убил Иванова, Петрова или Сидорова?” В-четвертых, ответ Шейнина любознательному голубчику был совершенно правильный, и потому ирония голубчика тут совершенно неуместна. В-пятых, есть веские основания думать, что вообще весь разговор этот — досужая выдумка, ибо Л.Р. Шейнин до “семидесятых годов”, к сожалению, не дожил, он умер в 1967-м. Наконец, повторю, следователи никого на смерть не отправляют, а вот сочинители таких поистине убийственных книг, как “Сталин”, могут довести читателя и до кондрашки, и до скоропостижной кончины.

Автор рассказывает о своих и других многочисленных встречах да беседах. Тут и Молотов, и Виктор Шкловский, и вдова Михаила Булгакова, и Юрий Олеша... И как жаль, что уже нет в живых Л.Р. Шейнина, следователя по особо важным делам, чтобы докопаться: правда это или вымысел, ибо все они, как и беседа в Шейниным, вызывают большое сомнение. Допустим, говорливый Эдвард рассказывает, что однажды в гардеробе театра им. Ермоловой увидел старика Молотова и увязался проводить его до дома. И вот первый вопрос знаменитому старцу: “Почему Сталин ходил в сапогах? Есть много странных объяснений...” Вот проблема, терзающая ум и душу великого разгадывателя загадок мировой истории! Тема сталинских сапог проходит через всю его рахитично пузатую книгу... Конечно, для человека, всю жизнь проходившего в шлепанцах и не носившего сапоги даже два года в армии, они, сапоги-то, большая экзотика. Но тогда, в 2030 годы, пол-России ходило в сапогах, как сейчас ходят в них наши женщины. Я, например, помню своего отца, умершего в 1936 году, только в сапогах. А он был уже не офицером, как в молодости, а врачом.

Но что же Молотов? Разумеется, он не ответил на вопрос непуганого драматурга. А тот еще удивляется тому, что потом будто бы звонил Молотову, но “так и не смог договориться о новой встрече”. Да ведь у Вячеслава Михайловича были веские основания ожидать после первой беседы, что при новой встрече ему будет задан вопрос: “Какого цвета подштанники носил Иосиф Виссарионович? Есть много странных версий”... Впрочем, весьма сомнительно, чтобы опальный Молотов дал свой телефон человеку, с которым случайно столкнулся в раздевалке. Тем более, что этот незнакомец то ли прикидывается психом, то ли такой и есть.

Вот еще одна беседа. “Начало 80-х. Я сижу на пляже в Пицунде, рядом — Виктор Борисович Шкловский, великий теоретик левого искусства, друг Маяковского. Он абсолютно

лыс. На пицундском солнце блестит продолговатая голова..." Тут вполне несомненно только одно: Шкловский действительно был еще с молодых лет абсолютно лыс. Но в начале 80-х ему было уже девяносто, и невозможно поверить, чтобы в таком возрасте он мог вслед за Эдиком рвануть в Пицунду, валяться там на пляже и подставлять свою лысую голову беспощадному кавказскому солнцу. Последний раз я встретил его за несколько лет до этого в каком-то учреждении недалеко от Киевского вокзала, где писателям выплачивали гонорар за иностранные издания их книг. Право, он совсем не походил на человека, мечтающего и способного жариться на южном солнце.

Между прочим, Радзинский уверяет, что тогда, вертя сияющей лысой головой, Шкловский сказал ему: "Горький совершенно не понимал живопись". Неприязнь Шкловского к Горькому известна еще с его "Гамбургского счета" (1927 г.), где он писал, что великий писатель даже "не доезжает до Гамбурга". Но в данном случае, что ж, может быть, и не понимал живопись, как Шкловский совершенно не понимал музыку, о чем в свое время так и сказал в статье о Седьмой симфонии Шостаковича. Каждому свое. Но ведь вот парадокс: один, ничего не понимая в музыке, пишет статьи о ее сложнейших произведениях, а другой, ничего не понимая в живописи, так много сделал для художников, как никто, — чего стоит хотя бы его участие в судьбе замечательного Павла Корина, которому он даже раздобыл отличное помещение для мастерской... Какие незабываемые вечера когда-то просиживали мы там с Володей Солоухиным!.. Эта помощь и участие заставляют сомневаться в том, что Горький + живопись = Шкловский + музыка.

Много захватывающего сообщает нам Радзинский о наших военных делах и военачальниках. Например, просветитель уверяет, что А.И. Егоров был Маршалом Советского Союза уже в 1932 году, хотя до сих пор было известно, что маршальское звание введено у нас лишь в 1935-м. Так уверенно, словно это ему рассказывал родной папа, все видевший своими глазами, заявляет, например: "Сталин оконфузился во время польской кампании". Война, затеянная против нас поляками весной 1920 года, имела целью создание "Великой Польши от моря до моря". Поляки получили мощнейшую поддержку оружием, деньгами и людьми со стороны Антанты. Достаточно сказать, что одна только Франция предоставила долгосрочный кредит на сумму свыше 1 млрд. франков и передала 350 самолетов, 1494 орудия, 10 млн. снарядов, 2800 пулеметов, 328 тыс. винтовок, 518 млн. патронов, 800 грузовых автомобилей. Не поспешили и Англия, и США, а из Крыма грозил Врангель, да тут еще петлюровская Директория. Военные действия развивались крайне драматически. Довольно быстро поляки захватили Минск, а 6 мая и Киев, но уже 12 июня их оттуда вышибли. Перейдя в наступление, наши войска в начале августа дошли до Варшавы. Тут по плану, разработанному по указаниям знаменитого французского маршала Фоша, началось польское контрнаступление, мы отошли, но ни Минска, ни Киева поляки больше не увидели, и мечта о "Великой Польше от моря до моря" осталась мечтой.

И если уж кто "оконфузился" в этой войне, то прежде всего командующий Западным фронтом Тухачевский (которого Радзинский называет "военным гением"), ибо именно этот фронт играл главную роль в войне. А Сталин ничем не командовал, он был всего лишь членом военного совета Юго-Западного фронта, выполнявшего подсобную задачу.

Но слушайте этого знатока истории дальше: "Блюхер провалил Хасанскую операцию". Что значит провалил? Вторгшиеся на нашу землю японцы добились своих целей? Блюхер

действовал не лучшим образом, но как бы то ни было, японцев частью уничтожили, а остальных изгнали с нашей земли. Словом, операция была несколько успешней, чем то, что мы видели в Чечне под командованием военного гения Ельцина и его наполеонистых генералов.

Дальше: “Ворошилов провалил Финскую войну”. Это как же надо понимать? Да, война была трудной, кровопролитной, но в результате финны запросили мира, и мы добились всех целей, которые ставили перед собой, даже больше того: мы, например, не планировали получить Выборг, но мы его получили. А упущения и ошибки бывают во всякой операции, в любой войне, и за ошибки в этой войне Ворошилов был снят с должности наркома обороны, но это ничуть не ставит под сомнение успешный для нас исход всей войны, как показало ближайшее будущее, столь важный для нас исход.

ЛИХО РАЗДЕЛАВШИСЬ с Блюхером и Ворошиловым, наш военный историк пишет, что “накануне войны к руководству армией пришли новые люди — пусть пока неопытные, но куда более современно мыслящие и образованные, для которых Гражданская война была всего лишь героическим мифом”. Конечно, новые, конечно, образованные — правда, непонятно, откуда такие взялись в “самом чудовищном государстве всех времен”. Но с чего это, сударь мой, вы взяли, что Гражданская война была всего лишь “мифом”? Может быть, для ваших папы с мамой? А для советского народа это была страшная реальность, которая дала ему лучшую жизнь.

Отнюдь не была она “мифом” и для новых людей в руководстве армии — для Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева, Еременко и многих других. Почти все они сами были участниками Гражданской войны, а многие еще и Германской, только командовали тогда не армиями и фронтами, а взводами да ротами, батальонами да, в лучшем случае, полками. А у иных был еще опыт войны в Испании, Хасана и Халхин-Гола, похода 1939 года в Польшу, наконец, опыт Финской войны. Конечно, немецкие генералы, почти сплошь участники Первой мировой войны, изрядно превосходили наших новейшим военным опытом 1939-41 годов, но и о наших военачальниках сказать “пусть пока неопытные” мог лишь человек, который за всю свою жизнь по военной части не видел ничего более значительного, чем смену караула у Мавзолея Ленина.

Как многие люди его умственного и образовательного уровня, Эдвард Радзинский чрезвычайно настойчив в стремлении за простыми и, казалось бы, совершенно случайными вещами и фактами распознать нечто закономерное, значительное, глубокое, а то и мистически планетарное. Иначе говоря, он великий мастер глубокого философствования на мелких местах. Так, его чрезвычайно заинтересовали “почти мистические совпадения” в судьбах Сталина и Гитлера. Как же! И тот, и другой — “третий сын в семье, и дети, родившиеся до них, умерли. Гитлер также рожден в бедности, и также ходили легенды, что он незаконный сын, и даже отец Гитлера какое-то время зарабатывал сапожным ремеслом. Единственная любовь Гитлера также покончила с собой, и многие считают, что он убил ее...” Поразительно! Только странно, как мелководный философ не заметил еще и того, что ведь оба были главнокомандующими своих армий. Или тут уже начинаются некоторые расхождения, поскольку один главнокомандующий, разгромив армию другого, довел его до самоубийства?

Кстати говоря, ведь существует стойкая легенда, что и сам Радзинский — тоже третий и тоже незаконный ребенок в семье. Правда, до него только первый был мальчик, а потом —

девочка, и они не умерли в детстве, хотя были недоносками, и мать от них отказалась, сдала в детдом. Со временем они, эти чудные детки, стали очень известными людьми: первенец — Яковлевым, девочка — Старовойтовой. Не знаю, точно ли это, но во всяком случае антисоветское духовное родство между всеми тремя просматривается отчетливо.

Любопытно, что к мистическим совпадениям в судьбах Сталина и Гитлера гипотетический единоутробный брат Яковлева и Старовойтовой относится по-разному. Тот факт, что два старших брата Гитлера умерли в младенчестве, его абсолютно не интересует, как не интересовал прежних биографов Сталина такой факт и в его судьбе. В самом деле, казалось бы, тут можно лишь посочувствовать несчастной молодой грузинке из более чем вековой дали. Но не таков прозорливец Эдвард! Он из этого факта извлекает нечто весьма полезное для режима политических прохвостов: “Сама природа противилась рождению Сталина!” А?! С кем нам выпало счастье жить в одно время! УЕСри, Денис, и я буду рыдать на твоей свежей могилке. Ловко!.. И ведь не сразу сообразишь, что если природа и противилась, то она успешно сделала это в первых двух случаях со старшими братьями, а в третьем, наоборот, она приветствовала рождение младенца, который действительно стал великим человеком.

Глубокий умственный вывод о порочности природы диктатора Радзинский извлек также из того вроде бы незначительного факта, кем-то рассказанного ему, что Сталин мог порой любезно беседовать с человеком, быть столь предупредительным, что даже провожал его до двери кабинета, но закрывалась дверь и он вздыхал: “Какая сволочь!” Вот, мол, как лицемерны тираны, восклицает наш друг. Однако сдается нам, что здесь он уж слишком суров, ибо Сталину, по его положению руководителя страны, приходилось иметь дело и со сволочами, любезничать и с явными мерзавцами. Я думаю, что именно так он сказал, например, в августе 1939 года, когда закрылась дверь за гитлеровским министром иностранных дел Риббентропом, а также 1 декабря 1943 года в Тегеране, проводив Черчилля, который два с лишним года тянул резину с открытием Второго фронта в Европе. И еще неизвестно, что сказал бы Иосиф Виссарионович, закрыв дверь, допустим, за Радзинским.

Или взять такую, казалось бы, несущественную частность. Наш исследователь уверяет, что раскопал в архивах (а мы знали это еще по замечательным сочинениям Роя Медведева), будто Сталин родился вовсе не 21 декабря 1879 года, а на целый год раньше. Вроде бы, ну и что? Ну и пусть! У него жена была намного лет моложе, вот, возможно, и захотел скинуть хоть годок. Вон было сообщение, что согласно новейшим исследованиям, даже сам Христос родился чуть ли не на семь лет раньше. И кто от этого пострадал? Никто. Э, нет, говорит бдительный Эдвард, судя по хватке, мог бы сделать прекрасную карьеру в КГБ. Тут, мол, дело не так просто: Сталин сознательно старался сбить с толку, запутать своих будущих биографов, в частности, и бедного Радзинского. Да зачем же? С какой целью? Этого исследователь пока не знает. Но будьте уверены — докопается.

При виде столь пристального внимания к этому пустячному вопросу, невольно закрадывается мысль: а все ли здесь в порядке у самого корифея антисталинизма?.. Он уверяет, что родился в сентябре 1936 года. Значит, в прошлом году у него был большой юбилей — шестидесятилетие. Если так, то почему же 1996 год объявили годом Жукова, годом Шостаковича, но никто ни у нас дома, ни в ЮНЕСКО не догадался провозгласить его еще и годом Радзинского? Более чем странно. Ведь такая интеллектуальная глыба!.. И даже Ельцин не почтил его хоть какой-нибудь медалькой, что ли. Нет, все это очень странно и загадочно...

ЗДЕСЬ Я ВЫНУЖДЕН прервать намеченный план повествования и поздравить нашего героя с неожиданной и мощной поддержкой, полученной им со страниц коммунистической “Правды-5” по одному из важнейших вопросов его сталинофобского сочинения. Речь идет о напечатанной там 22 апреля, в день рождения Ленина, большой статье члена редколлегии “Правды”, доктора философских наук профессора Бориса Славина. “Последний бой революционера”. Этот автор редко обходится в своих статьях и выступлениях без поношения Сталина. Когда на I Объединительном съезде КПРФ один оратор сказал несколько одобрительных слов о Сталине, Славин пришел в ужас: “Как можно! Да нас заплует буржуазная пресса!..” Этот коммунист живет в страхе перед буржуазной прессой.

Статья “Последний бой...” имеет подзаголовок “О малоизвестных и неизвестных фактах из жизни Ленина”. Как же было не прочитать такую сенсационную статью. Однако ничего малоизвестного я там не обнаружил. Частично это было в сочинениях, например, Михаила Шатрова-Маршака, частично — в нынешней книге Радзинского “Сталин”. Более того, некоторые важные документы, прямо и непосредственно относящиеся к теме, ловко опущены.

Суть статьи состоит в том, что не в лоб, не впрямую, а тихо, ласково, с профессорскими ужимками и докторскими реверансами читателя подводят к мысли: Сталин отравил Ленина ядом. Ну а “если Ленин не был отравлен физически, то, безусловно (!), его отравили духовно и политически тем, что не дали реализовать дорогие ему идеи...” А главную роль и в этом случае сыграл Сталин. Ничего нового тут нет, эта мыслишка взята у помянутых выше собратьев и соплеменников, которые в свою очередь стащили ее у троцкистов.

Статья начинается с заявления, что “истинная причина смерти Ленина остается загадкой”. И тут же сообщается, что эта смерть породила много версий. И первой названа такая: “Одни считали, что Ленин был отравлен Сталиным”. Кто именно эти “одни”? Молчит профессор. “Другие говорили о возможном самоубийстве”. Кто конкретно эти “другие”? Молчит. “Третьи видели в смерти Ленина активное неприятие им политической линии, которая возобладала в партии”. Назови хоть одного из этих “третьих”. Нетушки... Но неужели не было “четвертых” или “пятых”, которые считали бы причиной смерти долгую и тяжелую болезнь, поразившую весь организм? Видимо, не было, если такой ученый человек не называет их.

Перечислив все три известные ему версии, Б. Славин заявляет: “Каждая из этих версий имеет право на жизнь”. Тут следовало бы добавить: “после их эксгумации и реанимации Шатровым, Радзинским и мной, доктором марксистских наук”. Ну, а имеет ли право на жизнь “версия” о смерти по той причине, что, как сказал поэт: “десять жизней людских отработал Владимир Ильич”, отработал и занемог, износился и не устоял против беспощадной страшной болезни? Этот вопрос газетный корифей марксизма оставляет без рассмотрения.

Нет, он отдает явное предпочтение первой, “сталинской” версии: она названа в начале статьи, о ней же говорится в самом конце: “В зарубежной литературе (после его смерти) сразу же появилась версия, что Ленин был отравлен”. Что за “зарубежная литература?” Ведь она, как известно, разная. Странно выглядит безразличие к этому со стороны дипломированного марксиста, сто лет работающего в “Правде”.

Главный довод в обоснование этой версии состоит в том, что незадолго до смерти Ленин почувствовал себя лучше. Боже милосердный, да это нередко бывает. Поговорите с врачами. Совсем незадолго до смерти Владимир Солоухин, например, принял активное участие в

праздновании юбилея “Нашего современника”, в театре Дорониной прочитал со сцены свои стихи, потом был на вечере в ЦДЛ по поводу Дня Красной Армии, после окончания которого мы сидели с ним в фойе и наблюдали за шахматной игрой двух любителей, и вдруг...

Но обратимся к роли Сталина. М.И. Ульянова вспоминала: “Зимой 1921 года В.И. чувствовал себя плохо. Не знаю точно когда, но в этот период В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать цианистого калия. Сталин обещал...” Почему больной обратился именно к Сталину? Троцкий, который для всех трех названных выше авторов тут главный авторитет, писал: “Разгадка проста: Ленин видел в Сталине единственного (читай “жестокое” — Радзинский) человека, способного выполнить эту трагическую просьбу”. Это утверждают они все, но на самом деле Сталин был самым доверенным человеком Ленина: именно ему он разрешал заходить в его кабинет в любое время без предупреждения, именно ему поручал вести заседания Совета министров в свое отсутствие.

А почему не Троцкий? Ведь Ленин и ему разрешал заходить в кабинет без предупреждений... М.И. Ульянова писала: “На одном заседании Политбюро Троцкий назвал В.И. хулиганом... В.И. побледнел, как мел, но сдержался и сказал что-то вроде “у кого-то нервы пошаливают” на эту грубость Троцкого. Симпатий к Троцкому он и помимо того не чувствовал”. Но уж какие симпатии к Иудушке...

Но вернемся к первой цитате М.И. Ульяновой: “С той же просьбой (о яде) В.И. обратился к Сталину в мае 1922 года, после первого удара. В.И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему уже не решились отказать. Сталин пробыл у В.И. действительно пять минут, не более, и когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просил доставить ему яд, так как время исполнить данное ему обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И. (Вы можете представить себе Ленина, целующегося с Троцким? Разве что в пьесе Шатрова, где Михаил Ульянов в роли Ленина опускался на колени перед великим Львом. — **В.Б.**), и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить Ильича. Сталин вернулся снова к В.И. и сказал, что, поговорив с врачами, он убедился, что еще не все потеряно и время исполнить просьбу еще не пришло. В.И. заметно повеселел, хотя и сказал Сталину: “Лукавите?” — “Когда же вы видели, чтобы я лукавил?” Они расстались и не виделись до тех пор, пока В.И. не стал поправляться. В это время Сталин бывал у него чаще других...”

А теперь Троцкий: “Во время уже второго заболевания Ленина (это была все одна болезнь. — **В.Б.**), видимо, в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду...”

Из всего этого следуют два важных вывода. Первый: в 1921 и в 1922, и в 1923 годах Ленин обращался именно к Сталину с просьбой о яде. Второй: Сталин не только не делал тайны из этой страшной просьбы, высказанной с глазу на глаз, скрыть которую было бы проще простого, а тут же сообщал о ней и родственникам, и товарищам по руководству партии, обсуждал с ними трагическое положение. Поступают ли так люди, задумавшие тайное отравление?

Более того, 17 марта 1923 года Сталин пишет письмо членам Политбюро, в котором извещает, что Крупская “в порядке архиконспиративном сообщила мне просьбу Вл. Ильича (видимо, это была новая очередная просьба. — **В.Б.**) достать и передать порцию цианистого

калия... Н.К. говорила, что Вл. Ильич переживает невероятные страдания..." Страдания были так велики, что даже родная жена, самый близкий человек, с которым Ленин прожил тридцать лет, хотела избавить от них мужа". "Надежда Константиновна сообщила, — писал Сталин, — что она пробовала дать калий, но не хватило выдержки, ввиду чего она требует поддержки Сталина". Жена требует помочь ей умертвить мужа! Да понимаете ли вы, марксистские шелкоперы, в жизни своей не выдавшие ничего, кроме книжных полок, весь кошмар, всю глубину этой трагедии!..

И что же Сталин, на твердость, на жесткость, на жестокость которого будто бы только и рассчитывал Ленин? Сталин в том письме писал: "Должен заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу и я вынужден отказаться от этой миссии, о чем довожу до сведения Политбюро."

Знал обо всех этих обстоятельствах, воспоминаниях и письмах Борис Славин? Конечно, знал! Ведь он такой большой ученый-марксист. Кое-что он и процитировал, но о самом главном — о поведении Сталина — в своей пространной статье, осенясь именем Ленина, он умолчал.

Поздравляю вас, Эдвард Радзинский, с мощной поддержкой одного из корифеев. И прямо скажу: рядом с ним вы смотрите гораздо лучше.

... Между прочим, есть такая версия, что нынешнее прискорбное состояние "Правды" есть прямой результат обилия в ней публикаций такого интеллектуального, нравственного и литературного уровня, как статья "Последний бой..." Я думаю, что эта версия имеет право на жизнь.

[Вернуться в Линдекс](#)

В.Бушин :

- **ГЛАВНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ** от новой книги Эдварда Радзинского "Сталин" и от его восьми телепередач на эту же тему нетрудно выразить в нескольких словах: убожество языка и примитивность образных решений, поразительная по широте неосведомленность и сознательная фальсификация, непонимание самых простых вещей и злобность, умопомрачительная ненависть к Советской стране, ее истории, ее деятелям и какое-то болезненное бесстыдство... Однако гораздо труднее сказать, что именно из этого экзотического набора преобладает у автора, и где конкретно в каждой из этих доблестей он достигает вершины, полного раскрытия своих потенций.

Бушин В.С. "[Эдвард и его братья](#)", "Завтра", №18, 1997 г., 100000 экз., 31,0 Кб.

Смотри также

[Враги](#)

[Евреи](#)

[Вернуться в Линдекс](#)

Новое	Темы	Авторы: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю	ЛИНДЕКС
"АнаФ"	Ссылки	Я	РОДСТВЕННОЕ

[Вернуться в Линдекс](#)

ПРОЕКТ ([подключено](#))

Линдекс — это аннотированный и тематически систематизированный Указатель статей, книг, интернет-информации о русском Сопротивлении планам уничтожения России и русского народа. Начиная с версии 3.01, Линдекс является коммутатором [централизованных русских ресурсов](#) Сопротивления.

Автор проекта — Лев Леонов, г. Челябинск.
E-mail: lev59@mail.ru

Этот сайт не новостной, хотя в разделе "Аргументы на факты ("АнаФ") дается информация и комментарий от разных оппозиционных организаций. Но это не новость, а оценка новости.

Этот сайт - не бесконечный. Он достигнет своей цели, когда, на основе материалов, представленных на "Линдексе", кто-то напишет книгу "**Русско-Государственническое движение ("РГД") История.**

Г

Е Эти границы всегда передвигаются мышкой.

Очень важно! Новый основной адрес сайта: <http://www.lindex-ru.org>

Важно! Адрес зеркала сайта: <http://www.lindex.lenin.ru>

ВЫ ПРОСМАТРИВАЕТЕ ПОЛНУЮ БЕСЦЕНЗУРНУЮ ВЕРСИЮ "ЛИНДЕКСА"

Страница, которую Вы видите сейчас, является "стартовой". Однажды открытая, она всегда к Вашим услугам. Чтобы не тратить время и деньги в сети, не пользуйтесь ссылкой ["Вернуться в Линдекс"](#), когда та в дальнейшем встретится, - просто вернитесь в окно "стартовой" с помощью клавиши (**start**) на панели задач. Ссылка "Вернуться в Линдекс" сделана для пользователей, попавших на сайт "Линдекс" по наводке поисковых серверов. После возвращения в "Линдекс", на "стартовую", им также не следует больше пользоваться ссылкой "Вернуться в "Линдекс".

Опустите верхнюю границу, чтобы получить доступ к

Поиску

Для увеличения покадровой информации используйте самый мелкий шрифт и полноэкранный режим

Уважаемые визитеры!

В связи с нарастанием репрессий правящего антинародного (антирусского) режима, проигравшего нам, простым людям, войну за Россию, Интернет вскоре перестанет быть в России свободной трибуной, доступ к ведущим сайтам оппозиции, в том числе, "Линдексу" будет рано или поздно перекрыт. Как сейчас перекрывают печатные издания. Нам необходимо всем вместе подумать